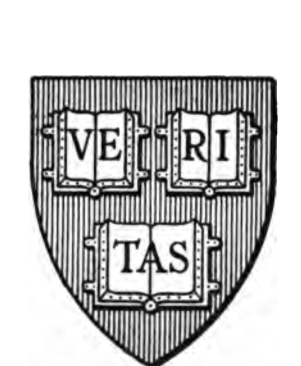

VE
RI
TAS

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну самому Іисусу Христу. Ефес. 2, 20.

33

ЧАСТЬ XXXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1829 ГОДА.

Съ дозволенія

Цензурнаго Комитета, учрежденнаго при Санктпетербургской Духовной Академіи.

I.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО

НАСТАВЛЕНІЕ ЮНОШАМЪ,

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЯЗЫЧЕСКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ.

Юноши! Многія причины побуждаютъ меня дать вамъ наставленіе въ томъ, что нахожу я очень важнымъ и что, надѣюсь, будетъ полезно вамъ, если вы примете мой совѣтъ. Ибо достигши такихъ лѣтъ, много образовавшись въ училищѣ опыта и сверхъ того довольно испытавши непостоянство судьбы, которое всему научаетъ, я столько пріобрѣлъ уже знанія въ дѣлахъ человѣческихъ, что вступающимъ только на поприще жизни, кажется, могу указывать безопаснѣйшій путь. По родству духовному, я для васъ первый послѣ родителей, и самъ не менѣе ихъ имѣю расположеніе къ вамъ; даже думаю,

если не обманываюсь въ своемъ мнѣніи о васъ, что и вы, обращаясь со мною, не пожелаете возвратиться къ родителямъ. И такъ, если вы со всѣмъ усердіемъ примете слова мои: то будете принадлежать ко второму разряду людей, похваляемыхъ Гезіодомъ. Если же не примете: то я не скажу ничего огорчительнаго для васъ; но вы сами можете припомнить тѣ пѣсни Гезіода, гдѣ онъ говоритъ: *превосходенъ* тотъ, кто самъ собою усматриваетъ, что должно ему дѣлать; *хорошъ* и тотъ, кто слѣдуетъ наставленіямъ другихъ; но кто ни къ тому ни къ другому не способенъ, тотъ *вовсе безполезенъ*.

Не удивляйтесь, если вамъ, которые каждый день собираетесь къ учителямъ и знакомитесь съ просвѣщенными мужами древности, упражняясь въ чтеніи оставленныхъ ими писаній,—если скажу вамъ, что и я по собственному опыту нашелъ въ занятіи семъ нѣчто полезное. Касательно сего-то предмета даю вамъ такой совѣтъ: не должно совершенно предавать симъ мужамъ, какъ бы какимъ кормчимъ, кормило своихъ мыслей и слѣдовать за ними, куда они ни поведутъ;

но, заимствуя отъ нихъ полезное, нужно знать, что должно и оставлять. Какіе же то предметы, и какъ ихъ различать,—сему я хочу научить васъ; начну съ слѣдующаго.

Мы, любезные, совершенно ни за что считаемъ настоящую жизнь человѣческую; отнюдь не почитаемъ и не называемъ благомъ того, что только въ теченіе жизни доставляетъ намъ пользу. Не только не поставляемъ за великое ни знаменитость предковъ, ни силу тѣлесную, ни красоту, ни величіе, ни обширную славу, ни самое царство, ни всякое другое преимущество человѣческое; но все это признаемъ даже недостойнымъ желанія. Не удивляемся и тѣмъ, которые имѣютъ сіи преимущества: наши надежды простираются далѣе; мы все дѣлаемъ для жизни будущей. Посему утверждаемъ, что полезное для сей жизни должно и любить и снискивать всѣми силами, но презирать, какъ ничтожное, то, что не руководствуетъ къ будущей. Что касается до того, какова сія будущая жизнь, гдѣ и какъ мы будемъ провождать ее, то изъясненіе сего предмета слишкомъ обширно для настоящаго разсужденія, и притомъ требуетъ

гораздо совершеннѣйшихъ слушателей. Впрочемъ думаю, что довольно открою для васъ, когда скажу, что, если бы кто умомъ своимъ объялъ и совокупилъ во едино все блаженство, которое испытано съ тѣхъ поръ, какъ люди начали существовать: то нашлось бы, что сія совокупность не равняется ни малѣйшей части ожидаемыхъ благъ; что всѣ блага здѣшней жизни, въ сравненіи съ малѣйшимъ благомъ жизни будущей, гораздо ниже по достоинству, нежели сколько тѣнь и сновидѣніе ниже истины. Или, употребивъ сравненіе болѣе близкое, скажу сильнѣе: сколько душа по всему превосходнѣе тѣла, столько жизнь будущая превосходнѣе настоящей. Таковыя мысли внушаетъ само Священное Писаніе, научающее насъ истинамъ неизреченнымъ.

Но доколѣ еще незрѣлый возрастъ не позволяетъ проникать въ глубину смысла сихъ истинъ; дотолѣ мы упражняемъ духовное око наше въ другихъ писаніяхъ, имѣющихъ нѣкоторое сходство съ истиною, взирая на нихъ, какъ бы на тѣни и зерцала. Въ семъ случаѣ мы подражаемъ людямъ, приготовляющимъ себя къ подвигамъ ратоборства: они,

если сначала пріучатся къ быстрому движенію рукъ и ногъ, то и на самыхъ сраженіяхъ получаютъ пользу отъ сихъ, по видимому, дѣтскихъ упражненій. Мы должны быть увѣрены, что и намъ предлежитъ подвигъ величайшій изъ всѣхъ подвиговъ, для котораго мы должны все дѣлать, на приготовленіе къ коему должны употребить всѣ возможные труды,—бесѣдовать и съ поэтами, и съ историками, и съ ораторами, и со всѣми людьми, отъ которыхъ можно ожидать какой либо пользы для образованія души. Красильщики наводятъ на полотно пурпуровый или какой другой цвѣтъ не прежде, какъ приготовивъ оное къ тому извѣстными составами: такимъ образомъ и мы, если желаемъ, чтобы достоинство истины сохранилось въ насъ непомраченнымъ чрезъ все продолженіе жизни, не прежде должны приступать къ слушанію наукъ священныхъ и таинственныхъ, какъ усовершившись въ сихъ предварительныхъ познаніяхъ, то есть, не прежде обращать взоры свои прямо на солнце, какъ уже привыкши смотрѣть на него въ водахъ, когда оно отражается въ оныхъ.

И такъ, если между науками внѣшними и

духовными есть нѣкоторое сходство: то пріобрѣтеніе первыхъ не можетъ быть для насъ безполезно. Если же и нѣтъ сходства: то одно познаніе различія ихъ, посредствомъ взаимнаго противоположенія, немало уже способствуетъ къ уразумѣнію того, какія изъ сихъ наукъ превосходнѣе. А съ чѣмъ бы можно было сравнить тѣ и другія, дабы видѣть подобіе?—Подлинно, какъ существенную доброту дерева составляютъ благовременно приносимые плоды; но притомъ служатъ ему нѣкоторымъ украшеніемъ и листья, колеблющіеся на его вѣтвяхъ: такъ равно и у души преимущественную красоту составляетъ плодъ истины; но не непріятнымъ украшеніемъ для нея служитъ и внѣшняя образованность; она подобна листьямъ, кои доставляютъ плодамъ покровъ, а дереву красивый видъ. Посему-то, какъ извѣстно изъ Писанія, и Моисей, сей величайшій мужъ, коего имя, за его мудрость, прославляется всѣми людьми, удостоился узрѣть *Сущаго* послѣ того, какъ уже образовалъ умъ свой Египетскими науками. Подобно ему, въ позднѣйшія времена и мудрый Даніилъ, какъ повѣствуется, не прежде изученія Халдейской мудрости въ

Вавилонѣ, приступилъ къ урокамъ мудрости Божественной.

Что внѣшнія познанія не безполезны для души, о семъ довольно сказано. Теперь слѣдуетъ сказать о томъ, сколь много вы должны пользоваться оными. Начнемъ съ поэтовъ. Вопервыхъ, поелику поэты изображаютъ различные предметы: то не ко всѣму безъ изключенія должно прилагать вниманіе. Когда они представляютъ вамъ дѣянія или изреченія мужей добродѣтельныхъ; таковыхъ людей должно любить, соревновать имъ и употреблять всѣ усилія содѣлаться подобными имъ. Но гдѣ они разсказываютъ о людяхъ развращенныхъ; тамъ вы должны затыкать уши свои и избѣгать подражанія такимъ людямъ точно такъ, какъ Улиссъ, по піитическому сказанію, избѣгнулъ очаровательнаго пѣнія сиренъ. Ибо знакомство съ худыми разсказами есть уже нѣкоторымъ образомъ путь къ самымъ худымъ дѣламъ. Почему всячески должно хранить душу свою, чтобы съ пріятностію рѣчи непримѣтно не принять чего нибудь вреднаго, подобно какъ принимаютъ съ медомъ ядовитыя вещества. И такъ не будемъ хвалить поэтовъ, когда

они злословятъ, насмѣхаются, описываютъ сластолюбцевъ и піяницъ, или когда опредѣляютъ счастіе роскошествомъ стола и любострастнымъ пѣніемъ. Но всего менѣе покажемъ къ нимъ вниманія тамъ, гдѣ они воспѣваютъ боговъ, особливо, когда представляютъ ихъ многоразличными и притомъ несогласными между собою. Ибо у поэтовъ таковы боги: братъ возмущается противъ брата, отецъ противъ дѣтей, и наоборотъ, дѣти ведутъ непримиримую войну съ родителями. А студодѣянія боговъ, любовныя ихъ безчинства и кровосмѣщенія, совершаемыя открыто, преимущественно же Юпитера, сего верховнаго надъ всѣми прочими владыки, какъ величаютъ его поэты, (поелику подобнаго даже о скотахъ не льзя разсказывать безъ стыда) предоставимъ театральнымъ лицедѣямъ.

Почти то же самое могу сказать объ историкахъ, особенно, когда они повѣствуютъ для забавы слушателей. Не будемъ подражать и ораторамъ въ искусствѣ обольщать. Ибо намъ, которые вступили на прямой и истинный путь жизни, которымъ законъ не позволяетъ и судиться, неприлично

обманывашь ни въ судилищахъ, ни въ другихъ случаяхъ. Лучше воспользуемся у нихъ шѣмъ, что они сказали въ похвалу добродѣтели, или въ нориканіе порока. Какъ въ цвѣтахъ другіе любуюшся только пріяшнымъ запахомъ или красивымъ видомъ, а пчелы собираюшъ съ нихъ еще и медъ: шакъ и здѣсь шѣ, которые ищушъ въ произведеніяхъ сего рода не одного удовольствія и увеселенія, могушъ пріобрѣсти отъ нихъ нѣкоторую пользу для души. Вы должны пользоваться ими, во всемъ подражая пчеламъ. Онѣ не на всѣхъ цвѣтахъ равно останавливаются, не силятся уносить съ собою цѣлыми тѣ цвѣты, на кои садятся; но, собравъ съ нихъ шо, что нужно имъ для ихъ работы, прочее оставляюшъ. Равно и мы, если благоразумны, будемъ выбирашь изъ сихъ сочиненій только нужное для себя и согласное съ истиною, а прочее оставлять безъ вниманія. И какъ, срывая цвѣты съ розоваго куста, мы отводимъ шипы; шакъ и здѣсь, заимствовавъ полезное, будемъ оберегаться вреднаго.

И шакъ нужно сначала обозрѣть каждую изъ наукъ и приспособить къ своей цѣли, какъ говоришъ Дорическая пословица: *веди*

мѣломъ по снурку. Поелику къ будущей жизни нашей мы должны стремиться путемъ добродѣтели; а она много прославлена и поэтами, и историками, и еще болѣе философами: то въ ихъ твореніяхъ именно на сей предметъ мы и должны обращать свое вниманіе. Немало пользы проистекаетъ и изъ того, что души привыкаютъ обращаться съ добродѣтелію еще въ юношествѣ: ибо наставленія ея, глубоко впечатлѣваясь въ душахъ нѣжныхъ, остаются обыкновенно неизгладимыми. Можно ли, на примѣръ, думать, чтобы Гезіодъ, составляя слѣдующіе стихи, всѣми повторяемые, имѣлъ въ виду что либо другое, а не то, чтобы поощрить къ добродѣтели юношей? Вотъ они: „Тяжелъ и неприступенъ вначалѣ, сопряженъ съ большими подвигами и трудами, и горестъ путь, ведущій къ добродѣтели. Посему - то не только не всякой можетъ вступить на оный, по причинѣ крутизны его, но и вступившему нелегко достигнуть вершины. Если же кто поднимется на высоту его: тотъ увидитъ, что путь сей ровенъ и гладокъ; что онъ пріятнѣе другаго пути, ведущаго къ пороку; и что его скоро можно найти

по причинѣ близости.“ Кажется, что стихотворецъ написалъ сіе не для чего другаго, какъ для того, чтобы привлечь насъ къ добродѣтели и сдѣлать всѣхъ добрыми, и чтобы мы, изнуренные трудами, не сошли съ сего пути прежде достиженія цѣли. Такъ, если бы и другой кто подобнымъ сему образомъ воспѣлъ добродѣтель, мы приняли бы его пѣсни, какъ руководствующія къ той же цѣли.

Даже я слышалъ отъ одного любителя слова, который наилучшимъ образомъ умѣлъ понимать мысли поэта, что и вся Одиссея Гомерова есть похвала добродѣтели, и къ сей цѣли все направлено въ ней, кромѣ побочныхъ украшеній. Особенно это видно тамъ, гдѣ представляется нагимъ вождь Кефаллинянъ, спасшійся отъ кораблекрушенія. 1) Вопервыхъ, лишь только онъ явился, царица ощутила къ нему уваженіе; столько-то мало внушилъ онъ стыда, представившись нагимъ и одинокимъ! — Сіе потому, что, вмѣсто одежды, его украшала добродѣтель. Потомъ и прочіе Феакіане столько почтили его, что всѣ, оставивъ изнѣженный

1) Одисс. Пѣсн. 6 и 7.

образъ жизни, стали снимать съ него образецъ, подражать ему, и всякой изъ нихъ ничего болѣе тогда не желалъ, какъ содѣлаться Улиссомъ, спасшимся отъ кораблекрушенія. Здѣсь, какъ говоритъ упомянутый истолкователь мыслей поэта, Гомеръ, только не вслухъ и не прямо, говоритъ: о люди! вы должны стараться о пріобрѣтеніи добродѣтели, которая выплываетъ и съ претерпѣвшимъ кораблекрушеніе, и выброшеннаго на землю нагимъ дѣлаетъ почтеннѣе благоденствующихъ Феакіанъ. И дѣйствительно такъ: другія стяжанія, переходя изъ рукъ въ руки, подобно, какъ кости въ игрѣ, почти столько же принадлежатъ и другимъ, сколько владѣтелямъ оныхъ. Одно только изъ стяжаній неотъемлемо: это добродѣтель, остающаяся съ человѣкомъ и при жизни и по смерти. Посему-то и Солонъ, обращаясь къ богатымъ, говоритъ: *Но мы ни на какія сокровища не смѣняемъ богатства добродѣтели. Ибо оно неутратимо; а стяжанія въ различныя времена различнымъ достаются людямъ.* Подобные стихи находятся и у Ѳеогнида, въ которыхъ онъ говоритъ, что Богъ (какого

онъ разумѣетъ здѣсь) на ту и на другую сторону наклоняетъ вѣсы жребія человѣческаго, и тогда, какъ одни изъ людей обогащаются, другіе ничего не имѣютъ.—Софистъ Хіосъ Продикъ въ своихъ сочиненіяхъ подобнымъ образомъ умствовалъ о добродѣтели и порокѣ. Онъ заслуживаетъ вниманіе, какъ мужъ, стоющій уваженія. Вотъ что, онъ говоритъ, сколько я запомню его мысли, поелику не знаю словъ, кромѣ того, что онѣ написаны просто, безъ стихотворческой мѣры.—Къ молодому Геркулесу, находившемуся почти въ вашемъ возрастѣ, когда онъ разсуждалъ, какой лучше избрать ему путь жизни, трудный ли, ведущій къ добродѣтели, или другой—легчайшій, предстали двѣ жены: это были добродѣтель и порокъ. Не смотря на ихъ молчаніе, тотчасъ можно было различить ихъ по наружности. Ибо одна, для увеличенія ея красоты, одѣта была великолѣпно, изобиловала всѣми пріятностями и вела за собою весь рой утѣхъ; показывая все сіе и обѣщая еще большее, она старалась привлечь Геркулеса на свою сторону. Другая женщина была худощавая, смуглая; она пристально смотрѣла

на Геркулеса и говорила совершенно другое. Она ничего не обѣщала ему легкаго, ничего пріятнаго, напротивъ безчисленные труды, подвиги и множество опасностей, вездѣ—на сушѣ и на морѣ. Въ награду же за все сіе обѣщала сдѣлать его богомъ (какъ разсказываетъ Хіосъ). Геркулесъ избралъ послѣднюю, и слѣдовалъ за нею до конца жизни. И почти каждый изъ тѣхъ, которые сколько нибудь извѣстны по мудрости, болѣе или менѣе восхвалилъ добродѣтель; таковымъ должно вѣрить и сообразовать свою жизнь съ ихъ наставленіями. Кто уроки мудрости, словесно преподаваемые другими, оправдываетъ своею жизнію: тотъ *одинъ имѣетъ разумъ; прочіе же суть тѣни блуждающія.* 1) Мнѣ кажется, это походитъ на то, если бъ живописецъ изобразилъ что нибудь превосходное въ своемъ родѣ, на пр. красоту человѣка, а другой кто нибудь на самомъ дѣлѣ былъ такимъ человѣкомъ, какого онъ представилъ на холстѣ. Ибо вслухъ, громко славить добродѣтель, говорить въ честь ея длинные панегирики,—въ частности же роскошь предпочитать воздержанію, корысть—справедли-

---

1) Одисс. Пѣсн. 10.

вости, значитъ, по моему мнѣнію, уподоблять-ся актерамъ, которые часто представляютъ лице государей и вельможъ, не бывъ ни тѣми, ни другими, даже, можетъ быть, не бывъ и свободными. Музыкантъ едва ли согласится на то, чтобы играть на разстроенной лирѣ, и начальникъ хора—чтобы управлять нестройными голосами.

Почему всякой тотъ, чья жизнь не соотвѣтствуетъ наставленіямъ, противорѣчитъ самому себѣ, говоритъ съ Еврипидомъ: *языкомъ клялся, а мысль пребыла безъ клятвы,* и старается не о томъ, чтобы быть добрымъ, а имѣть наружность добраго человѣка. Въ семъ-то и состоитъ крайняя степень несправедливости, если вѣрить Платону, что хотятъ казаться справедливыми, не бывъ таковыми на дѣлѣ. Изъ сего видно, что мы должны принимать тѣ сочиненія, которыя содержатъ въ себѣ хорошіе примѣры для жизни. Поелику же благородные поступки древнихъ мужей или дошли до насъ по преданіямъ, или сохранились въ писаніяхъ поэтовъ и историковъ; то мы и отсель должны извлекать пользу для себя.—

Вотъ и примѣры. Одинъ низкой человѣкъ поносилъ Перикла, но онъ не обращалъ на то вниманія; и въ продолженіе цѣлаго дня тотъ безъ пощады осыпалъ его ругательствами, а сей оставался хладнокровнымъ. Потомъ, по наступленіи вечера и мрака, когда ругатель началъ удаляться, Периклъ проводилъ его со свѣчею, и все это для того, чтобъ не оставить для себя безполезнымъ упражненіе въ философіи.—Нѣкто, разгнѣвавшись на Евклида Мегарскаго, грозилъ ему смертію, и поклялся исполнить сію угрозу. Евклидъ, съ своей стороны, поклялся примириться съ нимъ, и прекратить его ненависть къ себѣ.—Какъ полезно припоминать человѣку таковые примѣры, въ то время, какъ онъ распаленъ уже гнѣвомъ! Въ одной трагедіи безразсудная сказана мысль: *гнѣвъ вооружаетъ руку на враговъ.* Сему не должно слѣдовать, но несравненно лучше вовсе не гнѣваться. Если же сіе покажется труднымъ, то, по крайней мѣрѣ, должно обуздывать гнѣвъ размышленіемъ, и не позволять ему выступать изъ предѣловъ.

Но будемъ опять представлять примѣры благородныхъ поступковъ. Нѣкто напавъ на

Сократа, сына Софронискова, безъ милосердія билъ его по лицу. Сократъ ни сколько не противился, и позволилъ сему сумашедшему насытить гнѣвъ свой, до того, что лице Сократа опухло, и покрылось ранами отъ ударовъ. Когда же тотъ пересталъ бить, Сократъ ничего другаго не сдѣлалъ въ отмщеніе, кромѣ того, что на челѣ своемъ выставилъ имя виновника, подобно какъ на статуѣ надписываютъ имя художника: *дѣлалъ такой-то.* Поелику сіи поступки близко подходятъ къ нашей нравственности; то думаю, что весьма полезно подражать столь великодушнымъ мужамъ. И въ самомъ дѣлѣ, поступокъ Сократа сходенъ съ тою заповѣдію, которая предписываетъ, не только не мстить, но ударившему по щекѣ подставлять и другую; а поступки Перикла и Евклида съ двумя другими, изъ которыхъ одна повелѣваетъ терпѣть и переносить съ кротостію гнѣвъ гонителей, а другая—благословлять, а не проклинать враговъ. Почему тотъ, кто напередъ узнаетъ поступки язычниковъ, не будетъ отвергать и Евангельскихъ заповѣдей, какъ невозможныхъ. Нельзя умолчать и о поступкѣ Александра,

который взявъ въ плѣнъ дочерей Дарія, когда услышалъ, что онѣ одарены необыкновенною красотою, не хотѣлъ даже и видѣть ихъ, почитая безчестнымъ для побѣдителя мужей, быть побѣжденнымъ женами. Это согласно съ заповѣдію, по-которой взглянувшій на жену съ вожделѣніемъ, уже за то одно подлежитъ осужденію, что возъимѣлъ въ сердцѣ похотствованіе, хотя и не совершилъ дѣломъ прелюбодѣянія. А что касается до поступка Клинія, одного изъ учениковъ Пиѳагоровыхъ,—едва можно повѣрить, чтобы сходство оналo съ нашими правилами нравственности произошло отъ случая, а не отъ нарочитаго имъ подражанія. Что жё онъ сдѣлалъ? Имѣя всю возможность, посредствомъ клятвы избѣжать пени, состоящей въ трехъ талантахъ, при всемъ томъ, что клятва его была бы справедлива, рѣшился лучше заплатить требуемую сумму, нежели поклясться: кажется, онъ слышалъ заповѣдь, запрещающую намъ клятву.

Но возвратимся опять къ тому, о чемъ говорено было вначалѣ. Не все по порядку должно принимать, но только полезное. Ибо стыдно будетъ для насъ, если мы, умѣя от-

вергать вредную для тѣла пищу, не будемъ имѣть разборчивости въ познаніяхъ, питающихъ душу нашу, и, подобно потоку, увлекая за собою все встрѣчающееся, будемъ допускать до нея и доброе и худое. Кормчій не полагается безразсудно на вѣтры, но направляетъ корабль къ пристани; стрѣлокъ мѣтитъ въ цѣль; ваятель и древодѣль стремятся къ концу своего искуства: послѣ сего, согласно ли съ разумомъ то, что мы унижаемся даже предъ сими художниками, унижаемся тѣмъ болѣе, что вѣрно можемъ усматривать цѣль нашихъ занятій? И еже ли всякое произведеніе художниковъ имѣетъ какую нибудь цѣль; то ужели одна жизнь человѣческая не имѣетъ цѣли, сообразно съ которою долженъ и говорить и дѣйствовать тотъ, кто не хочетъ совершенно уподобиться безсловеснымъ? или души наши, не управляемыя кормиломъ ума, должны, подобно ненагруженнымъ кораблямъ, по произволу, безъ всякаго намѣренія, носиться туда и сюда по волнамъ жизни? Нѣтъ,—мы должны поступать такъ же, какъ борцы или музыканты, которые занимаются именно тѣмъ, за что намѣреваются получить на-

грады, такъ что усовершающійся въ бореніи или въ панкратіи *), никакъ не будетъ упражняться въ игрѣ на лирѣ или на свирѣли. Такъ Полидамъ, прежде сраженія на Олимпійскихъ играхъ, останавливалъ на бѣгу колесницы, и симъ трудомъ укрѣплялъ свои силы. Милонъ никогда не двигался съ мѣста, и не оставлялъ намасленнаго щита, на которомъ становился, но выдерживая нападеніе отъ тѣхъ, которые усиливались сдвинуть его, такъ былъ твердъ, какъ статуи, припаянныя свинцомъ. Словомъ, предварительныя упражненія служили для нихъ приготовленіемъ къ будущимъ подвигамъ. Если бы Марсій и Олимпъ Фригійцы, оставивъ тѣлесныя упражненія, и стряхнувъ съ себя пыль, стали заниматься музыкою; то получили ли бы скоро вѣнцы и почести, и избѣжали ли бы насмѣшекъ за неловкость своего тѣла? Напротивъ Тимоѳей не перемѣнилъ музыкальной гармоніи на труды гимнастиче-

*) Одно изъ потѣшныхъ сраженій, весьма трудное и опасное; ибо въ немъ позволялось дѣйствовать всемъ, чемъ можно: кулакомъ, ногами, зубами, когтями и пр., отъ чего и получило оно названіе: παν κρατος.

скіе: иначе не могъ бы превзойти всѣхъ въ своемъ искуствѣ; а онъ столько усовершился въ немъ, что, когда только хотѣлъ, дикими и пронзительными звуками воспламенялъ гнѣвъ, и опять укрощалъ и успокоивалъ душу звуками нѣжными. Сіе-то искуство его было причиною, что, играя во время пира предъ Александромъ по Фригійски, до того возбудилъ духъ его, что онъ, оставивъ пиръ, устремился въ лагерь къ оружію; а послѣ, смягчивъ гармонію, опять возвратилъ его въ собраніе. Такъ-то много способствуетъ къ достиженію цѣли въ музыкѣ и гимнастикѣ—постоянное упражненіе въ оныхъ!

Вотъ, упомянутые борцы напередъ преодолѣваютъ за безчисленными безчисленные труды, всякимъ образомъ умножаютъ силу свою, проливаютъ много пота при гимнастическихъ занятіяхъ, получаютъ много ударовъ въ училищѣ, питаются не лакомою, но предписанною учителями, пищею, короче сказать, провождаютъ такую жизнь, которая прежде подвиговъ есть упражненіе въ подвигахъ, — и тогда уже выступаютъ на поприще, подвергаются всѣмъ трудамъ и опасностямъ, для

шого единственно, чтобы получить вѣнокъ изъ оливки, изъ петрушки, или изъ другаго растѣнія, и чтобы послѣ одержанія побѣды, имена ихъ были провозглашены герольдомъ. А мы, которымъ за добродѣтельную жизнь предлежатъ награды, по своему множеству и важности столь удивительныя, что не возможно словами и выразить оныхъ,—не уже ли думаемъ, что сіи награды щедро посыплются въ обѣ руки наши, когда сами спокойно спимъ, не имѣя ни малой заботы о жизни? Нѣтъ,—тогда праздная жизнь была бы предпочтительнѣе, и Сарданапалъ могъ бы почесться счастливѣйшимъ изъ всѣхъ, или Маргитъ, о которомъ говоритъ кто-то изъ поэтовъ, что онъ ни пахалъ, ни копалъ земли, и не дѣлалъ ничего необходимаго для жизни. Не болѣе ли истинны слова Питтака, который сказалъ, что *трудно быть добродѣтельнымъ*? И въ самомъ дѣлѣ, мы, и при непрестанныхъ трудахъ, едва, едва можемъ получить тѣ блага, которымъ, какъ мы сказали, нѣтъ ничего подобнаго между благами человѣческими. А потому мы не должны жить безпечно, и промѣнивать великихъ надеждъ на кратковременный покой,

если не хотимъ подвергнуться посрамленію и наказанію, не здѣсь—у людей, (хотя и сіе не маловажно для благоразумнаго) но на Судѣ, гдѣ бы онъ ни производился, подъ землею, или на другомъ какомъ мѣстѣ. Тотъ, кто нарушаетъ обязанности по неволѣ, можетъ быть, и получитъ нѣкоторое помилованіе отъ Бога: но, кто съ намѣреніемъ поступалъ худо, тотъ не будетъ имѣть никакого оправданія, и многоразличныя мученія будутъ его удѣломъ. И такъ что же намъ дѣлать, спроситъ кто нибудь? — Что иное, какъ не то, чтобы, оставивъ всѣ другія заботы, обратить все стараніе на душу?

И такъ не должно угождать тѣлу, кромѣ самаго необходимаго, а надлежитъ стараться о усовершенствованіи души, дабы дѣйствіемъ философіи избавить ее какъ отъ темницы,—отъ общенія со страстями тѣла, и самое тѣло поставить выше страстей. Чреву нужно доставлять пищу, но не слишкомъ пріятную, и не подражать тѣмъ, которые заботливо изыскиваютъ искуснѣйшихъ пріуготовителей стола, обходятъ земли и моря, собирая дань для желудка, какъ бы для жестокаго господина. Жалкіе! ихъ

занятіе ничемъ не легче мученій адскихъ. Подлинно, они разсѣкаютъ огонь, рѣшетомъ носятъ воду, наполняютъ бездонный сосудъ, не видя конца трудамъ своимъ. Но заниматься болѣе надлежащаго уборомъ волосъ и платья, по словамъ Діогена, свойственно или безумнымъ, или развратнымъ. Посему быть и называться щеголемъ, по моему мнѣнію, столь же должно быть постыдно, какъ и любодѣйствовать или осквернять чуждое ложе. Ибо что нужды для разсудительнаго человѣка, одѣтъ ли онъ въ богатое, или въ простое платье, когда достаточно защищенъ отъ холода и зноя? Подобнымъ образомъ и во всемъ прочемъ не должно простираться за предѣлы нужды, и заботиться о тѣлѣ больше, нежели сколько требуетъ того польза души. Для мужа, который достойно носитъ сіе имя, наряжать и любить свое тѣло, не менѣе посрамительно, какъ и предаваться другой какой нибудь низкой страсти. Кто слишкомъ много заботится о красотѣ тѣла, тотъ еще не узналъ себя, и не понялъ того мудраго урока, что видимая часть не составляетъ человѣка, а потребна высшая мудрость, посредствомъ которой ка-

ждый изъ насъ можетъ узнать, кто онъ есть.

Но для имѣющихъ неочищенный умъ это труднѣе, нежели для нездороваго глазами смотрѣть на солнце. А очищать душу, (чтобы объяснить сіе кратко и достаточно для васъ) значитъ, презирать чувственныя удовольствія,—значитъ, не давать пищи глазамъ, то есть, не смотрѣть на нелѣпыя представленія обманщиковъ, на предметы язвящіе жаломъ похоти,—значитъ то, чтобы чрезъ слухъ не пропускать въ душу соблазнительной гармоніи; ибо отъ такого рода музыки обыкновенно раждаются пороки — плодъ рабскаго и низкаго духа. Намъ должно заниматься слушаніемъ другой лучшей, и къ лучшему образу жизни поощряющей музыки, той самой, которою и Давидъ, творецъ священныхъ пѣсней, прекращалъ бѣснованіе Царя. Сказываютъ, что Пиѳагоръ, встрѣтясь съ толпою нетрезвыхъ юношей, велѣлъ правящему хоромъ музыканту, премѣнивъ тонъ, играть на Дорическій ладъ; отъ сей игры такъ образумились всѣ, что бросивъ вѣнки, со стыдомъ разошлись. Напротивъ иные сопровождаютъ музыкальную игру своевольными

и безчинными поступками. Таково различіе —слушать хорошую и худую музыку! Почему господствующей въ наше время вы должны отвращаться болѣе, нежели всякаго другаго соблазна. А чтобы не наполнять воздуха различными куреніями, и не намащаться благовоніями, о семъ стыжусь и совѣтовать вамъ. Но что сказать о презрѣніи удовольствій осязанія и вкуса, кромѣ того, что гоняющіеся за оными принуждены бываютъ жить, подобно безсловеснымъ, для одного чрева, для удовлетворенія прихотей его? Однимъ словомъ, все тѣло долженъ презирать тотъ, кто не хочетъ погрязнуть, какъ въ тинѣ, въ его похотяхъ, или пусть снисходитъ ему столько, сколько, по словамъ Платона, *позволяетъ польза философіи* (то, чтобы быть всегда *истиннымъ ученикомъ философіи*). Сія мысль почти нисколько не различествуетъ отъ словъ Апостола Павла, который увѣщеваетъ, ни подъ какимъ видомъ не простирать попеченія о тѣлѣ до того, чтобы возникли похоти. (Рим. 13, 14.) Ибо тѣ, кои заботятся о благосостояніи тѣла, а душу, управляющую онымъ, пренебрегаютъ, какъ ничего незначущую, чѣмъ различаются

отъ такихъ людей, которые стараются объ устройствѣ орудій, а въ искуствѣ, дѣйствующемъ сими орудіями, не усовершаются? И такъ надлежитъ укрощать и удерживать въ повиновеніи тѣло, какъ удерживаютъ стремленіе какого нибудь звѣря,—возбуждаемыя имъ въ душѣ смятенія усмирять умомъ, какъ бичемъ, и, заботясь о духѣ, не давать всей воли страстямъ, дабы онѣ не увлекли его, подобно какъ необузданные и разъяренные кони увлекаютъ всадника. Здѣсь прилично упомянуть о Пиѳагорѣ: узнавъ, что одинъ изъ его знакомыхъ тѣлесными упражненіями и яствами болѣе и болѣе приращаетъ свою тучность, онъ сказалъ ему: *перестанешь ли ты дѣлать темницу свою часъ отъ часу несноснѣе?* По сей причинѣ, говорятъ, и Платонъ, зная вредъ происходящій отъ тѣла, нарочно избралъ для Академіи не очень здоровое мѣсто въ Аттикѣ, дабы отнять отъ тѣла излишекъ здравія, какъ отнимаютъ лишнія сучья у винограда. А я слыхалъ отъ врачей, что чрезмѣрное здоровье даже опасно.

И такъ, когда излишнее попеченіе о тѣлѣ и для самаго тѣла безполезно, и вредно для

души; то покорствовать и служить тѣлу есть явная безразсудность. Но если мы научимся презирать его, то послѣ сего едва ли станемъ уважать что либо человѣческое. Ибо нужно ли будетъ намъ богатство, когда мы гнушаемся тѣлесными удовольствіями? По моему мнѣнію, развѣ однимъ, упоминаемымъ въ басняхъ, драконамъ пріятно стеречь зарытыя сокровища. А пріучившійся вести себя благородно въ семъ отношеніи, тѣмъ менѣе рѣшится учинить что либо низкое и постыдное, дѣломъ или словомъ. Все излишнее—пусть будетъ то песокъ Лидійскій, или произведеніе золотыхъ червей,— онъ тѣмъ болѣе презираетъ, чѣмъ менѣе въ томъ имѣетъ нужды; самую пользу онъ измѣряетъ требованіемъ природы, а не удовольствіями. Но преступающіе предѣлы необходимости подобны катящимся подъ гору. Какъ они, не встрѣчая никакого препятствія, нигдѣ не могутъ остановить своего стремленія; такъ и тѣ, чѣмъ болѣе пріобрѣтаютъ сокровищъ, тѣмъ болѣе имѣютъ нужды въ подобныхъ, или и большихъ пріобрѣтеніяхъ, для удовлетворенія своихъ желаній, какъ сказалъ Солонъ сынъ Ексикестидовъ: *Люди*

не полагаютъ извѣстнаго конца въ исканіи богатства.

Здѣсь должно присовокупить и слова Ѳеогнида, наставительныя въ семъ случаѣ:

Не люблю богатства и не ищу; а хочу жить малымъ, чтобы не потерпѣть какого нибудь зла.

Удивляюсь я также Діогену, за то, что презрѣвъ вообще все человѣческое, объявилъ, что онъ богатѣе знаменитѣйшаго Царя, поелику въ жизни своей менѣе его имѣетъ нуждъ. Напротивъ мы ничѣмъ не остаемся довольны, развѣ получимъ во владѣніе таланты Пиѳія Мизійскаго, столько-то десятинъ земли и неизчислимыя стада! По моему мнѣнію, если кто не имѣетъ богатства, тому не должно и желать его, а кто имѣетъ, тотъ хвались не обладаніемъ онаго, а умѣніемъ располагать. Прекрасное замѣчаніе сдѣлалъ Сократъ объ одномъ богачѣ гордившемся деньгами. Я не прежде, сказалъ онъ, стану удивляться ему, какъ дознавши опытомъ, что онъ умѣетъ пользоваться ими. Фидій и Поликлетъ, изъ коихъ первый сдѣлалъ Гелійцамъ статую Зевеса, а другой—Юноны для Аргосцевъ, не заслужи-

ли ли бы посмѣяніе, если бы стали тщеславиться золотомъ и слоновою костію—чужимъ богатствомъ, забывъ о своемъ искусствѣ, которое и самому золоту придало большую красоту и драгоцѣнность? Меньшему ли стыду подвергаемся и мы, считая добродѣтель недостаточною для украшенія человѣка? Но презрѣвъ богатство и удовольствія чувственныя, не ужели будемъ употреблять ласкательство и притворство, подражая хитрости и коварству Архилоховой лисицы?—Благоразумный мужъ болѣе всего долженъ стараться о томъ, чтобы не жить для пустой славы, и не слѣдовать чему нибудь, потому только, что то нравится большей части людей, а поставить вождемъ для жизни здравый разумъ, и рѣшиться на все, только бы не измѣнить истинѣ, хотя бы надлежало противорѣчить цѣлому свѣту, и подвергнуться безславію и опасности. Поступающій иначе отличается ли чѣмъ отъ того Египетскаго мудреца 1), который, когда хотѣлъ, принималъ видъ растѣнія, звѣря, огня, воды и всякой другой вещи? Онъ, въ одно время, будетъ хвалить добродѣтель

1) Протея.

предъ ея чтителями, въ другое станетъ говорить противное, замѣнивъ расположеніе къ неправдѣ, какъ обыкновенно поступаютъ льстецы. Онъ будетъ перемѣнять свое мнѣніе, согласно съ мыслями тѣхъ людей, съ коими обращается, подобно *полипу*, принимающему на себя цвѣтъ той земли, на которой находится.

Правда, что все сіе мы узнаемъ совершеннѣе изъ Священныхъ Книгъ; но, покрайней мѣрѣ для составленія первоначальнаго очертанія добродѣтели, можемъ пользоваться и внѣшними пособіями. Ибо съ тѣми, которые тщательно извлекаютъ пользу изъ всякаго предмета, бываетъ то же, что съ большими рѣками,—они отвсюду получаютъ великую прибыль,—и слова одного поэта: *должно прикладывать малое къ малому,* справедливо можно относить не только къ умноженію серебра, но и ко всякой наукѣ.—Когда сынъ Віасовъ, отправляясь въ Египетъ, спросилъ у отца: *чемъ я наиболѣе могу угодить тебѣ*, Віасъ отвѣчалъ: *если пріобрѣтешь напутствіе для старости,* разумѣя подъ напутствіемъ добродѣтель, которой впрочемъ назначилъ онъ тѣсные предѣлы, ибо пользу

ея ограничилъ настоящею жизнію. Что касается до меня, то хотя бы кто указалъ мнѣ на старость Тиѳона, или Агранѳонія, или долговѣчнаго нашего Маѳусала, который жилъ безъ малаго тысячу лѣтъ; хотя бы исчислилъ мнѣ все то время, съ котораго люди существуютъ: и надъ симъ вычисленіемъ, какъ ребяческимъ, я буду смѣяться, представляя себѣ тотъ продолжительный и нестарѣющійся вѣкъ, которому нельзя назначить въ умѣ своемъ никакого предѣла, такъ же какъ невозможно назначить конца безсмертной душѣ. Для достиженія сего-то вѣка я совѣтую вамъ, запасать потребное напутствіе, *поднимая*, какъ говорится, *всякой камышекъ на дорогѣ*, если отъ сего можно ожидать какой нибудь пользы для будущаго. Не устрашимся трудности сего предпріятія; но вспомнивъ, что каждый изъ людей обязанъ вести добродѣтельную жизнь, будемъ избирать и дѣлать то, что есть наилучшее, надѣясь, что навыкъ содѣлаетъ самые труды пріятными. Ибо преступно терять настоящее время, а послѣ звать назадъ прошедшее, которое, при всей нашей скорби, не возвратится болѣе.

Такимъ образомъ, что я почитаю полезнѣйшимъ, сему и теперь научилъ васъ, тому буду наставлять и во всю мою жизнь. А вы, съ своей стороны, (поелику три степени болѣзней) не окажитесь близкими къ болѣзни неизлѣчимой, и не подпадите самымъ дѣломъ тому состоянію, когда немощь духа уподобляется въ опасности немощи тѣлесной. Ибо тѣ, у которыхъ болѣзнь еще не велика, сами идутъ ко врачамъ; одержимые жесточайшими недугами къ себѣ призываютъ врачей; но впадшіе въ неизлѣчимую меланхолію и врачей къ себѣ не допускаютъ. Берегитесь, чтобы и съ вами сего не случилось; а случиться можетъ, если будете удаляться людей благомыслящихъ.

II.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА

БЕСѢДА

НА ДЕНЬ БОГОЯВЛЕНІЯ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.

Опять мой Іисусъ, и опять таинство:— не таинство, ложь утверждающее и нечистое; не таинство Ѳллинскаго заблужденія и піянства (такъ называю я празднества языческія, и такъ, думаю, назоветъ ихъ каждый изъ благомыслящихъ): но—таинство высокое, Божественное, и высшій свѣтъ изливающее. Святый день свѣтовъ, котораго мы дождались, и который праздновать нынѣ удостоились, началомъ своимъ имѣетъ крещеніе Христа, *свѣта истиннаго, просвѣщающаго всякаго человѣка приходящаго въ міръ.* (Іоан. 1, 9.) Сей день совершаетъ мое очищеніе, и проясняетъ тотъ свѣтъ, который мы нѣкогда получили свыше, но мглою грѣха помрачили и содѣлали мутнымъ. И такъ внимайте гласу, который для меня, Боже-

ственныхъ вещей тайнозрителя и тайноводителя (о еслибы и для васъ!) такъ громко отзывается: *Азъ есмь свѣтъ міра!* *Приступите убо къ Нему и просвѣтитеся, и лица ваша,* ознаменнованныя свѣтомъ истиннымъ, *не постыдятся.* (Псал. 33, 6.) Нынѣ время возрожденія: возродимся свыше! Время возсозданія: облечемся опять въ перваго Адама! Не будемъ болѣе оставаться въ настоящемъ состояніи, но возвратимся въ первобытное! *Свѣтъ во тьмѣ,* во мракѣ сей жизни и плоти, *свѣтитъ; тьма* преслѣдуетъ *его,* но *не объимаетъ*: (Іоанн. 1, 5.) то есть, враждебная сила съ открытою наглостію нападаетъ на видимаго Адама, но встрѣчается съ Богомъ, и Богъ побѣждаетъ ее, дабы мы оставивши тьму, приближились къ свѣту, и потомъ сдѣлались совершеннымъ свѣтомъ, сынами свѣта невечерняго.

Смотрите на благодать дня сего; смотрите на силу сего таинства. Не выше ли земли вы вознесены? Не на небо ли возведены вы силою гласа и воззванія нашего? Но вы еще выше вознесетесь, когда самое Слово будетъ содѣйствовать моему слову. Та-

ково ли очищеніе законное и прообразовательное, коего вся польза заключается во временныхъ кропленіяхъ и очищеніи оскверненныхъ пепломъ юницы? Таковы ли таинства, коимъ поучаютъ язычники? Ихъ обряды и таинства суть нелѣпости, темное изобрѣтеніе демоновъ, вымыслъ ума развращеннаго, утвержденный временемъ и прикрытый баснями; ибо то самое, что признаютъ за истинное, они скрываютъ какъ баснословное. Но если ихъ ученіе въ самомъ дѣлѣ истинно: то не надлежало бы называть оное миѳами (баснями), тѣмъ менѣе скрывать, какъ нѣчто срамное. Если же оно ложно: то неприлично удивляться ему, и съ такимъ безстыдствомъ утверждать различное и совершенно противное объ одной и той же вещи; совершенно забывая, что такъ можно поступать только въ игрѣ съ дѣтьми, или въ кругѣ людей глупыхъ и непостоянныхъ, а не въ спорѣ съ людьми благомыслящими, кои покланяются Слову, хотя нимало не дорожатъ суетнымъ и поддѣльнымъ убранствомъ человѣческаго слова.

Предметъ нашего торжества не рожденіе Зевесомъ дѣтей, и не тайныя похищенія

отроковъ и дѣвъ, учиненныя симъ тиранномъ Критскимъ; (знаю, что слова мои непріятны язычникамъ) не клики, рукоплесканія, и вооруженныя пляски куритовъ, заглушающія гласъ плачущаго бога, дабы не слышалъ онаго отецъ чадоненавистный (ибо странно было бы думать, что подобно дитяти могъ плакать тотъ, кто былъ пожираемъ подобно камню); не Ѳракійскія собранія, не звуки свирѣлей и кориванты, ни все прочее, что изступленные язычники совершаютъ въ честь Реи, матери боговъ, и что изучаютъ въ таинствахъ, приличныхъ родоначальницѣ такихъ боговъ. У насъ не похищается какая либо дѣвица, не странствуетъ Димитра, не сообщается съ какими нибудь Келеями, Триптолемами, и драконами, находясь, то въ состояніи дѣятельномъ, то страдательномъ. Я стыжусь представлять въ ясномъ видѣ то, что язычники совершаютъ во мракѣ ночи, и срамъ называть таинствомъ.

Елевзисъ и посѣтители совершающихся тамъ мерзостей, знаютъ то, о чемъ я умалчиваю, и о чемъ подлинно надобно умалчивать. Не Вакхъ составляетъ предметъ нашего

праздника, не стегно Зевеса, раждающее плодъ несовершенный, подобно головѣ его, прежде произведшей какой-то другой плодъ; не богъ двуполый, не хоръ пьяныхъ, не войско женоподобное, не безуміе Өивянъ, воздающихъ оному почести; не громъ Семелы, которому покланяются; не студныя таинства Афродиты, срамно, какъ они сами говорятъ, рожденной, и срамно чтимой; не Фаллы какіе-то и Ифифаллы, гнусные, какъ по виду, такъ и по дѣламъ; не убійства странниковъ, Таврами производимыя; не проливаемая на жертвенникѣ кровь Спартанскихъ юношей, сѣкущихся бичами изъ почтенія къ богинѣ, и притомъ дѣвѣ, и въ семъ только случаѣ во зло употребляющихъ свое мужество. Странное дѣло! У однихъ и тѣхъ же людей и изнѣженность обоготворена, и отчаянная дерзость похваляется, какъ добродѣтель. Но къ чему отнести то кровавое пиршество, которое Пелопсъ предложилъ алчущимъ богамъ, и его страннопріимство жестокое и безчеловѣчное? Какъ по достоинству назвать страшныя и мрачныя призраки Гекаты, подземныя игры и волхванія Трофонія, нелѣпыя предсказанія дуба Додонскаго, об-

маны треножника Дельфійскаго, мнимую пророчественную способность, сообщаемую водою источника Кастальскаго? Всѣ сіи Оракулы одного только не предсказали — будущаго своего молчанія. Не прорицательное искуство волхвовъ суть наши таинства, не гаданія по внутренностямъ животныхъ, не звѣздословіе и предсказаніе участи человѣческой изъ состоянія небесныхъ свѣтилъ въ часъ рожденія, употребляемыя у Халдеевъ, подчиняющихъ судьбу нашу движеніямъ неба, и между тѣмъ немогущихъ знать о себѣ, что они теперь, и что будутъ въ послѣдствіи; не празднества Ѳракіянъ въ честь Вакха отправляемыя, отъ которыхъ, какъ говорятъ, получило свое начало почитаніе боговъ; не обряды и таинства Орфея, коего мудрости Эллины столько удивлялись, что вручили ему и лиру, все увлекающую своими звуками; не мстительный гнѣвъ Миѳры противъ тѣхъ, которые отрекаются посвящать себя въ таинства; не терзанія Озирида (второе бѣдствіе, обоженное Египтянами), не злосчастныя приключенія Изиды, и козлы болѣе Миндисіянъ священные; не ясли Аписа — быка, тучнѣющаго отъ глу-

постии Мемфійцевъ; не тѣ почести, которыми Египтяне безчестятъ Нилъ, сего виновника плодовъ, какъ сами они воспѣваютъ, классами обремененнаго, и изобиліе лактями измѣряющаго. Я не упоминаю о почестяхъ пресмыкающимся и звѣрямъ оказываемыхъ, и о сугубомъ при воздаяніи сихъ почестей срамѣ. Для каждаго изъ нихъ былъ особенный праздникъ и таинство; но во всемъ вообще было видно помраченіе разума и нечестіе. А когда они совершенно заразились нечестіемъ, и, обратившись къ идоламъ, къ произведеніямъ искусства и издѣліямъ рукъ, лишились славы Божіей; то мудрецамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только внушать имъ, чтобы они воздавая почтеніе и поклоненіе симъ богамъ своимъ, въ самомъ семъ почтеніи *получали*, какъ говоритъ Апостолъ Павелъ, *наказаніе за свое заблужденіе*, (Рим. 1, 27.) не столько почестей воздавая своимъ божествамъ, сколько безчестя самихъ себя, будучи мерзостными, по своему заблужденію, и дѣлаясь еще мерзостнѣйшими, по ничтожности предметовъ своего поклоненія и почитанія, — чтобы показали въ себѣ безчув-

ствія болѣе тѣхъ самыхъ, коихъ почитаютъ, и столько превзошли своихъ боговъ безуміемъ, сколько сіи превосходятъ ихъ ничтожностію.

И такъ пусть сими нелѣпостями забавляющся язычники и діаволы, доведшіе ихъ до такого безумія, усвоившіе себѣ честь приличную Богу, и однихъ такимъ, другихъ инаковымъ образомъ увлекающіе къ постыднымъ мнѣніямъ и мечтамъ,—сіи злые духи, которые ниспровергли въ насъ владычество разума, открыли въ нашей природѣ дверь страстямъ, и, такимъ образомъ, съ неистовствомъ устремляются на насъ, какъ на существа слабыя, съ того самаго времени, какъ древомъ познанія, не во время и неудачно нами познаннымъ, успѣли лишить насъ древа жизни. Будучи существами завистливыми и человѣконенавидящими, или лучше, по собственной злобѣ сдѣлавшись таковыми, они, ниспадши съ неба на землю, не могли терпѣть, чтобы существа земныя наслаждались благами небесными, и не понесли утраты въ своей славѣ и въ своей первобытной природѣ. И,— вотъ начало гоненія на земныя твари, вотъ чемъ униженъ образъ Божій,—и мы, не захо-

тѣвъ сохранять заповѣдь, преданы на произволъ заблужденія, и въ своемъ заблужденіи обезчестили себя тѣмъ самымъ, чему воздавали поклоненіе. Ибо не столько странно, что существа сотворенныя для добрыхъ дѣлъ, для славы и хвалы Создателя, для возможнаго подражанія Богу, сдѣлались вмѣстилищемъ всѣхъ страстей, изнуряющихъ и умерщвляющихъ внутренняго человѣка; сколь удивительно то, что самихъ боговъ сдѣлали покровителями страстей, дабы грѣхъ, находя свою защиту въ томъ, что было свято почитаемо, казался не только дѣломъ невиннымъ, но и божественнымъ. Намъ же поелику дарованы силы, оставивъ суевѣрное заблужденіе, стоять за истину, служить Богу живому и истинному, и, возвышаясь надъ всѣмъ, что подлежитъ времени, и зависитъ отъ перваго движенія, возноситься надъ тварію; то мы и должны размышлять и разсуждать о Богѣ и вещахъ Божественныхъ.

Но мы должны начать свое размышленіе съ предмета приличнѣйшаго. Всего же приличнѣе начать съ того, съ чего начинать заповѣдалъ Соломонъ: *Начало премудрости, стяжати премудрость*, Прит. 4, 7. гово-

ришъ онъ, называя началомъ премудрости страхъ. Въ самомъ дѣлѣ, ненадобно начинать съ созерцанія, чтобы оканчивать страхомъ (поелику необузданное созерцаніе легко можетъ увлекать къ опаснымъ стремнинамъ); но принявъ прежде отъ страха первые уроки, очистившись посредствомъ его, и такъ сказать, утончившись, тогда уже должно возноситься на высоту. Ибо гдѣ страхъ, тамъ сохраненіе заповѣдей; а гдѣ сохраненіе заповѣдей, тамъ очищеніе плоти, которая какъ облако помрачаетъ душу, и препятствуетъ ей ясно видѣть свѣтъ Божественный; гдѣ очищеніе, тамъ просвѣщеніе; просвѣщеніе же составляетъ верхъ желаній для тѣхъ, кои стремятся ко всему, или лучше, къ одному высочайшему, и слѣд. превосходящему всякое величіе. Посему прежде надлежитъ очистить себя, и потомъ уже сообщаться съ чистымъ: чтобы не случилось съ нами того же, что и съ Израильтянами, которые не могли сносить славы лица Моисеева, и потому имѣли нужду въ сокрытіи онаго подъ покровомъ; или чтобы не устрашиться намъ, подобно Маною, и не сказать: мы погибли, жена, ибо Бога видѣли, (Суд.

13, 22.)—когда, то есть, Богъ явился ему; или чтобы намъ, какъ недостойнымъ присутствія Іисуса, не удалить Его отъ корабля, подобно Петру (я разумѣю того Петра, который ходилъ по волнамъ); или чтобы не быть пораженными слѣпотою, подобно Павлу, когда онъ, бывъ еще гонителемъ, бесѣдовалъ съ Тѣмъ, котораго гналъ, или лучше, когда пораженъ былъ даже слабымъ блескомъ великаго онаго Свѣта; но чтобы, подобно Сотнику, ища для себя врачества, изъ страха, достойнаго похвалы, еще отрицаться отъ принятія въ своемъ домѣ Врача. И такъ каждый изъ насъ, доколѣ еще нечистъ, доколѣ остается Сотникомъ, имѣющимъ подъ собою многихъ, менѣе грѣшныхъ, и воинствуетъ за Кесаря, то есть, за князя вѣка сего, долженъ говорить: *Я недостоинъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой.* (Матѳ. 8, 8.) Когда же увидѣвъ кто либо Іисуса, хотя бы и малъ былъ ростомъ духовнымъ, подобно Закхею, взлѣзетъ на смоковницу,—умертвитъ земные свои члены, и возвысится надъ *тѣломъ смиренія*: тогда пусть применитъ къ себѣ Слово и услышитъ: *нынѣ пришло спасеніе дому сему*; пусть получитъ спасеніе,

и принесетъ совершеннѣйшій плодъ святымъ употребленіемъ и расточеніемъ того, что пріобрѣлъ, какъ Мытарь, порочнымъ образомъ. Ибо одно и то же Слово, и по существу своему страшно для недостойныхъ, и по человѣколюбію доступно для тѣхъ, которые приготовили себя къ принятію Его. Таковы тѣ, которые, изгнавши изъ душъ своихъ нечистаго и грубаго Духа, очистивши и украсивши свои души познаніемъ, не оставили ихъ въ праздности и бездѣйствіи, остерегаясь, дабы онъ опять не занялъ ихъ съ большею свитою, съ семью злыми духами,—количествомъ равнымъ числу добрыхъ духовъ (ибо лукавый съ большимъ усиліемъ нападаетъ на того, въ которомъ встрѣчаетъ сильнѣйшее противоборствіе); но съ избѣжаніемъ грѣха соединяютъ упражненіе въ добродѣтели, принявъ во внутреннее свое жилище Христа, всего, или сколько только возможно, дабы лукавая сила, нашедши какую либо пустоту, не наполнила ее опять собою, и такимъ образомъ послѣднее состояніе не сдѣлалось гораздо хуже перваго, какъ по усиленной стремительности вражескаго вторженія, такъ и по упорству и безопасности врага, который

засядетъ въ душѣ, какъ въ крѣпости, и слѣд. по особенной трудности, снова завладѣть оною. Когда же мы *всякимъ храненіемъ соблюдши душу* свою, *положивши восхожденія въ сердцѣ, обновивши въ себѣ поле, и посѣявши сѣмена въ правду,* какъ говорятъ Соломонъ, Давидъ и Іеремія, просвѣтимъ себя свѣтомъ познанія; тогда возможемъ повѣдать премудрость Божію въ тайнѣ сокровенную, и служить свѣтомъ и для другихъ. Теперь же, доколѣ сіе не исполнилось, покрайней мѣрѣ очистимся и предосвятимся Словомъ, дабы, чрезъ уподобленіе себя Богу, чрезъ принятіе приходящаго къ намъ Слова, и не только чрезъ принятіе, но и чрезъ соблюденіе Его въ жилищѣ нашей души, и преподаваніе о Немъ другимъ, доставить себѣ величайшія блага.

Но поле дѣйствованія, кажется, уже довольно разчищено словомъ; теперь время начать разсужденіе о настоящемъ праздникѣ, и отпраздновать оный съ душою любопраздненственною и Боголюбивою. Поелику основаніе праздника есть воспоминаніе о Богѣ; то мы и должны прежде всего прославить Бога симъ воспоминаніемъ. Ибо и тамъ, гдѣ

всѣхъ веселящихся жилище, торжественные лики не что иное значатъ, какъ пѣніе и славословіе Богу, исходящее изъ устъ тѣхъ, которые удостоились небесной жизни. Никто не долженъ удивляться, что въ содержаніе моего слова будетъ входить нѣчто такое, о чемъ уже говорено было когда нибудь прежде. Даже я буду говорить не только одно и то же, но и объ одномъ и томъ же; и притомъ говоря о Богѣ, буду говорить съ трепетомъ и въ языкѣ, и въ умѣ, и въ мысли. Желалъ бы я, чтобы сей же похвальный и блаженный трепетъ былъ и въ васъ.

Когда я произношу слово—Богъ, то вы должны при семъ озаряться единичнымъ, и вмѣстѣ тройственнымъ свѣтомъ: тройственнымъ —по особеннымъ качествамъ (ἰδιοτης), или, если кому угодно такъ назвать, по ипостасямъ (мы не будемъ спорить о именахъ, доколѣ слова приводятъ насъ къ одной и той же мысли), единичнымъ же—по свойству существа, то есть Божественности. Ибо Богъ и раздѣляется, такъ сказать, нераздѣльно, и совокупляется—раздѣляясь; поелику одно въ трехъ Божество, и три одно,—тѣ, въ коихъ Божество (τα ἐν οἱς ἡ θεοτης),

или, говоря точнѣе, кои суть Божество (ἁ ἡ Ͽεότης). А понятіе о избыткахъ и недостаткахъ должно быть вовсе удалено отсюда,—чтобы не выходило изъ соединенія сліянія, ни отдѣленія изъ раздѣленія. Мы равно должны быть удалены отъ Савелліева *сліянія* (συναίρεσις), и отъ Аріева *разсѣченія* (διαίρεσις), кои совершенно себѣ противоположны, но равно нечестивы. Ибо для чего или сливать существо Божіе неправильно, или раздѣлять на неравное (εἰς ἀνισότητα)? Для насъ одинъ Богъ Отецъ, изъ котораго все, и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, чрезъ котораго все, и одинъ Духъ Святый, въ которомъ все. Словами: *изъ котораго, чрезъ котораго, въ которомъ,* не раздѣляется естество (иначе предлоги и порядокъ именъ не ставились бы одно вмѣсто другаго), но характеризуютъ особенныя качества одной и той же неслитной природы. Это ясно видно изъ того, что онѣ опять совокупляются въ одномъ, что каждый можетъ замѣтить, читая со вниманіемъ слова Апостола: *Изъ Него, чрезъ Него, и въ Немъ все; Ему слава во вѣки. Аминь.* Отецъ есть Отецъ, и притомъ безначаленъ; ибо не есть отъ кого

либо другаго. Сынъ есть Сынъ, но не безначаленъ; ибо Онъ отъ Отца. Если же понимать начало по отношенію ко времени, то и Онъ безначаленъ; ибо Творецъ временъ не подлежитъ времени. Духъ Святый истинно есть Духъ, произходящій (προϊὸν) изъ Отца, но не образомъ сыновства (υἱικῶς), ибо Онъ не раждается, но образомъ происхожденія (ἐκπορευτῶς),—если можно новыя слова употреблять для ясности. Но Отецъ не переставалъ быть нерожденнымъ, родивши Сына, и Сынъ не переставалъ быть рожденнымъ, происшедши отъ нерожденнаго (ибо какъ бы это могло быть?), и Духъ Святый не дѣлается Отцемъ, или Сыномъ, потому что происходитъ и есть Богъ, хотя нечестивые умствуютъ иначе: ибо отличительныя свойства (ἰδιότης) не переходятъ отъ одного къ другому; иначе какъ бы онѣ остались отличительными свойствами, еслибы переходили и измѣнялись. Тѣ же, кои нерожденность и рожденность почитаютъ различными природами Боговъ одноименныхъ, отважутся, можетъ быть, утверждать потому самому, что Адамъ и Сиѳъ не одного естества; ибо первый, какъ твореніе, не про-

изошелъ отъ плоти, а послѣдній родился отъ Адама и Еввы.

И такъ одинъ Богъ въ трехъ, и сіи три одно, какъ мы уже сказали. Поелику же поклоненіе Богу не должно было заключиться въ кругѣ однихъ высшихъ существъ, но надлежало быть и нисшимъ поклонникамъ, дабы все исполнилось славы Божіей (ибо все Божіе); то для сего и созидается человѣкъ рукою Божіею, и по образу Божію. Презрѣть человѣка, послѣ того какъ онъ завистію діавола и гибельнымъ вкушеніемъ грѣха, такъ несчастно удалился отъ Создателя своего, Богу было несвойственно. И такъ, что же происходитъ, и какое великое таинство надъ нами совершается?—Обновляется природа; Богъ дѣлается человѣкомъ; Тотъ, который восшелъ на небо небесъ, къ востоку своея славы и величія, прославляется на западѣ нашей нищеты и униженія; Сынъ Божій благоволитъ содѣлаться и именоваться сыномъ человѣческимъ, не слагая того, что Онъ былъ, ибо Онъ непреложенъ, но принимая по своему человѣколюбію то, чемъ не былъ: дабы непостижимый по существу могъ сдѣлаться постижимымъ, обращаясь съ

нами при посредствѣ плоти, какъ нѣкоторой завѣсы. Ибо рожденной и тлѣнной природѣ невозможно сносить чистаго Его Божества. Для сего-то предметы несоединимые соединяются,—не только Божество съ рожденіемъ, умъ съ плотію, вѣчное съ временнымъ, неизмѣримое съ ограниченнымъ; но и рожденіе соединяется съ дѣвствомъ, безчестіе съ тѣмъ, что выше всякой чести, безстрастное подвергается страсти, безсмертное становится причастнымъ смерти. Поелику лукавый виновникъ зла, когда мечталъ быть непобѣдимымъ, прельстившій насъ надеждою Божественности, самъ обольщается видомъ плоти; такъ что дѣлая, по видимому, нападенія на Адама, встрѣчается съ Богомъ, и такимъ образомъ сей Новый Адамъ спасаетъ древняго, и разрушаетъ осужденіе плоти, умертвивъ смерть плотію.

Но Рождеству Христову мы уже отпраздновали, съ подобающею честію, какъ я предначинатель праздника, такъ и вы, и всѣ въ мірѣ и превыше міра обитающіе; и со Звѣздою мы уже путешествовали, и съ Волхвами покланялись Сыну Божію, съ Пастырями осіялись небеснымъ свѣтомъ, съ Анге-

лами славословили, съ Симеономъ на руки принимали, и съ Анною престарѣлою и цѣломудренною исповѣдывали Христа. Благодареніе Тому, кто пришелъ къ своимъ, какъ чуждый, за то, что Онъ прославилъ чуждаго. Нынѣ другое дѣяніе Христово, и другое таинство. Не могу удерживать порывовъ радости; я въ святомъ изступленіи. Почти такъ же, какъ Іоаннъ, и я благовѣствую, не будучи предтечею, но изъ пустыни.

Христосъ просвѣщается: просвѣтимся съ Нимъ и мы! Христосъ крещается: снидемъ съ Нимъ долу, дабы взойти съ Нимъ горѣ! Но не на то только должно обращать вниманіе, что крещается Іисусъ; но особенно на то, кто крещается, отъ кого, и когда? Крещается Чистый, отъ Іоанна, и тогда, какъ началъ творить знаменія. Чему мы изъ сего должны научиться? Тому, что прежде должно очищать себя и смиренномудрствовать, и потомъ уже, достигши совершенства, какъ въ духовномъ, такъ и въ тѣлесномъ возрастѣ, приступать къ дѣлу проповѣди. Первое я говорю для тѣхъ, которые небрежно приступаютъ ко крещенію, не пріуготовляясь къ оному, и которые не получивши навыка къ добру, не

могутъ твердо хранить даровъ искупленія. Ибо хотя благодать, какъ благодать, отпускаетъ прежніе грѣхи, но еще большей требуетъ осторожности, чтобы намъ не обратиться къ прежней нечистотѣ. Второе относится къ тѣмъ, которые гордятся предъ строителями таинства, если превосходятъ ихъ какимъ нибудь достоинствомъ. Третіе къ тѣмъ, которые увлекаясь пылкою юностію, всякое время почитаютъ удобнымъ для учительской или предсѣдательной должности. Но Іисусъ очищается: а ты презираешь очищеніе? Іисусъ, отъ Іоанна: а ты возстаешь противъ своего проповѣдника? Іисусъ, будучи тридцати лѣтъ: а ты, не имѣя и пуха на бородѣ своей, учишь или думаешь, что можешь учить старцевъ, не имѣя въ себѣ ничего достойнаго почтенія, ни по возрасту, ни, можетъ быть, по жизни. Противъ сего, конечно, представятъ въ примѣръ Даніила, и того или другаго юнаго Судію, такъ какъ всякой несправедливо поступающій готовъ защищаться. Но что рѣдко, то не есть законъ Церкви. Ибо и одна ласточка весны не производитъ еще, и одна черта

не дѣлаетъ Геометромъ, и одно путешествіе по водѣ—мореплавателемъ.

Іоаннъ совершаетъ крещеніе; къ нему приходитъ Іисусъ, для того безъ сомнѣнія, чтобы погребсти въ водѣ древняго Адама, и, можетъ быть, также чтобы освятить самого Крестителя, и между тѣмъ прежде ихъ, и для нихъ, освятить Іорданъ духомъ и водою, такъ какъ и самъ Онъ былъ духъ и плоть. Креститель не соглашается; Іисусъ настоитъ. *Мнѣ надобно креститься отъ Тебя*, говоритъ свѣтильникъ Солнцу, гласъ Слову, другъ Жениху, большій всѣхъ рожденныхъ женами Перворожденному всей твари, взыгравшій еще во чревѣ еще во чревѣ Прославленному, предтеча и имѣющій быть предтечею Явившемуся и Имѣющему явиться. *Мнѣ надобно креститься отъ Тебя*, и, можно было прибавить, за Тебя: ибо зналъ, что мученичествомъ крещенъ будетъ, и, подобно Петру, будетъ имѣть умытыми не одни только ноги. *И Ты ли приходишь ко мнѣ?* Также нѣчто пророчественное: ибо Креститель зналъ, что Христосъ послѣдуетъ за нимъ путемъ мученія, такъ какъ послѣ Ирода будетъ неистовствовать Пилатъ. Что же

отвѣчаетъ Іисусъ? *Не удерживай*; (Матѳ. 3, 8. 14. 15.) поелику такъ опредѣлено: ибо зналъ, что спустя нѣсколько времени Онъ самъ имѣетъ крестить Крестителя. А, что такое лопата, о которой говоритъ Іоаннъ? (Матѳ. 3, 12.) Очищеніе. Что огонь? Истребленіе плевелъ души и пламя Духа. Что сѣкира? Посѣченіе души, остающейся безплодною и послѣ того, какъ о ней приложено особенное попеченіе. Что мечь? Разсѣченіе словомъ, отдѣляющее злое отъ добраго, отлучающее вѣрнаго отъ невѣрнаго, и возставляющее сына, дочь и невѣстку на отца, матерь и свекровь, поставляющее въ противоборство новое съ ветхимъ, совершенное съ сѣнообразнымъ. Что такое ремень сапога, котораго ты, Креститель Іисуса, обитатель пустыни и постникъ, новый Илія, не развязываешь, ты, который больше всѣхъ Пророковъ, видѣвшій Того, о комъ они предсказывали, который принадлежишь Завѣту и ветхому и новому? Что это? Можетъ быть намѣреніе пришествія, и таинство воплощенія, и въ крайнихъ, такъ сказать, частяхъ своихъ, неудоборазрѣшимыя, не только для людей

плотскихъ и младенцевъ во Христѣ, но и для усовершившихся духомъ, подобно Іоанну. Но вотъ Іисусъ выходитъ изъ воды, вознося съ собою горѣ весь міръ, и видитъ раздѣляющіяся и разверзающіяся небеса, которыя Адамъ заключилъ и для себя и для своего потомства, такъ какъ онъ же былъ причиною, что и рай заключенъ пламеннымъ оружіемъ. Духъ свидѣтельствуетъ о Божествѣ, нисходя на равнаго Себѣ, и гласъ нисходящій съ неба, откуда и Тотъ, о коемъ изрекается свидѣтельство. Духъ зрится тѣлесно, въ видѣ голубя, дабы почтить самую плоть обоженную вочеловѣченіемъ (*επει και τουτο τη θεωσει θεος*), и поелику голубь издревле привыкъ возвѣщать благую вѣсть объ окончаніи потопа. Ежели ты, малосвѣдущій въ вещахъ великихъ, судишь о Божествѣ по мѣрѣ и вѣсу, и если Духъ кажется для тебя малымъ потому, что явился въ видѣ голубя: то ты за ничто долженъ почитать и царство небесное,—потому что оно уподобляется зерну горчичному, и величію Іисуса долженъ предпочитать Его противника,—потому что сей именуется горою великою, левіаѳаномъ, и царемъ надъ живущими въ водахъ, а

Іисусъ называется агнцемъ, бисеромъ, каплею, и подобными сему именами.

Но поелику настоящій праздникъ есть праздникъ Крещенія, и поелику мы должны хотя нѣсколько сострадать Тому, кто для насъ явился въ образѣ человѣка, принялъ крещеніе и распятіе; то разсмотримъ теперь различные роды крещенія, дабы выдти отселѣ очищенными. Крестилъ Моисей, но въ водѣ, а еще прежде въ облакѣ и въ морѣ. Сіе крещеніе, какъ и Апостолъ Павелъ утверждаетъ, было прообразовательное. Море было символомъ воды, облако—Духа, манна—Хлѣба животнаго, питіе—Божественнаго Питія. Крестилъ и Іоаннъ, и хотя не по—Іудейски, поелику крестилъ не водою только, но и для покаянія; но и не совсѣмъ духовно, поелику не соединялъ съ крещеніемъ Духа. Креститъ и Іисусъ, но уже Духомъ; и сіе крещеніе есть совершенное. Какъ же (скажу мимоходомъ) можно не быть Богомъ тому, чрезъ котораго и ты дѣлаешься Богомъ (γινῃ θεος)? Я знаю и четвертое крещеніе—мученичествомъ и кровію, которымъ и самъ Христосъ крестился, и которое тѣмъ возвышеннѣе прочихъ, что послѣ не осквер-

няется никакими нечистотами. Знаю и пятое—слезное, но труднѣйшее. Имъ крещается тотъ, кто каждую ночь обливаетъ ложе свое и постелю слезами, для кого отвратительны раны грѣховныя, кто ходитъ рыдая и сѣтуя, кто подражаетъ обращенію Манассіи и смиренію Нинeвитянъ, помилованныхъ, кто произноситъ слова Мытаря во храмѣ, и является оправданнымъ болѣе тщеславнаго Фарисея, кто подобно женѣ Хананейской унижаетъ себя, и ищетъ человѣколюбія, проситъ крошекъ, — пищи пса самаго голоднаго.

Будучи увѣренъ, что я человѣкъ—существо измѣняемое, но природѣ смертное, и самъ я принимаю сіе крещеніе съ усердіемъ, благодаря Даровавшаго оное, и преподаю его другимъ, предваряя милосердіе милосердіемъ. Ибо знаю, что и самъ я облеченъ слабостями, и что, какъ буду, мѣрять, такъ и мнѣ будетъ возмѣрено. А ты что говоришь? Какой законъ издаешь, ты новый фарисей, чистый только по имени, а не по сердцу, подверженный той же слабости, навязывающій намъ мудрованіе Новата? Ты не принимаешь покаянія? Не позволяешь плакать? Не проливаешь

самъ слезъ съ плачущими? Не дай Богъ, чтобы твой Судія былъ подобенъ тебѣ! И тебя не трогаетъ человѣколюбіе Іисуса, который принялъ на Себя наши слабости, и понесъ наши болѣзни, который пришелъ призвать къ покаянію не праведныхъ, но грѣшныхъ, который хочетъ болѣе милости, нежели жертвы, прощаетъ грѣхи семь кратъ—семдесятъ? Какъ похвальна была бы твоя возвышенность, еслибы въ ней дѣйствительно заключалась чистота, а не надмѣнность, требующая отъ человѣка невозможнаго, и вмѣсто исправленія повергающая его въ отчаяніе! Ибо равно вредно, и безразсудное прощеніе, и безпощадное осужденіе; первое совсѣмъ ослабляетъ узду, а послѣднее чрезмѣрнымъ ея напряженіемъ удушаетъ. Докажи мнѣ чистоту свою, и я не буду осуждать твою дерзость. Напротивъ, я страшусь, видя, какъ ты, будучи покрытъ струпьями, уничтожаешь всякое врачевство. Слѣдовательно, ты не примешь и кающагося Давида, хотя покаяніе сохранило въ немъ даже даръ пророческій? Не примешь и великаго Петра кающагося, который показалъ нѣчто человѣческое во время страданій Спа-

сителя?—Но Iисусъ принялъ его покаянiе, и троекратнымъ вопрошенiемъ и собственнымъ его исповѣданiемъ, загладилъ троекратное его отреченiе. Не примешь и тѣхъ, которые омылись собственною кровiю (я всего ожидаю отъ твоей безумной гордости), ни онаго Коринѳскаго грѣшника?—Но Павелъ принялъ въ *любовь* и сего послѣдняго, когда увидѣлъ его исправленiе, *дабы таковый не былъ поглощенъ чрезмѣрною печалiю*, (2 Кор. 2, 7. 8.) истаевая отъ чрезмѣрнаго наказанiя. Ты не позволяешь вступать въ бракъ юнымъ дѣвамъ, кои хотятъ избѣжать такимъ образомъ претикновенiй и соблазновъ своего возраста?—Павелъ однакожъ дерзнулъ на сiе позволенiе, тотъ Павелъ, коего ты хочешь быть учителемъ, какъ будто уже достигъ четвертаго неба и другаго рая, какъ будто ты слышалъ глаголы неизреченнѣе Павловыхъ, и объялъ проповѣдiю Евангелiя большiй кругъ!—„Но это, скажешь, было не послѣ крещенiя.“ А чѣмъ сiе докажешь? Или докажи, или не осуждай. Если же предметъ сомнителенъ; то пусть побѣда останется на сторонѣ образа мыслей, болѣе человѣколюбиваго, и болѣе приличнаго чело-

вѣчеству. „Но Новатъ не принималъ, говорятъ, тѣхъ, которые отпали во время гоненія.“ Что изъ этого? Если они не раскаялись надлежащимъ образомъ, то онъ поступилъ весьма справедливо: и я не принимаю тѣхъ, которые не сокрушаются, и не показываютъ исправленія соразмѣрнаго своему преступленію; и когда кого либо принимаю, то назначаю для него приличное мѣсто. Если же Новатъ не принималъ и тѣхъ, кои исстаеваютъ въ слезахъ; то я не буду подражать Новату. И что для меня за законъ Новатово человѣконенавидѣніе? Знаемъ Новата! Онъ лихоиманіе, хотя оно есть второе идолослуженіе, оставилъ безъ наказанія, а тѣлесную нечистоту осудилъ такъ жестоко, какъ бы самъ былъ безплотенъ и безтѣлесенъ. Теперь что вы скажете? Убѣдились ли вы нашими словами? Когда такъ; то станьте съ нами, то есть, на сторонѣ человѣчества. Прославимъ вмѣстѣ Господа. Пусть никто изъ васъ не доходитъ до такой увѣренности въ своемъ достоинствѣ, чтобы отважиться сказать: не прикасайся мнѣ; ибо я чистъ, чище всѣхъ. О вы, кои думаете такимъ образомъ,—сообщите и намъ вашего

сіянія! Но мы вамъ не вѣримъ, и будемъ проливать о васъ слезы. Если хотятъ, то пусть идутъ путемъ нашимъ, то есть, Христовымъ; а если нѣтъ, пусть продолжаютъ блуждать на своихъ распутіяхъ. Можетъ быть *тамъ* они будутъ окрещены огнемъ,—крещеніемъ послѣднимъ, жесточайшимъ и продолжительнѣйшимъ, которое поядаетъ вещество, какъ сѣно, и истребляетъ плевелы всякаго зла. Мы же почтимъ нынѣ крещеніе Христово, и будемъ праздновать оное какъ должно, не въ удовольствіяхъ тѣла, но въ духовномъ веселіи. Какимъ же будемъ наслаждаться удовольствіемъ? —Омойтесь и будьте чисты. Если вы багряны по грѣхамъ, или паче, кровавы; убѣлитесь, какъ снѣгъ: если червлены, и совершенно мужи кровей; достигайте до бѣлизны волны. Вообще очиститесь и будьте чисты. Ни о чемъ Богъ такъ не радуется, какъ о исправленіи и спасеніи человѣка, для котораго и всякое слово, и всякое таинство. Подобно свѣтиламъ въ мірѣ, будьте живоносною силою для другихъ людей, и представивъ себя Великому Свѣту совершеннымъ свѣтомъ, научитесь небесному свѣтоводительству, будучи болѣе и болѣе осіяваемы

и освѣщаемы Троицею, отъ которой нынѣ получили вы одинъ малый лучь, изъ единаго Божества проистекшій, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, которому слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

III.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

СЛОВО

НА ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ ИЗЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО СОБОРА ВЪ ЦЕРКОВЬ СВ. Апостола Ѳомы.

Что мнѣ сказать и о чемъ говорить? Я весь исполненъ радости; я въ изступленіи, но гораздо лучшемъ спокойнаго состоянія; летаю, ликую и ношусь восхищенный; я совершенно упоенъ симъ духовнымъ веселіемъ. И такъ что сказать и о чемъ говорить? О силѣ ли мучениковъ? О усердіи ли города? О ревности ли Царицы *)? О стеченіи ли начальниковъ? О посрамленіи ли діавола и пораженіи демоновъ? О торжествѣ ли Церкви? О силѣ ли креста? О чудесахъ ли Распятаго, о славѣ ли Отца, о благодати ли Духа? О радости ли всего народа и веселіи города? О соборѣ ли монаховъ, ликахъ дѣвъ, и чинахъ священниковъ? О множествѣ ли свѣтскихъ людей, рабовъ,

*) Евдоксіи.

свободныхъ, начальниковъ, подчиненныхъ, убогихъ, богатыхъ, чужестранцевъ, здѣшнихъ гражданъ?—Поистиннѣ прилично теперь сказать: *Кто возглаголетъ силы Господни, слышаны сотворитъ вся хвалы Его?* (Псал. 105, 2.)

Жены, обыкновенно сидящія во внутреннихъ своихъ чертогахъ, и слабѣйшія воска, оставя сокровенныя храмины, не уступали въ ревности крѣпчайшимъ мужамъ, и шли пѣшкомъ толикое пространство пути *);—и это дѣлали не только молодыя, но и престарѣлыя, такъ что ни слабость ихъ естества, ни изнѣженность образа жизни, ни надменность знаменитости, не воспрепятствовали ихъ усердію. Далѣе, начальники,—и они, оставя свои колесницы, ликторовъ и оруженосцевъ, вмѣшались въ толпу простолюдиновъ. Но что я говорю о женахъ и начальникахъ? Сама Царица, украшенная діадимою и облеченная въ порфиру, во все продолженіе пути нимало не отставала отъ мощей; но подобно рабынѣ слѣдовала за святыми останками, придерживаясь раки и возлежащаго на немъ покрова, по-

*) Десять стадій.

правъ всю человѣческую гордость, и среди толикаго зрѣлища являясь всему народу,—та, которую и евнухи, живущіе при дворѣ царскомъ, не всѣ могутъ видѣть. Но великое расположеніе, и пламенная любовь къ мученикамъ, заставили ее отринуть всѣ оныя прикрасы, и видимымъ усердіемъ обнаружить ревность къ святымъ мученикамъ. Она вспомнила о блаженномъ Давидѣ, какъ онъ, также облеченный порфирою и украшенный діадимою, и будучи скиптродержцемъ Еврейскаго народа, въ то время, когда переносилъ кивотъ, оставя все оное украшеніе, прыгалъ, ликовалъ, скакалъ, играя на органахъ и пляша, и обнаруживая чрезъ сію пляску то удовольствіе, которое чувствовалъ при совершеніи онаго торжества. (2 Цар. 6, 23. сл.) Но, ежели надлежало обнаружиться столько ревности въ сѣни и прообразованіи; то кольми паче—при наступленіи благодати и истины. Ибо и она возносила кивотъ, но гораздо лучшій кивота Давидова. Поелику въ немъ заключаются не скрижали каменныя, но скрижали духовныя, благодать процвѣтающая, даръ лучезарный, и кости, сіяніемъ не только не уступающія лучамъ

солнечнымъ, но еще гораздо ярчайшій блескъ испускающія. Ибо, взирая на лучи солнечные, демоны ничего не терпятъ; напротивъ, не терпя исходящаго отъ мощей блеска, они ослѣпляются, обращаются въ бѣгство и удаляются. Такова-то сила самаго праха Святыхъ! Она не останавливается внутри-токмо въ мощахъ, но проходитъ далѣе, прогоняетъ нечистыя силы, и преизобильно освящаетъ приступающихъ къ нимъ съ вѣрою. Посему-то Христолюбивая Царица, слѣдуя за св. мощами, непрестанно придерживалась оныхъ; и, такимъ образомъ, привлекала на себя небесное благословеніе, и для всѣхъ прочихъ подала примѣръ благаго и духовнаго пріобрѣтенія; показуя собою, какъ почерпать отъ сего источника, всегда черпаемаго, но никогда неоскудѣвающаго. Ибо какъ вода, возвышаясь въ источникахъ болѣе и болѣе, уже не удерживается внутри своихъ береговъ; но выступаетъ изъ оныхъ, и разливается: такъ и духовная благодать, во Святыхъ обитающая, и присѣдящая ихъ костямъ, переходитъ и на другихъ, съ вѣрою послѣдующихъ за оными. Она переходитъ отъ души и на тѣло, и отъ тѣла на одежды,

и отъ одеждъ на обувь, и отъ обуви на тѣни. Вотъ почему не однѣ токмо тѣла Апостоловъ творили чудеса, но и платки ихъ и полотенца; (Дѣян. 19, 12.) и не только платки и полотенца, но даже тѣнь Петра производила такія дѣйствія, каковыхъ не производили самыя тѣла. (Дѣян. 5, 15.) Такъ нѣкогда и милоть Иліи, ниспадшая на тѣло Елиссея, низвела на него сугубую благодать. (4 Цар. 2, 9.) Ибо не только тѣло, но и одежда Иліи была исполнена благодати. Вотъ почему и съ тремя Отроками случилось, что пламень огня не только тѣлъ, но и одеждъ ихъ не коснулся. (Дан. 3, 24.) И по смерти Елиссея, воскресъ мертвецъ, поверженный во гробъ сего Пророка. (4 Цар. 13, 20. 21.) То же и нынѣ случилось. При перенесеніи мощей повсюду возносились вопли, рыданія и плачи демоновъ; ибо блескъ, исходящій изъ костей, поражалъ полчище силъ противныхъ.

Потому-то я и прыгаю и летаю отъ радости, что вы пустыню сдѣлали городомъ, оставя пустымъ городъ; что вы нынѣ показали намъ богатство Церкви. Смотри;— сколько овецъ, и ни одного волка! Сколько

винограда, и нѣтъ тернія! Сколько классовъ, и безъ куколей! Какъ бы нѣкое новое море разлилось отъ самаго города до сего мѣста, —море, не воздымаемое волнами, не угрожающее кораблекрушеніемъ, не имѣющее подводныхъ камней, море, съ водою сладчайшею всякаго меда, и болѣе всякой другой воды годною къ питію. Не ошибется тотъ, кто море сіе назоветъ огненною рѣкою. Подлинно, въ продолженіе ночи свѣтильники, въ великомъ множествѣ и непрерывно чрезъ весь путь, даже до самаго сего храма распространенные, представляли зрителямъ видъ рѣки огненной. Такъ было ночью. По наступленіи же дня сіяли другіе свѣтильники. Ибо восходящее солнце затьмило и помрачило первые; но въ душѣ каждаго открыло другіе, гораздо ярчае сіяющіе свѣтильники. Ваше усердіе было несравненно пламеннѣе онаго видимаго огня, и каждый изъ васъ несъ сугубый свѣтильникъ,—свѣтильникъ огненный ночью,—и свѣтильникъ усердія и ночью и днемъ. Впрочемъ ночь сію я и не называю ночью: ибо она ни въ чемъ не уступала дню, заключая въ себѣ васъ—сыновъ свѣта, и являя васъ гораздо свѣтлѣйшими милліона звѣздъ и денницы. Какъ пре-

дающіеся піянству самый день превращаютъ въ ночь; такъ бодрствующіе и трезвящіеся ночь дѣлаютъ днемъ. Посему я во всю ночь воспѣвалъ сіи пророческія слова: *Нощь просвѣщеніе въ сладости моей. Нощь яко день просвѣтится, яко тьма ея, тако и свѣтъ ея.* (Псал. 138, 11. 12.) И какого дня не блистательнѣе была ночь сія; когда отъ избытка радости всѣ прыгали, имѣя духовное веселіе, когда толикое множество народа разлилось и наполнило путь и площадь; такъ что на землѣ не видно было пустаго мѣста? Ибо вы, покрывъ собою весь путь, въ продолженіе всего шествія образовали какъ бы одну златую и непрерывающуюся цѣпь, и одну, съ великимъ порывомъ стремящуюся рѣку. На небѣ мы видѣли луну и звѣзды; а на землѣ множество вѣрныхъ, и посреди ихъ Царицу, свѣтлѣйшую самой луны. Подобно какъ звѣзды, ниже другихъ находящіяся, яснѣе звѣздъ, занимающихъ высшее мѣсто: такъ Царица гораздо блестящѣе луны. Ибо что луна въ сравненіи съ душею, которая, при толикомъ достоинствѣ, имѣетъ столь великую вѣру? Не знаю, чему намъ удивляться въ Царицѣ прежде всего. Ревности

ли, самаго огня пламеннѣйшей; вѣрѣ ли, адаманта твердѣйшей, сокрушенію ли сердца и смиренномудрію, которымъ она всѣхъ превзошла? Отложивъ царское величіе и діадиму, и обыкновенную при нихъ гордость, она вмѣсто порфиры, облеклась въ одежду смиренномудрія; но сею-то наипаче и блистала. Много было прежде царицъ, которыя, подобно ей, имѣли порфиру, діадиму и славу царскую; но ей одной приличествуетъ сіе преимущественное украшеніе, ей одной принадлежитъ сіе торжество. Изъ всѣхъ царицъ она одна съ толикою честію сопровождала Святыхъ, по ревности и благочестію вмѣшавшись въ толпу народа, безъ тѣлохранителей, совершенно презрѣвши все неравенство состояній. Таковымъ поступкомъ она обратила на себя вниманіе народа не менѣе самыхъ Мучениковъ. Какъ всѣ взирали на св. мощи; такъ всѣ же, и богатые и бѣдные, съ удивленіемъ смотрѣли на ея усердіе, на то, какъ она, въ продолженіе столь великаго пути, непрестанно слѣдовала за Костями, не утомляясь, не отставая, но придерживаясь раки. За сіе мы не престанемъ убла-

жать тебя, и не только мы, но и всѣ роды, за нами грядущіе.

Такъ! О настоящемъ событіи пронесется слухъ до предѣловъ вселенныя, узнаетъ вся подсолнечная, услышатъ наши потомки и потомки потомковъ, и во всѣ времена незабвенно будетъ сіе происшествіе,—Богъ прославитъ и превознесетъ оное во всей вселенной, и во всѣхъ послѣдующихъ родахъ. Ибо ежели Онъ до предѣловъ міра распространилъ слухъ о дѣлѣ жены—блудницы, и увѣковѣчилъ ея память; (Матѳ. 26, 13.) то кольми паче не оставитъ въ неизвѣстности дѣло жены скромной, знаменитой, цѣломудренной, и въ царскомъ величіи явившей толикое благочестіе. Всѣ ублажатъ тебя, Боголюбивая, какъ страннопріемницу святыхъ, покровительницу церквей, соревновательницу Апостоловъ. Ибо хотя по естеству ты жена; но въ подвигахъ добродѣтели можешь не уступать Апостоламъ. И Фива оная, нѣкогда угостившая Учителя вселенныя, и ему покровительствовавшая, была также жена, и одного съ тобою естества; но столько прославилась, что святый Павелъ, достойный неба, и верховный изъ всѣхъ Апостоловъ, восхвалилъ ее, и ска-

валъ: *Она помогла многимъ, а также и мнѣ.* (Рим. 16, 2.) Равно и Прискилла была жена; но сіе не воспрепятствовало ей прославиться и жить въ безсмертной памяти. Много еще и другихъ женъ было во времена Апостоловъ, которыя жизнію своею подражали имъ. Посему и мы не погрѣшимъ, причисливъ тебя къ ихъ сонму; ибо ты — пристанище всѣхъ церквей, ты настоящее царствованіе употребляешь на стяжаніе грядущаго царствія, устрояешь церкви, чтишь іереевъ, поражаешь заблужденія еретиковъ, пріемлешь мучениковъ, предлагая не трапезу, но душу, не кровь, но усердіе, или лучше, и кровь и усердіе. Съ пѣснопѣніемъ возносила нѣкогда кости Іосифа Маріамъ, сопровождаемая народомъ. (Исх. 15, 20.) Но та— послѣ потопленія Египтянъ, ты же—при низложеніи демоновъ; та,—когда Фараонъ былъ погруженъ, ты же,—когда діаволъ низверженъ; Маріамъ бряцала кимваломъ, ты же паче трубы воспѣваешь умомъ и душею; она—по освобожденіи Евреевъ, а ты—при прославленіи Церкви; она изводила народъ единоплеменный, ты же—милліоны народовъ разноплеменныхъ. Ибо ты извела безчисленные лики поющихъ

Давидскія пѣсни на Римскомъ, Сирскомъ, Варварскомъ и Греческомъ языкахъ. Можно было думать, что сіи различные народы, сіи различные лики имѣли одну цитру — Давидову, и прославляли тебя въ молитвенныхъ гласахъ.

При радости сего торжества нужно было присутствіе Боголюбивѣйшаго Царя *), влекущаго купно съ тобою иго благочестія. Но и то, что ты удержала его сего дня дома, и обѣщала его присутствіе при торжествѣ слѣдующаго утра,—есть дѣло твоего благоразумія. Сообразно своей мудрости, ты устроила такъ и раздѣлила торжество, то есть, дабы множество всадниковъ и толпы вооруженныхъ не причинили оскорбленія дѣвамъ, престарѣлымъ женамъ и старцамъ, и такимъ образомъ не возмутили бы празднества. И еслибы сего дня оба вы присутствовали; то и торжество нынѣ же бы кончилось. Но чтобы не нарушить спокойствія настоящаго дня, и усугубить радость еще завтрешнимъ днемъ, ты раздѣлила съ нимъ сіе служеніе такъ, что нынѣ присутствовала сама, а на слѣдующій день обѣщала присутствіе Царя.—Такимъ образомъ наша

*) Аркадія.

Царица раздѣляетъ съ Царемъ какъ правленіе, такъ и благочестіе, и не попускаетъ, чтобы онъ оставался безъ участія въ достославныхъ подвигахъ, но во всѣхъ случаяхъ имѣетъ его сообщникомъ.

И такъ, поелику еще и на слѣдующій день продолжится сіе духовное торжество; то мы постараемся показать такое же усердіе, чтобы, какъ нынѣ видѣли сію Христолюбивую Царицу съ гражданами, и завтра узрѣть Боголюбезнаго Царя съ воинствомъ, ту же приносящаго жертву—благочестія, ревности и вѣры. Имѣя же святыхъ мучениковъ общниками нашихъ молитвъ, будемъ у Господа испрашивать имъ долголѣтную жизнь, старость безболѣзненную, чадъ и внуковъ, и прежде всего:—да умножается паче и паче таковая ихъ ревность, да возрастаетъ благочестіе, да совершатъ они настоящую жизнь такимъ образомъ, чтобы въ безконечные вѣки соцарствовать Единородному Сыну Божію, (ибо *ежели терпимъ*, говоритъ Писаніе, *то будемъ и царствовать съ Нимъ*: 2 Тим. 2, 12.) да наслѣдуютъ они вѣчныя блага;—чего да удостоитъ Богъ и всѣхъ насъ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего

Іисуса Христа, съ которымъ да будетъ слава Отцу, и Святому Духу, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

ПРОРОЧЕСТВО

объ Измаилѣ.

Авраамъ есть славнѣйшій изъ древнихъ Патріарховъ. Богъ удостоивалъ его различныхъ откровеній, и отъ него произошли два совершенно необыкновенные народа, именно, Измаильтяне и Израильтяне, и касательно обоихъ сихъ народовъ находятся нѣкоторыя весьма достопримѣчательныя пророчества. Измаилъ хотя былъ только сынъ рабы, и собственно не чадо обѣтованія; однакожъ, въ утѣшеніе и успокоеніе его отца и матери, были произнесены о немъ различныя выразительныя пророчества. Въ шестой надесять главѣ книги Бытія пишется, что, когда Агарь бѣжала отъ лица Сары, обошедшейся съ нею сурово, тогда нашелъ ее Ангелъ Іеговы въ пустынѣ. Онъ сказалъ ей: *Агарь, раба Сарина! откуда ты пришла? и куда идешь?—Возвратись къ госпожѣ своей, и покорись ей.* Потомъ сказалъ ей Ангелъ Іеговы: *Умножая умножу потомство твое*

до неисчислимаго множества. Наконецъ Ангелъ Іеговы сказалъ ей: *вотъ, ты беременна, и родишь сына, и наречешь ему имя: Измаилъ; ибо услышалъ Іегова страданіе твое. Онъ будетъ дикой человѣкъ: его рука будетъ подъята противъ каждаго, и каждаго рука противъ него, и будетъ жить противъ всѣхъ братьевъ своихъ.* (ст. 6—11.) И въ слѣдующей главѣ, когда Исаакъ былъ обѣщанъ Аврааму, благословеніе касательно Измаила было снова повторено: *Вотъ,* говоритъ Богъ, *Я благословляю его, и возращу его, и дамъ ему потомковъ много, много; двенадцать князей родятся отъ него; и Я произведу отъ него великій народъ.* (ст. 20.) Послѣ того, какъ Агарь и Измаилъ высланы были въ пустыню, Богъ сказалъ Аврааму: *Впрочемъ и отъ сына рабыни Я произведу народъ; потому что и онъ есть твое сѣмя;* (Быт. 21, 13.) и то же самое повторено Агари: *Я произведу отъ него великій народъ.* (ст. 18.) Если мы примемъ на себя трудъ, слѣдовать за теченіемъ самыхъ событій; то увидимъ, какъ точно исполнились сіи пророчества, и исполняются даже донынѣ.

Умножая умножу потомство твое до неисчислимаго множества. И еще: *Вотъ, Я благословляю его, и возращу его, и дамъ ему потомковъ много, много.* Сіи мѣста доказываютъ, что оныя пророчества относятся не столько къ Измаилу, сколько къ его потомкамъ, о неисчислимомъ множествѣ коихъ предсказывается здѣсь. Измаилъ женился на Египтянкѣ, такъ какъ и его мать была Египтянка, (Быт. 21, 21.) и въ немногіе годы семейство его такъ возрасло, что въ 37 главѣ книги Бытія мы читаемъ уже объ Измаильтянахъ, имѣвшихъ торговыя сношенія съ Египтомъ. Потомъ племя его чрезвычайно размножилось въ Агарянахъ, кои, безъ сомнѣнія, получили свое наименованіе отъ матери его Агари; также въ Наватеяхъ и Итуреяхъ, именовавшихся отъ сыновъ его Неваіоѳа и Іетура; потомъ въ Аравлянахъ, особенно же въ Скинитахъ и Сарацинахъ, покорившихъ большую часть міра; и его потомки Аравляне составляютъ великой народъ даже до сего дня.

Двенадцать князей родятся отъ него. Сіе обстоятельство исполнилось очевиднымъ образомъ. Моисей сохранилъ для насъ имена

сихъ двенадцати князей: *Неваіовъ, Кедаръ, Адбеелъ, Мивсамъ, Мишма, Дума, Масса, Хадаръ, Ѳема, Іетуръ, Нафишъ и Кедма. Сіи суть сыны Измаиловы, и сіи суть имена ихъ, въ ордахъ ихъ, въ кочевьяхъ ихъ. Это двенадцать князей народовъ ихъ.* (Быт. 25, 13—16.) Изъ сего мы видимъ, что они не были самодержавными государями, но только главными надъ нѣкоторыми кочевьями или ордами. Страбонъ весьма часто упоминаетъ объ Аравійскихъ филархахъ,—такъ онъ ихъ называетъ—или правителяхъ поколѣній ихъ. Мелонъ, который изъ Александра Полигистора, одного языческаго писателя, приводится Евсевіемъ, говоритъ, что „Авраамъ „отъ своей жены—Египтянки родилъ две„надцать сыновъ (надлежало сказать, что его сынъ родилъ двенадцать сыновъ), кото„рые удалились въ Аравію, раздѣлили землю, „и сдѣлались первыми царями тамошнихъ „жителей; посему Аравляне имѣютъ даже „до сего дня двенадцать царей сего же „имени *).“ И съ того времени народъ сей всегда былъ управляемъ филархами, жилъ въ

*) Eusebii præpar. Evang. lib. IX. c. 19. pag. 421. edit. Vigeneri.

ордахъ, и живетъ еще такъ, какъ свидѣтельствуютъ Тевенотъ *) и другія описанія путешествій.

И Я произведу отъ него великій народъ. Сіе повторено отъ двухъ до трехъ разъ, и исполнилось, коль скоро только возможно было исполниться сему по порядку природы. Его сѣмя расло отъ времени до времени, и сдѣлалось великимъ народомъ, который цвѣтетъ чрезъ многія столѣтія даже до сего дня. Онъ конечно могъ назваться великимъ народомъ, въ полномъ смыслѣ сего слова, когда Сарацины, сдѣлавъ обширнѣйшія и быстрѣйшія завоеванія, основали одно изъ обширнѣйшихъ государствъ въ мірѣ.

Онъ будетъ сельный человѣкъ. Въ Еврейскомъ текстѣ значитъ сіе: *дикой оселъ,* или *дикой лошакъ,* и ученый Бохартъ **) переводитъ оное мѣсто: *Онъ будетъ столь же дикъ, какъ дикой оселъ,* такъ что сказанное Іовомъ вообще о человѣкѣ: *Земный, рожденный отъ жены, равенъ ослу пустын-*

*) См. part. 1. l. 2. c. 32. То же находится въ Harris's. Reisen, vol. II. кн. 2. гл. 9.

**) Hierozoic. part. prior. lib. 3. cap. XVI. col. 878.

ному, (гл. 11, 12.) преимущественно могло быть отнесено къ нему. Но что за свойство того животнаго, съ которымъ Измаилъ особенно сравнивается? Оно можетъ быть лучше всего описано изъ той же книги Іова: *Кто есть пустивый дивіяго осла свободна? Узы же его кто разрѣшилъ? Положихъ же жилище его пустыню, и селенія его сланость: смѣяйся многу народу града, стужанія же данническаго не слышай, усмотритъ на горахъ пажить себѣ, и въ слѣдъ всякаго злака ищетъ.* (гл. 39, 5—8.) И такъ Измаилъ и его потомки долженствовали быть дики, суровы и неукротимы; они долженствовали блуждать по пустынямъ, и не такъ легко могли быть пріучены къ общественной жизни: и кто только нѣсколько читалъ или слышалъ о семъ народѣ, тотъ знаетъ, что это есть его подлинный и истинный характеръ. Въ книгѣ Бытія говорится объ Измаилѣ, что онъ *жилъ въ пустынѣ, и былъ стрѣлкомъ изъ лука.* (гл. 21, 19. 20.) То же самое можно сказать о потомкахъ его, что было сказано о немъ самомъ. Онъ жилъ въ пустынѣ: и его сыновья живутъ еще въ той же пустынѣ,

какъ говорятъ наилучшія древнія и новѣйшія описанія путешествій *), и нѣкоторые изъ нихъ не сѣютъ, ни садятъ. Онъ былъ стрѣлокъ изъ лука: и стрѣлками же изъ лука были Итуреи; ихъ лукъ и стрѣлы прославляются во всѣхъ писателяхъ **). Таковыми были во времена Исаіи *сильные мужи Кидара*. (Иса. 21, 17.) Таковы были сначала, и таковы суть до сего времени Аравляне. Они были стрѣлками долгое время, прежде, нежели начали употреблять порохъ ***); большая часть ихъ не знаетъ его еще до сего времени, и они суть наилучшіе стрѣлки изъ лука.

Его рука будетъ поднята на каждаго, и каждаго рука на него. Одно есть естественное и почти необходимое слѣдствіе другаго. Измаилъ жилъ въ пустынѣ, и грабилъ другихъ; его потомки безпрестанно обезпокоивали сосѣдственныя страны Аравіи сво-

---

*) Ammian. Marc. lib. XIV. cap. 4. p. 14. edit. Val. Paris 1681. Harris Vol. II. B. II. p. 9.

**) Ituræos taxi torquentur in arcus. Virg. Georg. II. 448. Itureis cursus fuit inde sagittis. Lucan. VII. 230.

***) Thevenot y Harris vol. II. book. II. cap. 9.

ими набѣгами и разбоями. Они живутъ нѣкоторымъ образомъ въ безпрестанной войнѣ съ остальною частію міра; они суть и на сушѣ и на морѣ разбойники. И такъ, поелику они суть враги человѣческаго рода; то неудивительно, что всѣ народы суть ихъ враги, и многократно имѣли покушенія, истребить ихъ: и теперь также, какъ и прежде, путешествующіе, принуждены путешествовать по Аравіи караванами съ оружіемъ; проходить на подобіе малой арміи, поставлять стражу, дабы обезопасить себя отъ нападенія сихъ разбойниковъ, кои разъѣзжаютъ толпами, разбиваютъ и грабятъ всѣхъ тѣхъ, коихъ они одолѣть могутъ. „Въ „оправданіе сихъ разбоевъ, они представляютъ жестокое обращеніе съ праотцемъ „ихъ Измаиломъ, который изгнанъ былъ изъ „дома отца своего, и получилъ отъ Бога въ „удѣлъ пустыню и позволеніе, удерживать „за собою все то, что бы въ ней ни на„шлось. Въ таковыхъ мысляхъ они предпо„лагаютъ, что они имѣютъ право, мстить „за оскорбленіе, причиненное имъ въ лицѣ „праотца ихъ, оскорбленіе не только по„томковъ Исааковыхъ, но и другихъ народовъ,

„считая всегда между прочимъ себя и тѣхъ, „коихъ они грабятъ, родственниками. И если „они расказываютъ о происшествіяхъ сего „рода; то почитаютъ достаточнымъ, смяг- „чить только нѣсколько выраженіе, и ска- „зать: *я пріобрѣлъ то-то*, вмѣсто: *я укралъ* „*у такого-то человѣка то или другое* *).

Онъ будетъ жить предъ лицемъ всѣхъ братьевъ своихъ, или иначе, *раскинетъ палатки*; потому что многіе изъ Аравлянъ живутъ въ палаткахъ, и по сей самой причинѣ они называются *Сценитами* или *Скинитами*. Сколь ни опасно, поднимать руку на каждаго, и видѣть надъ собою подъятую руку каждаго; сколь ни опасно, приводить въ ужасъ другихъ, и безпрестанно страшиться самому: однакожъ, несмотря на все сіе, Измаилъ насильно хотѣлъ жить противъ, или предъ лицемъ своихъ братьевъ. Сія черта пророчества исполнилась въ точности, какъ въ лицѣ Измаила, такъ и его потомковъ. Священное Писаніе говоритъ объ Из-

---

*) Sales, Предисловіе къ Корану, отд. I. стр. 30. 31. Онъ ссылается на Voyage dans la Palestine, p. 220.

маилѣ, что онъ, проживъ сто тридцать семь лѣтъ, *палъ* или *умеръ*, но *предъ лицемъ всѣхъ братьевъ своихъ*. (Быт. 25, 17. 18.) Что касается его потомковъ; то они живутъ также противъ, или предъ лицемъ всѣхъ своихъ братьевъ—сыновъ *Авраама* отъ *Хеттуры*, *Моавитянъ* и *Аммонитянъ*, потомковъ *Лотовыхъ*, *Израильтянъ*, происшедшихъ отъ *Авраама*, *Исаака* и *Іакова*, наконецъ *Едомлянъ*, принадлежавшихъ къ потомству *Авраама*, *Исаака* и *Исава*. И они остаются особеннымъ народомъ донынѣ, и населяютъ страны отцевъ своихъ, несмотря на всегдашнюю вражду, существующую между ими и остальною частію людей. Можетъ быть скажутъ, что земля ихъ недостойна завоеванія, что ея неплодородіе служитъ защитою оной: но ошибутся, ибо, по всѣмъ извѣстіямъ, какія мы о ней имѣемъ, хотя большая часть ея песчана, суха и безплодна; однакожъ индѣ находятся въ ней прекрасныя мѣста и плодородныя долины. Нѣкоторая часть сей страны издревле славилась подъ именемъ счастливой Аравіи; и восточные писатели вообще раздѣляютъ нынѣ такъ называемую Аравію на пять про-

винцій. Знашнѣйшая изъ нихъ есть Еменъ, которая, какъ утверждаетъ одинъ ученый писатель, основываясь на достовѣрныхъ свидѣтельствахъ, „съ давнихъ временъ славилась счастливою почвою земли, своимъ плодородіемъ и своимъ богатствомъ. — Пріятность и плодородіе Емена происходитъ отъ „ея горъ: ибо вся страна, лежащая вдоль „по Черному морю, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, „на разстояніе десяти или двенадцати миль, „суха, пуста и безплодна; но тамъ, гдѣ горы, изобилующія водою, окружаютъ ее, она „имѣетъ почти непрерывную весну, и производитъ наилучшій кофей и множество „другихъ плодовъ, а особенно превосходное „жито, виноградъ и пряныя коренья. Почва „земли въ прочихъ провинціяхъ гораздо менѣе плодородна, нежели въ Еменѣ; большая „часть полей покрыта безплоднымъ пескомъ „и скалами, и только нѣкоторыя находятся „плодоносныя мѣста, имѣющія свою величайшую выгоду отъ воды и пальмовыхъ деревъ *). Въ наше время еще лучше описываютъ Аравію: „Поверхность земли въ „Аравіи состоитъ изъ песчаныхъ степей и

*) Sale въ выше приведенномъ мѣстѣ, стр. 2. 3.

„самыхъ плодоносныхъ полей; пшеница, про-
„со, сарачинское пшено, овощи, кофей, ман-
„на, сахарный тростникъ, хлопчатая бумага,
„Александрійскій листъ, гумми, алое, росной
„ладонъ, табакъ, индиго, благоуханныя дере-
„ва, бальзамъ и пр. суть богатыя произве-
„денія Аравіи; она имѣетъ также драгоцѣн-
„ные камни, желѣзо и другіе металлы, сверхъ
„сего лошаковъ,ословъ, верблюдовъ, буйво-
„ловъ, рогатый скотъ, козъ, отмѣнныхъ ло-
„шадей, львовъ, росомахъ, алгазеллъ, лисицъ,
„обезьянъ, земляныхъ зайцевъ, птицъ всяка-
„го рода, какъ-то: пеликановъ, строусовъ,
„акридъ, употребляемыхъ въ пищу, скорпі-
„оновъ *)." Но положимъ, что сія страна
совершенно безплодна и суха; однакожъ соб-
ственная польза сосѣдственныхъ государей
и государствъ непремѣнно требовала бы,
усмирить сіе поколѣніе разбойниковъ: и хо-
тя многократно уже покушались на сіе; одна-
кожъ никогда не могли достигнуть цѣли.
Они съ самаго начала и до сего времени пре-
были въ своей независимости, и, несмотря

*) Allgemeine Deutsche Real—Encyclopedie für die gebildeten Stände. 7 Auflag. Leipz. 1827. 1 B. S. 370.

на всѣ предпріятія, истребить ихъ, живутъ донынѣ предъ лицемъ всѣхъ своихъ братьевъ, и въ присутствіи всѣхъ своихъ враговъ.

Они еще во времена Моисея имѣли *надъ собою двенадцать князей,* (Быт. 25, 16.) *и разселились,* какъ говоритъ Моисей, *отъ Хавилы до Сура, что при входѣ въ Египетъ, и даже до Ассиріи;* (ст. 18.) но никогда не видимъ, чтобы они были подчинены Египтянамъ, или Ассиріянамъ, симъ двумъ могущественнымъ смежнымъ народамъ. Завоеванія Сезостриса, великаго царя Египетскаго, у Діодора Сицилійскаго чрезмѣрно превознесены похвалами; и вѣроятно, онъ покорилъ нѣкоторыя южныя провинціи Аравіи, смежныя съ Египтомъ: но онъ долженствовалъ, какъ повѣствуетъ намъ Діодоръ *), отъ Иліополя даже до Пелузіи провести ровъ, и насыпать валъ, дабы обезопасить Египетъ отъ нападенія Аравлянъ. И такъ они не были подданными, но врагами Египтянъ. Они не были также подчинены игу Ассиріянъ; ибо они вспомоществовали Валадану, иначе Белезису, и Арбаку, въ ниспро-

*) Diodor. Sicul. lib. I. pag. 36. edit. Stephani; p. 52. edit. Rhodomanni.

верженіи сего государства, и притомъ не какъ возмутители, но какъ вспомогательное войско независимаго государства *).

Послѣдніе великіе побѣдители Востока, Киръ и Персы, также никогда не могли покорить ихъ совершенно. Можетъ быть, они отнимали у нихъ нѣкоторыя пограничныя области; но никогда не проникли въ сердце сей страны: и Геродотъ, живщій около тѣхъ временъ, говоритъ ясно, что Аравляне никогда не были совершенно побѣждены Персами, и никогда не были ихъ подданными, а считались ихъ друзьями, которые открыли имъ входъ въ Египетъ, и безъ помощи и позволенія коихъ, они никогда не сдѣлались бы обладателями онаго **). Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, что Аравійскія земли были свободны отъ всякой дани, въ то время, когда Финикія, Палестина, Сирія, и другія сосѣдственныя страны, были обложены ею. ***) И такъ они почитались друзьями Персовъ: между тѣмъ они вспомоществовали Египет-

*) Idem, lib. II. p. 79. edit. Stephani; p. 111. edit. Rhodomanni.

**) Herod. lib. III. sect. 88. p. 198. edit. Gale.

***) Ibid. sect. 91. p. 199.

ѣкому царю Амиртею противъ Дарія Нота *), и Кипрскому царю Евагору противъ Артаксеркса Мнемона **), всѣми своими силами, такъ что они поступали съ Персами иногда дружески, иногда непріятельски, по своему разсужденію, и какъ того требовали ихъ своенравіе, или выгода.

Александръ Великій покорилъ Персидское царство, и завоевалъ Азію. Сосѣдственные государи послали къ нему въ доказательство своея покорности посланниковъ: но одни Аравляне имѣли смѣлость, не признать его своимъ побѣдителемъ, почитали для себя за низкое, отправить къ нему пословъ, или безпокоиться по причинѣ его ***). Таковый ихъ поступокъ ожесточилъ Александра до того, что онъ рѣшился предпринять противъ нихъ походъ, и ужасныя приготовленія,

*) Diodor. Sicul. lib. XIII. p. 355. edit. Stephani; tom. II. p. 172. edit. Rhodomanni. Prideaux connect. pars. I. book. 6. a. 410.

**) Diod. Sic. lib. XV. p. 459. edit. Stephani; tom. II. p. 328. edit. Rhodomanni. Prideaux connect. part. I. l. 7. ann. 386.

***) Strabo lib. XVI. p. 1076 et 1132. edit. Amst. 1707. Arrian. lib. VII. p. 300. edit. Gronov.

кои дѣлались для онаго, довольно ясно доказывают, что онъ почиталъ ихъ страшными для себя врагами; но смерть прекратила дни его, и положила конецъ всему, что внушали ему противъ нихъ его гордость и мстительность. Такимъ образомъ они счастливо избѣжали его оружія; и ни одинъ изъ его преемниковъ никогда не могъ покорить ихъ *). Антигонъ, одинъ изъ величайшихъ между ними, покушался на сіе дважды, въ первой разъ чрезъ своего полководца Атенея, а во второй, чрезъ своего собственнаго сына Димитрія: но оба покушенія его были тщетны; первый былъ совершенно разбитъ, вторый почиталъ себя счастливымъ, что могъ заключить съ ними миръ, и оставилъ имъ ихъ свободу. Они не хотѣли допустить, чтобы подданные Антигона собирали земляную смолу (bitumen) при Чермномъ морѣ, и чтобы сей государь умножалъ чрезъ сіе свои доходы. Аравляне смѣло напали на работниковъ и стражу, и принудили ихъ отстать отъ своего намѣренія. И такъ достовѣрно свидѣтельство Діодора, что ,,ни Ассиріане преж-

*) Diodor. Siculus lib. XIX. p. 722. etc. edit. Stephani; tom. II. p. 730. edit. Rhodomanni.

„де, ни послѣ того цари Мидянъ и Пер-
„совъ, ниже наконецъ Македоняне, не имѣли
„силъ, преодолѣть Аравлянъ: и хотя враги
„ихъ выводили противъ нихъ сильнѣйшія и
„многочисленнѣйшія арміи; однакожъ пред-
„пріятія ихъ никогда не имѣли счастливаго
„успѣха *). Мы находимъ, что они въ по-
слѣдующія времена жили съ сосѣдственными
государствами иногда въ войнѣ, иногда въ
мирѣ; были въ союзѣ иногда съ Сиріянами,
а иногда съ Египтянами; иногда вспомоще-
ствовали Іудеямъ, а иногда грабили ихъ; и
что они во всѣхъ своихъ намѣреніяхъ по-
ступали, какъ свободной народъ, которой не
хотѣлъ ни льстить иностранной силѣ, ни
бояться оной.

Римляне нападали на Востокъ, и покорили
подъ власть свою сосѣдственныя земли; но
никогда не имѣли возможности, превратить
Аравію въ Римскую Провинцію. Историки
весьма часто имѣютъ обыкновеніе, говорить,
что такая-то страна покорена, хотя бы
только малѣйшая часть оной была побѣжде-

*) Diodor. Siculus lib. II. p. 92. edit. Stephani; tom. II. p. 730. edit. Rhodomanni.

на. Сіе самое находимъ мы у Плутарха *); когда онъ говоритъ, что Аравляне покорились Лукуллу, хотя въ самомъ дѣлѣ были покорены только нѣкоторыя орды или кочевья, или поколѣнія оныхъ; впрочемъ Лукуллъ былъ вызванъ назадъ, и на мѣсто его вступилъ Помпей, какъ верховный предводитель Римской арміи. Помпей хотя имѣлъ торжественныя побѣды въ трехъ частяхъ свѣта; однакожъ не могъ покорить Аравіи. Онъ внесъ свое оружіе въ сіи страны, одержалъ нѣкоторыя побѣды, принудилъ Арету покориться ему: но другія дѣла отозвали его въ Римъ; и едва онъ возвратился назадъ, какъ и были потеряны всѣ выгоды, пріобрѣтенныя имъ. Едва онъ успѣлъ вывесть свои войска назадъ; то Аравляне опять напали на Римскія провинціи. Элій *Галлъ*, въ царствованіе Августа, весьма далеко про-

---

*) Плутархъ въ жизнеописаніи Лукулла мѣстами, въ жизнеописаніи Помпея на стр. 640 и д. по Парижскому изданію 1624.

**) Strabo lib. XVI. p. 1126. Dio Cassius lib. p. 516. edit. Leunclavii Hanov. 1606. Въ семъ изданіи по ошибкѣ называется онъ Эліемъ *Ларгомъ*.

никъ въ сіи страны; но странная нѣкоторая болѣзнь ужасно исказила его войско, и онъ, проведши два года въ семъ несчастномъ походѣ, почиталъ для себя за счастіе, что могъ спастись съ малымъ остаткомъ своихъ воиновъ. Императоръ Траянъ покорилъ нѣкоторыя части Аравіи; но онъ не могъ покорить ее совершенно. И когда онъ осаждалъ городъ Агарянъ; тогда воины его, какъ говоритъ Діонъ *), безпрестанно были отгоняемы назадъ молніею, громомъ, градомъ, вихремъ и другими знаменіями, коль скоро они возобновляли осаду города. Въ то же самое время воины его были мучимы оводами и мухами, такъ что онъ принужденъ былъ снять осаду, и съ великимъ урономъ возвратиться назадъ. Спустя почти восемьдесятъ лѣтъ послѣ того, Императоръ Северъ осаждалъ тотъ же самый городъ, съ многочисленною арміею; но и съ нимъ случилось не лучше, какъ съ Траяномъ. Богъ, говоритъ одинъ языческій писатель **), спасъ сей городъ, съ одной стороны, нерѣшимостію Императора, а съ другой, своею собственною

*) Dionis Histor. lib. LXVIII. p. 785.
**) Jbid. lib. LXXV. p. 855.

силою. Северъ предпринималъ различныя осады, но тщетно; и наконецъ удалился отъ него съ величайшею скоростію, досадуя на свою потерю. И если столь великіе Императоры и искусные полководцы, каковы были Траянъ и Северъ, не имѣли удачи въ своихъ предпріятіяхъ; то неудивительно, что послѣдующіе Императоры ничего не могли сдѣлать съ Аравіею. Аравляне продолжали съ равною свободою нападать на Римскія провинціи, какъ-то: Сирію и др., и грабили ихъ, не опасаясь наказанія.

Таково было состояніе и свойство Аравлянъ даже до времени славнаго ихъ пророка Магомета, основавшаго одно изъ величайшихъ государствъ: и съ тѣхъ поръ, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, они были болѣе извѣстны между Европейскими народами подъ именемъ Саррацинъ, или Сарацинъ, или Аррацинъ, какъ пишетъ Плиній *), и Агарянъ, какъ говоритъ Свящ. Писаніе **). Завоева-

*) Plinius. Hist. Natur. lib. VI. См. Примѣчаніе Гардуина.

**) Агаряне, потомки Измаила. Они называются также Измаильтянами и Сарацинами, и пр. См. Dictionnaire de la Sainte Ecriture par Calmet.

нія ихъ были чрезвычайно быстры; онѣ уподоблялись внезапному наводненію. Въ немногіе годы, они прошли болѣе земель, и покорили болѣе народовъ, нежели Римляне, въ теченіи нѣскольких столѣтій; и содѣлались обладателями значительнѣйшей части земли. Въ семъ цвѣтущемъ состояніи пребыли они болѣе трехъ сотъ лѣтъ; и потомъ, по раздѣленіи ихъ царства *), когда они были опять заключены въ древніе предѣлы своего отечества, всегда защищали они свою свободу противъ Татаръ, Мамелюковъ, Турокъ, и другихъ внѣшнихъ враговъ. Кѣмъ ни была побѣждаема Азія, однакожъ Аравляне не были побѣждены; они продолжали дѣлать свои нападенія, и грабили пограничныя съ ними области. Турки съ давнихъ еще временъ владѣютъ всѣми сосѣдственными странами: но они не только не имѣли возможности, ограничить разбои Аравлянъ, а еще сами обязаны **) платить имъ ежегодную дань за без-

*) Сарацины начали свои завоеванія въ 622 году по Р. Х. Царство ихъ было раздѣлено въ 936 году. См. Dr. Blair's Chronologiche Tabellen, die 33 und 28 Tabellen.

**) См. Thevenot und des Harris Sammlung von

опасное провожденіе странниковъ, путешествующихъ въ Мекку, для поклоненія Магомету. И такъ не столько Аравляне зависятъ отъ Турокъ, сколько Турки отъ Аравлянъ.

Два Англичанина, Др. Шавъ и Др. Пококій, извѣстные своею ученостію и сочиненіями, путешествовавшіе въ сихъ странахъ, подтверждаютъ сказанное нами о семъ народѣ, въ различныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій. „Что касается нравовъ и обыкновеній „Бедуиновъ, говоритъ Др. Шавъ *); то должно замѣтить, что они весьма многое имѣютъ въ себѣ, что приписывается имъ, „какъ въ священной, такъ и во всемірной „Исторіи. Они суть, исключая ихъ религію, „еще тотъ же самый народъ, каковымъ они „были за двѣ, или за три тысячи лѣтъ; „они никогда не принимали новыхъ покроевъ „платья, и не перемѣняли своего образа жизни, кои въ Еѳіопскихъ и Турецкихъ городахъ подвержены были столь частой перемѣнѣ.“ Описавъ гостепріимство ихъ, онъ продолжаетъ такъ: „Между тѣмъ внѣшнее

Reisen, 2 Band. 2 Buch. 9. Cap. и Demetr. Cantemirs Historie der Ottomannen, II. p. 398.

*) Shaw's Trauels, p. 300 etc.

„поведеніе Аравлянина почти всегда несо-
„гласно съ внутреннимъ расположеніемъ серд-
„ца и наклонностями его: ибо онъ отъ при-
„роды склоненъ къ воровству и измѣнѣ; и
„иногда случается, что онъ на другое ут-
„ро нападаетъ, и грабитъ тѣхъ, коихъ онъ
„угощалъ со всевозможнымъ дружествомъ и
„гостепріимствомъ. Аравляне еще болѣе до-
„стойны упрековъ потому, что они не толь-
„ко грабятъ странныхъ, и нападаютъ поч-
„ти на каждаго, встрѣтившагося имъ безъ
„защиты и оружія; но еще между ими са-
„мими весьма часто царствуетъ неприми-
„римая и наслѣдственная ненависть: посему
„они исполняютъ, даже до сего дня, въ бук-
„вальномъ смыслѣ, пророчество, что Изма-
„илъ будетъ дикой человѣкъ, что его рука
„будетъ поднята на каждаго, и каждаго ру-
„ка на него.“ Др. Шавъ самъ, во время сво-
его путешествія изъ Рамы въ Іерусалимъ,
былъ разбитъ и ограбленъ толпою Аравлянъ;
несмотря на то, что четыре роты Ту-
рецкихъ солдатъ сопровождали его, и что
Турки платили Аравлянамъ въ опредѣленное
время назначенную сумму за то, чтобы ка-
раваны ихъ могли путешествовать безъ-

опасно *). Независимость Аравлянъ, и превосходная сила ихъ зависятъ отъ неограниченнаго злоупотребленія свободы. Др. Пококій путешествовалъ послѣ Шава въ сихъ странахъ, и сообщилъ намъ извѣстія, что настоящіе жители Аравіи, во многихъ отношеніяхъ, подобны древнимъ жителямъ: что они живутъ въ палаткахъ, и не долѣе остаются на одномъ мѣстѣ, какъ доколѣ имѣютъ тамъ воду, кустарники и дерева, для прокормленія своихъ верблюдовъ; ибо во всей оной странѣ нѣтъ ни посѣва, ни травы: что все ихъ богатство состоитъ въ верблюдахъ, въ немногихъ козахъ, а иногда въ нѣсколькихъ овцахъ; такъ что они живутъ въ великой бѣдности, и ничего не имѣютъ, кромѣ небольшаго количества финиковъ и козьяго молока; и все свое жито должны получать изъ—за Каира, разстояніемъ на восемь или десять дней ѣзды: что они раздѣлены на разныя орды или кочевья; что каждая орда подчинена власти верховнаго правителя, и что каждый лагерь въ особенности подчиненъ своему особенному предводителю: что они, будучи, по видимому, раз-

*) Предисловіе къ его путешествію, p. VII.

дѣлены, имѣютъ нѣкоторый родъ союза между собою: что они любятъ разбои, и ихъ кочующая жизнь поддерживаетъ въ нихъ сію склонность: что они имѣютъ хорошихъ лошадей, и умѣютъ искусно управлять какъ своими лошадьми, такъ и пиками: что пѣшіе между ими вооружены длинными булавами, коими они искусно могутъ защищаться отъ ударовъ копья *). И такъ всѣ писатели, какъ священные, такъ и свѣтскіе, Іудеи, Аравляне, Греки, Римляне, Христіане, Магометане, древніе и новѣйшіе, согласны между собою въ семъ описаніи.

Одинъ писатель, въ описаніи своего путешествія по Персіи, мимоходомъ говоритъ объ Аравлянахъ слѣдующее.: „Ихъ опытность „въ употребленіи копья и сабли, дѣлаетъ „ихъ гордыми и отважными. Ихъ ловкость „въ верховой ѣздѣ, и способность переносить „зной жаркаго климата, даетъ имъ преиму„щество предъ ихъ врагами. Посему каждый „малый правитель, въ своей собственной обла-

*) Pocok's Description of the East, vol. I. book 3. c. 2. Пококій, кажется, представляетъ Аравію слишкомъ въ худомъ видѣ, и увеличиваетъ чрезмѣрно бѣдность Аравлянъ.

„спи, смотритъ на себя, какъ на самодер-„жавнаго государя, и принуждаетъ всѣхъ „путешествующихъ, платить себѣ пошлину. „Таковое поведеніе ихъ многократно было „причиною, что ихъ считали ни чемъ не „лучше разбойниковъ, и пр. Они обыкновен-„но не женятся внѣ своей орды, и пр. Если „они грабятъ караваны, путешествующихъ; „то они смотрятъ на сіе, какъ на позво-„ленное мщеніе противъ Турокъ и Персовъ, „кои часто вторгаются въ ихъ страны, от-„нимаютъ у нихъ жита, и угоняютъ ихъ „скотъ *).

Возможно ли, разсмотрѣвъ со вниманіемъ, и совокупивъ вмѣстѣ всѣ сіи частныя обстоятельства, не примѣтить вмѣстѣ руки Божіей, дѣйствующей въ семъ событіи, отъ начала даже до конца? Священный Повѣствователь говоритъ, что сіе пророчество объ Измаилѣ изречено Ангеломъ Господа: и дѣйствительно, кто иной, если не Богъ, или Его посланникъ, могъ съ такою точностію описать характеръ и нравы не одного лица, прежде, нежели оно родилось, но цѣлаго на-

*) Hanway's Trauels, vol. IV. part. 5. chap. 29. p. 221. seqq.

рода, отъ перваго родоначальника его даже до сего дня? Не чудное ли дѣло, не выше ли человѣческаго остроумія и прозорливости то, что цѣлое потомство одного человѣка совершенно подобно ему, что оно чрезъ всѣ вѣки сохранило тѣ же наклонности, тѣ же привычки, тѣ же нравы и обычаи? Воды изъ чистѣйшаго источника часто перемѣняются въ своемъ теченіи, дѣлаются нечистыми и мутными; и чѣмъ далѣе онѣ текутъ, тѣмъ болѣе смѣшиваются съ чуждыми водами, и поглощаются ими. Какъ непохожи нынѣшніе Италіянцы на древнихъ Римлянъ, въ великодушіи и мужествѣ? До какой степени образованія и учтивости достигли Французы и Англичане, предъ грубыми древними Галлами и Британцами? Какое несходство между нами, и между нашими древними предками? Люди и нравы перемѣняются со временемъ. Но, несмотря на такую перемѣну, Аравляне всегда пребыли тѣмъ же, и малымъ, или совершенно ничемъ не отличаются отъ своихъ предковъ. Между тѣмъ нельзя сказать объ нихъ, какъ о другихъ варварскихъ народахъ, чтобы они не имѣли никакой торговли или обращенія съ другими народами:

ибо, во время завоеваній, они наводнили большую часть земли, и, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, были обладателями ученѣйшихъ странъ въ мірѣ; но несмотря на сіе, они пребыли, и суть доселѣ однимъ изъ самыхъ дикихъ и необузданнѣйшихъ народовъ; они во всемъ похожи на своего родоначальника, и отличны отъ прочихъ народовъ всего міра. Измаилъ былъ обрѣзанъ: его потомки обрѣзываются даже донынѣ. Измаилъ былъ обрѣзанъ на тринадцатомъ году своего возраста: около сего же времени обрѣзываются Аравляне, по свидѣтельству Іосифа Флавія *). Онъ былъ рожденъ отъ Агари, незаконной жены: и они почитаютъ себя въ правѣ, всегда имѣть наемныхъ женъ и наложницъ. Онъ жилъ въ пустынѣ въ палаткахъ, и переходилъ съ одного мѣста на другое: такъ поступаютъ и его потомки, а особливо тѣ, кои, по сей самой причинѣ, назывались прежде *Сценитами* **), а нынѣ называются *Бедуинами*. Онъ былъ стрѣлкомъ въ пустынѣ: и

---

*) Antiqu. lib. I. c XII. sect. 2. p. 29. edit. Hudson. Pocock. Spec. Histor. Arab. p. 319.

**) Scenitae—vagi—a tabernaculis (ἀπο τῶν σκηνῶν) cognominati. Plin. lib. VI. c. 28.

они сушь спрѣлки. Онъ былъ ошцемъ двенадцати князей, или правителей ордъ: и они раздѣлены до сего дня на кочевья или орды. Онъ былъ дикой человѣкъ, его рука была поднята на каждаго, и рука каждаго на него: и они живутъ доселѣ въ томъ же состояніи войны, рука ихъ поднята на каждаго, и рука каждаго на нихъ.

Чрезвычайно удивительно, что одинъ и тотъ же народъ сохранилъ, въ теченіи столь многихъ столѣтій, одинакій характеръ; но гораздо чуднѣе, что онъ, при семъ характерѣ, и при своей враждѣ противъ цѣлаго міра, вопреки всему міру, остается свободнымъ и независимымъ народомъ. Нельзя сказать, чтобы никогда не покушались, покорить ихъ подъ иго: ибо многіе побѣдители міра покушались на сіе, и нѣкоторые изъ нихъ сначала были весьма счастливы въ своихъ предпріятіяхъ. Нельзя сказать, чтобы одна сушь, и дикая пустыня ихъ страны, были оградою и защитою ихъ: ибо часто проникали въ ихъ страну; но никогда не покорили оной подъ иго. Діодоръ Сицилійскій *)

*) Diodor. Sic. lib. II. p. 92. edit. Stephani, et p. 722.

почитаетъ засуху ихъ полей нѣкоторою защитою для нихъ; онъ говоритъ, что они роютъ для себя колодези въ особливыхъ мѣстахъ, извѣстныхъ только имъ однимъ, и что враги ихъ, нападающіе на нихъ, по незнанію сихъ мѣстъ, должны погибать отъ жажды, по недостатку воды: но сіе свидѣтельство нимало не справедливо, и не согласно съ истиною; многочисленныя арміи находили средства, содержаться въ сей странѣ долгое время; ни одинъ изъ сильныхъ враговъ ихъ не былъ удерживаемъ сею препоною. Но поелику они, несмотря на все сіе, не были побѣждены; то мы должны приписать сохраненіе ихъ какой либо другой причинѣ. Когда они, судя по—человѣчески, стояли на краю погибели; тогда были, какъ мы замѣтили выше, сохранены чрезвычайною помощію Провидѣнія. Александръ Великій сбирался въ походъ противъ нихъ: но смерть остановила его, прекративъ дни его въ цвѣтѣ лѣтъ. Помпей былъ въ срединѣ своихъ завоеваній: но нѣкоторая чрезвычайная нужда отвлекла его въ другое мѣсто. Элій Галлъ далеко уже проникъ въ сію страну: какъ вдругъ роковая болѣзнь похитила у него множество солдатъ,

и принудила самого его возвратиться назадъ. Траянъ осаждалъ ихъ столицу: но молнія и громъ, вихрь и другія знаменія, уничтожали его предпріятія, и притомъ только тогда, когда онъ возобновлялъ свою осаду. Северъ осаждалъ сіе же самое мѣсто дважды: и дважды принужденъ былъ снять осаду. Уважаемый и достовѣрный историкъ Діонъ, хотя онъ былъ язычникъ, приписываетъ неудачныя предпріятія сихъ обоихъ Императоровъ, посредству Божественнаго всемогущества. Тотъ, кому извѣстны пророчества, еще болѣе можетъ быть увѣренъ въ дѣйствительности сего Божественнаго заступленія: и какъ иначе могла бы одна нація, долгое время, стоять противъ вражды цѣлаго міра, и существовать болѣе четырехъ тысячь лѣтъ? Величайшія государства, лежащія окрестъ Аравіи, погибли одно за другимъ: но Аравляне, съ самаго начала донынѣ, пребыли тѣ же, и вѣроятно, постоянно пребудутъ тѣ же; и сіе, судя по естественному теченію дѣлъ человѣческихъ, такъ невѣроятно, если не совсѣмъ невозможно, что ничто, кромѣ Божественнаго провидѣнія, не имѣло возможности, произнести пророчества объ

Измаилѣ и его потомствѣ, и ничто, кромѣ Божественнаго всемогущества, не могло привести его въ исполненіе.

Аравляне, наряду съ Іудеями, суть единственный народъ, который, съ самаго начала донынѣ, пребылъ особеннымъ народомъ; и въ извѣстныхъ отношеніяхъ они весьма сходствуютъ между собою. Какъ Аравляне, такъ и Іудеи происходятъ отъ Авраама: и тѣ и другіе величаются тѣмъ, что они суть потомки Отца всѣхъ вѣрующихъ. Какъ Аравляне, такъ и Іудеи обрѣзываются: и тѣ и другіе тщеславятся, что они приняли сей обрядъ отъ Авраама. Какъ Аравляне, такъ и Іудеи имѣли первоначально двенадцать патріарховъ, или начальниковъ поколѣній, кои были князьями или правителями ихъ. Какъ Аравляне, такъ и Іудеи берутъ себѣ женъ изъ своихъ поколѣній. Какъ Аравляне, такъ и Іудеи имѣютъ нѣчто особенное во всѣхъ своихъ обыкновеніяхъ, и служатъ для всѣхъ вѣковъ непрерывнымъ памятникомъ Божественныхъ пророчествъ, и подлинности священной Исторіи. Мы можемъ быть болѣе увѣрены въ частныхъ обстоятельствахъ, повѣствуемыхъ о Авраамѣ и Измаилѣ, когда

мы видимъ, что онѣ въ потомкахъ ихъ сбываются до сего дня. Чрезъ сіе мы имѣемъ, такъ сказать, нравственное доказательство нашея вѣры, и той истины, что Всевышній владѣетъ царствами человѣческими, и что правда и истина Его пребываютъ во вѣки.

V.

НАЗИДАТЕЛЬНЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ.

1. О томъ, что нельзя угождать вмѣстѣ и Богу и самимъ себѣ или міру.

Доколѣ вы храмлете на обѣ плеснѣ ваши? (3 Цар. 18, 21.) *Никтоже можетъ двѣма господинома работати: любо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ. Не можете Богу работати и мамонѣ.* (Матѳ. 6, 24.) Когда мы желаемъ себѣ спасенія; то знаемъ, что должно и любить Бога и служить Ему: но намъ хотѣлось бы, чтобы сія любовь и сіе служеніе не заключали въ себѣ ничего, что для насъ тягостно, но чтобы оставалось въ нихъ только то, что для насъ пріятно. Мы желали бы служить Богу, но только подъ условіемъ, чтобы сіе служеніе ограничивалось одними словами, одними обрядами, и притомъ обрядами короткими, потому что обряды продолжительные для насъ скучны и утомительны. Мы желали бы любить Бога, но только подъ условіемъ, чтобы намъ позволено было вмѣстѣ съ Богомъ любить то,

чего Онъ не любитъ, и, можетъ быть, любитъ болѣе, нежели самаго Бога. Мы желали бы любить Бога, но только подъ условіемъ, чтобы нимало не уменьшать той слѣпой любви къ самимъ себѣ, которая часто подобна бываетъ идолослуженію, и которая часто побуждаетъ насъ, волю Божію сообразовать съ своею и измѣрять своею, между тѣмъ какъ свою волю мы должны бы сообразовать съ волею Божіею, такъ какъ мы созданы для Бога. Намъ хотѣлось бы, чтобы Богъ только утѣшалъ насъ, когда мы не находимъ утѣшенія въ самихъ себѣ или въ тваряхъ, но чтобы Онъ не былъ для насъ Богомъ законодателемъ и судіею. Мы желали бы любить Его и служить Ему, но только подъ условіемъ, чтобы намъ позволено было иногда удаляться отъ сего служенія, чтобы, живя для Бога, мы могли жить и для міра, угождая Богу, угождать и міру, наконецъ, чтобы даже не дѣлать ничего для Бога, не испросивъ на то позволенія у міра. Какая это любовь! Какое это служеніе!

Богъ не хочетъ заключать съ нами никакихъ другихъ договоровъ, кромѣ договора, утвержденнаго кровію Сына своего, по которому долж-

ны умереть грѣху, чтобы жить Богу, кромѣ договора, заключеннаго нами съ Нимъ въ крещеніи, когда мы дали обѣщаніе отказаться отъ всего, чтобы принадлежать единственно Богу, кромѣ договора, основаннаго на первой заповѣди Его закона, гдѣ Онъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы посвятили Ему все наше сердце, весь умъ, всѣ наши силы. Можемъ ли мы любить Бога искренно, и вмѣстѣ имѣть общеніе съ міромъ, который есть врагъ Его, и которому Онъ изрекъ столь страшныя проклятія въ Словѣ своемъ? Можемъ ли мы любить Бога, и вмѣстѣ довольствоваться только тѣмъ, чтобы не злословить Его, не заботясь о угожденіи Ему, о прославленіи имени Его, о засвидѣтельствованіи Ему искренней и пламенной любви нашей въ многочисленныхъ случаяхъ, ежедневно намъ представляющихся? Богъ удостоиваетъ насъ безконечной, неограниченной любви своей: но мы желали бы положить тысячу условій любви нашей къ Богу. Много ли на землѣ столь ничтожныхъ тварей, которыя бы не требовали отъ насъ неограниченной любви къ себѣ? Почему же мы не стыдимся желать, чтобы Богъ ограни-

чилъ свои требованія на нашу любовь къ Нему?

9. О томъ, что время мы должны употреблять единственно на полезныя дѣла.

Дондеже время имамы, да дѣлаимъ благое. (Гал. 6, 10.) *Пріидетъ нощь, егда никтоже можетъ дѣлати.* (Іоан. 9, 4.) Время драгоцѣнно; но мы не умѣемъ цѣнить его. Мы узнаемъ цѣну его тогда, когда уже не будемъ имѣть возможности пользоваться имъ. Часто друзья наши требуютъ у насъ времени, такъ какъ бы оно ничего для насъ не стоило, и мы дѣйствительно отдаемъ оное за ничто. Часто время для насъ самихъ бываетъ тягостно, и мы не знаемъ, куда употребить его. Но мы будемъ нѣкогда въ такомъ состояніи, что одинъ часъ будетъ для насъ драгоцѣннѣе и важнѣе, нежели всѣ сокровища міра. Богъ, благій и щедрый во всѣхъ прочихъ дарахъ своихъ, премудрымъ дѣйствіемъ промысла своего, видимымъ въ распоряженіи времени, ясно показываетъ намъ, сколь мы должны быть осторожны въ употребле-

нія времени. Промыслъ никогда не даетъ намъ вдругъ по двѣ минуты. Онъ даетъ намъ новую минуту не иначе, какъ отнимая у насъ данную прежде. Онъ каждую минуту, слѣдующую послѣ данной намъ, сохраняетъ у Себя, оставляя насъ въ сомнѣніи, получимъ ли мы оную. Время дано намъ для того, чтобы мы посредствомъ его пріобрѣтали вѣчность; и вѣчность не будетъ для насъ чрезвычайно продолжительна для того, чтобы мы могли довольно оплакать потерю времени, даннаго намъ для блага, но нами употребленнаго во зло.

Вся жизнь наша и все сердце наше должны быть посвящены Богу. Богъ далъ намъ оныя для того, чтобы мы любили Его и служили Ему. И такъ не будемъ употреблять во зло даровъ Божіихъ, не будемъ противиться Его благимъ намѣреніямъ о насъ. Мы не можемъ совершать великихъ дѣлъ вѣры и благочестія въ каждое мгновеніе. Это несовмѣстно съ ограниченною и слабою нашею природою. Но мы всегда можемъ съ искреннею любовію къ Богу исполнять дѣла, сообразныя съ нашимъ состояніемъ. Мужественно и съ покорностію Промыслу переносить бѣдствія,

постигающія насъ на плачевномъ поприщѣ жизни сей, постоянно предохранять сердце свое отъ преступныхъ и нечистыхъ мыслей и желаній, обуздывать языкъ свой, непрестанно въ молитвенныхъ прошеніяхъ или благодареніяхъ возноситься умомъ своимъ къ Богу,—вотъ благовонная жертва, которую мы всегда можемъ и должны приносить Ему, но которую мы особенно должны приносить, когда бываемъ свободны отъ необходимыхъ занятій обыкновенной жизни нашей. Если даже и во время сихъ занятій будемъ съ Христіанскою любовію и терпѣніемъ переносить противорѣчія другихъ, ропотъ, оскорбительныя слова, неблаговременныя посѣщенія: то мы удвоимъ для себя время, употребивъ оное вмѣстѣ и на свои занятія и на исполненіе обязанностей Христіанской любви. Мы никогда не должны почитать потеряннымъ то время, которое употребляемъ на дѣла благочестія. И такъ будемъ *искуповать время*, какъ говоритъ Апостолъ, удаляясь порочнаго міра, и оставляя ему тѣ блага, которыя не стоятъ употребляемаго на нихъ времени. Будемъ убѣгать суетныхъ удовольствій міра, которыя могутъ нару-

шить спокойствіе духа нашего. Такимъ образомъ мы найдемъ время и для Бога; и время сіе будетъ употреблено самымъ лучшимъ образомъ: ибо оно употреблено будетъ для Бога.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

ПИСЬМА КЪ МОНАХАМЪ.

10. О томъ, что добродѣтель теряетъ всю свою цѣну и достоинство отъ тщеславія.

Благословенныя дѣти мои! я пишу письмо сіе къ вамъ съ тѣмъ, дабы внушить вамъ, что Богъ внемлетъ молитвамъ только тѣхъ людей, которые любятъ и ищутъ Его всѣмъ сердцемъ своимъ. Но Онъ не внемлетъ молитвамъ тѣхъ людей, которые не обращаютъ къ Нему всего сердца своего, но прилѣпляютъ его и къ другимъ предметамъ, и во всѣхъ дѣлахъ своихъ ищутъ славы и похвалы болѣе отъ людей, нежели отъ Бога. Онъ гнѣвается на нихъ; потому что дѣла ихъ тщеславны. На нихъ исполняются слова Псалмопѣвца: *Богъ разсыпа кости человѣкоугодниковъ*; (Псал. 52, 6.) потому что Онъ гнѣвается на дѣла ихъ, не обращаетъ вниманія на молитвы ихъ, и противится

предпріятіямъ ихъ. Дѣла ихъ не оживотворены вѣрою, потому что тщеславны. Посему сила Божія не дѣйствуетъ въ нихъ, и сердце ихъ непостоянно въ исполненіи всѣхъ предпріятій ихъ. Они не вкушаютъ Божественной сладости, не чувствуютъ духовной радости и крѣпости. Всѣ дѣла ихъ, какъ тяжкое бремя, подавляютъ душу ихъ. Многіе и изъ тѣхъ людей, которые посвятили себя на служеніе Богу, еще не пріобрѣли сей Божественной силы, которая услаждаетъ душу, ежедневно умножаетъ въ ней радость и веселіе, и возбуждаетъ въ ней Божественную теплоту. Ихъ ослѣпляетъ духъ тщеславія, и всѣ дѣла ихъ имѣютъ предметомъ похвалу человѣческую.

Что касается до васъ, возлюбленные мои, то, поелику вы рѣшились посвятить Богу всѣ плоды трудовъ своихъ, старайтесь удалятъся духа тщеславія, и вооружайтесь противъ него, чтобы Господь милостиво принялъ плоды ваши, и вы могли получить ту силу небесную, которую Онъ даетъ избраннымъ своимъ. Возлюбленные мои! касательно васъ сердце мое спокойно; потому что я знаю, что вы не имѣете духа тщеславія,

и непрестанно противитесь ему: и потому: что плоды ваши святы и чисты предъ Богомъ. Продолжайте противиться духу сему. Когда человѣкъ предпринимаетъ добрыя дѣла, и начинаетъ заниматься подвигами благочестія: то обыкновенно приходитъ къ нему духъ сей, принимаетъ участіе въ дѣлахъ его, или старается отклонить его отъ исполненія ихъ. Поелику онъ есть духъ злый: то всегда противится тѣмъ людямъ, которые хотятъ быть истинно вѣрующими. Вообще онъ препятствуетъ имъ исполнять всякое доброе дѣло. Много есть такихъ людей, которые живутъ истинно по вѣрѣ, и оказываютъ дѣла милосердія къ бѣднымъ. Духъ тщеславія всѣ силы употребляетъ къ тому, чтобы противиться имъ. Къ инымъ приходитъ онъ во время самыхъ трудовъ ихъ, уничтожаетъ плоды ихъ, и такимъ образомъ побуждаетъ ихъ оставлять дѣла свои, или внушаетъ имъ, чтобы они, упражняясь въ добродѣтеляхъ, и оказывая милость ближнимъ своимъ, основывали дѣла свои на тщеславіи. Люди обыкновенно почитаютъ такихъ лицемѣровъ праведными, между тѣмъ какъ они не имѣютъ никакихъ плодовъ спа-

сенія. Они подобны тѣмъ дикимъ смоковницамъ, которыя взору человѣка показываютъ, что на нихъ растутъ пріятные плоды, между тѣмъ какъ плоды сіи горьки, когда срываютъ и начинаютъ ѣсть ихъ. Тщеславные люди совершенно подобны симъ деревамъ. Обыкновенно о такихъ людяхъ думаютъ, что они приносятъ плоды весьма пріятные для Господа, между тѣмъ какъ они не имѣютъ ихъ. Богъ наконецъ изсушаетъ ихъ; потому что не видитъ въ нихъ никакихъ плодовъ. Онъ лишаетъ ихъ неизреченной сладости Божества своего.

Но вы, дѣти мои, удаляйте отъ себя духа тщеславія, противьтесь ему и побѣждайте его. Для подкрѣпленія васъ Богъ ниспошлетъ вамъ силу свою. Она пребудетъ съ вами, и будетъ вспомоществовать вамъ. Она возбудитъ въ васъ духовную ревность къ добру и духовную теплоту. Если кто изъ васъ имѣетъ сію теплоту: то я молю Бога, чтобы она оставалась въ немъ вѣчно. Теплота сія не скоропреходяща и не подобна теплотѣ земной. Нѣтъ ничего въ мірѣ драгоцѣннѣе ея. Если же кто изъ васъ не чувствуетъ въ себѣ сей теплоты: тотъ долженъ

стараться о пріобрѣтеніи ея. Она дается тому, кто усильно ищетъ ея. Она подобна огню, скрывающемуся въ искрахъ. Если человѣкъ захочетъ сварить какія нибудь овощи на огнѣ самъ: то раздуваетъ его, доколѣ онъ не разгорится; послѣ чего огонь уже получаетъ естественную силу свою, и производитъ въ водѣ кипѣніе. Подобнымъ образомъ и вы, дѣти мои, если замѣтите, что души ваши отъ лѣности и нерадѣнія охладѣваютъ, старайтесь согрѣть и пробудить ихъ слезами покаянія. Духовная теплота возвратится къ вамъ, войдетъ во глубину душъ вашихъ; и вы, принявши тогда сущность сей теплоты, и преобразившись въ нее, будете кипѣть добрыми дѣлами. Такъ Давидъ, замѣтивъ, что душа его охладѣла и отяготѣла, говорилъ: *Уны во мнѣ духъ мой, во мнѣ смятеся сердце мое. Помянухъ дни древнія, поучихся во всѣхъ дѣлѣхъ Твоихъ, въ твореніи руку Твоею поучахся. Воздѣхъ къ Тебѣ руцѣ мои, душа моя яко земля безводная Тебѣ.* (Псал. 142, 4. 5. 6.)

Замѣтьте, возлюбленные мои, поступокъ Давида. Онъ, видя, что сердце его охладѣ-

до, печалился о томъ, доколѣ опять не пробудилась теплота въ сердцѣ его такъ, что онъ наконецъ говорилъ Богу: *Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое.* (Псал. 107, 2.) Давидъ молитвами и покаяніемъ, которыя онъ приносилъ Богу день и ночь, возвратилъ благоволеніе Божіе къ себѣ. Подобнымъ образомъ и вы поступайте, и будьте единодушны въ служеніи Богу чистымъ сердцемъ. Божественный свѣтъ и теплота облегчатъ вамъ сіе служеніе, и Богъ откроетъ вамъ великія тайны, которыя не могутъ быть изъяснены языкомъ. Я съ своей стороны молю Бога, чтобы Онъ сохранилъ въ цѣлости ваше тѣло, душу и духъ, доколѣ не переведетъ васъ въ жилище своего милосердія, въ то мѣсто, въ которомъ живутъ святые Отцы наши. Радуйтесь радостію Господа, котораго слава вѣчна.

---

11. О ТОМЪ, ЧТО КЪ СОВЕРШЕНСТВУ ХРИСТІАНИНА НЕОБХОДИМО ПРИНАДЛЕЖИТЪ И ДУХОВНЫЙ НАВЫКЪ, РАЗЛИЧАТЬ ДОБРО ОТЪ ЗЛА, ИСТИНУ ОТЪ ЛЖИ.

Благословенныя дѣти мои! вы должны знать, что я пишу къ вамъ, какъ къ дѣтямъ любезнымъ мнѣ, достойнымъ благословенія и наслѣдія царства небеснаго. Поелику вы сдѣлались достойными небеснаго наслѣдія; то должны непрестанно, и днемъ и ночью, воспоминать о сынахъ царства небеснаго, если только хотите быть вмѣстѣ съ ними. Непрестанное воспоминаніе о семъ сдѣлаетъ васъ достойными того, что Богъ будетъ охранять васъ отъ всякаго зла, и вы научитесь различать добро отъ зла, избирать то, что для васъ полезнѣе, и такимъ образомъ стремиться къ пріобрѣтенію благъ, которыя уготованы праведнымъ. Поелику вы, дѣти мои, мнѣ весьма любезны, и сдѣлались сынами царства небеснаго: то я непрестанно молю Бога о васъ, чтобы Онъ далъ вамъ благодать, быть проницательными, разсудительными, и различать добро отъ зла. Сія благодать, по словамъ Апостола

Павла, есть *твердая пища совершенныхъ. Совершенные* суть тѣ, которые *имѣютъ чувствія обучена долгимъ ученіемъ въ разсужденіе добра же и зла*, (Евр. 5, 14.) и которые потому сдѣлались сынами царства, и получили Божественное усыновленіе. Они имѣютъ мудрость и навыкъ, различать доброе отъ худаго во всѣхъ дѣлахъ своихъ, такъ что ихъ не можетъ обмануть ни человѣкъ, ни діаволъ. Діаволъ часто предлагаетъ зло подъ видомъ добра, и многихъ обманываетъ; потому что они не имѣютъ мудрости и навыка, открывать обманъ.

Блаженный Павелъ, зная, что сей навыкъ и мудрость принадлежатъ къ числу тѣхъ безконечныхъ богатствъ, которыя Богъ намѣренъ дать истинно увѣровавшимъ въ Него, по чрезвычайной любви своей къ Ефесеямъ, такъ писалъ имъ о семъ, когда они уже сдѣлались духовно свободными и сынами царства небеснаго: *Святымъ, сущимъ во Ефесѣ и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ. Азъ, слышавъ вашу вѣру о Христѣ Іисусѣ, и любовь, яже ко всѣмъ святымъ, не престаю благодаря о васъ, поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ; да Богъ Господа нашего Іису-*

са Христа, Отецъ славы, дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его: просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ. (Ефес. 1, 1. 15—18.) Также: *Преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется, да дастъ вамъ по богатству славы своея* укрѣпиться вѣрѣ вашей, усилиться помощи Духа Его въ васъ, *вселитися Христу вѣрою во внутреннемъ человѣцѣ* вашемъ, *и въ сердцахъ вашихъ: въ любви вкоренени и основани, да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота.* (Ефес. 3, 14—18.) Дѣти мои! обратите вниманіе на сего великаго Апостола. Онъ, зная, сколь велико то богатство духовное, о которомъ не имѣли и понятія Ефесеи, сдѣлавшіеся его сынами чрезъ вѣру, молилъ о нихъ Бога, чтобы Онъ сообщилъ имъ то же количество сего богатства, какое онъ самъ имѣлъ, то есть, чтобы далъ имъ духовную мудрость и способность различать добро отъ зла, что въ дѣ-

лѣ вѣры весьма важно. Онъ молилъ о семъ Бога по причинѣ великой любви своей къ Ефесеямъ. Онъ зналъ, что если они получатъ сей даръ отъ Бога: то не будутъ чувствовать никакого труда въ дѣлахъ своихъ, не будутъ имѣть никакого страха, будутъ день и ночь наслаждаться Господнею радостію, и исполненіе дѣлъ ихъ будетъ для нихъ весьма пріятно; Богъ откроетъ имъ великія тайны будущаго вѣка, которыя не можно изъяснить плотскимъ языкомъ.

Возлюбленныя въ Господѣ дѣти мои! я день и ночь проливаю обильныя слезы въ молитвахъ моихъ къ Богу, чтобы Онъ ниспослалъ вамъ мудрость и способность различать истину отъ лжи, чтобы даръ сей пребывалъ въ васъ неспгоянно, и умножалась во всемъ слава ваша, чтобы наконецъ далъ вамъ много и другаго, чего вы теперь не знаете. Я, отецъ вашъ, молю о васъ Бога, чтобы Онъ споспѣшествовалъ вамъ достигнуть той мѣры совершенства, которая предопредѣлена для истинно вѣрующаго. Многіе монахи и дѣвы, посвятившія себя на служеніе Богу, еще не достигли сей мѣры. Если вы хотите достигнуть совершенства: то удаляй-

тесь всѣхъ такихъ людей, которые только носятъ на себѣ имя монаховъ и дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, но не имѣютъ мудрости и способности, правильно судить о вещахъ. Если вы будете сообщаться съ ними: то они будутъ препятствовать вамъ стремиться къ совершенству, и уничтожатъ въ васъ духовную теплоту, которой они сами не имѣютъ, но вмѣсто которой въ нихъ находится холодъ; потому что они живутъ по своимъ чувственнымъ желаніямъ. И такъ ежели они придутъ къ вамъ, и будутъ говорить вамъ о предметахъ вѣка сего, которые пріятны ихъ порочной волѣ: то не слушайте ихъ; потому что у Апостола Павла написано: *Духа не угашайте. Пророчествія не уничижайте.* (1 Ѳесс. 5, 18. 19.) Дѣти мои! Духъ угашается пустословіемъ и многими другими вещами, которыя исчислить теперь я не могу. Но удаляясь таковыхъ людей, вы нимало не оказывайте имъ презрѣнія, а старайтесь благодѣтельствовать имъ, впрочемъ такъ, чтобы не имѣть съ ними сообщенія: иначе они удалятъ васъ отъ пути истины. Миръ Господа нашего да вселится въ кроткія ду-

ніи ваши, возлюбленныя дѣти мои. Господу да будетъ вѣчно приносима слава и честь отъ всѣхъ тварей. Аминь.

VII.

СВЯТАГО АВВЫ ДОРОѲЕЯ

Наставленіе въ страхѣ Божіемъ.

Святый Іоаннъ въ соборномъ Посланіи говоритъ: *Совершенна любы вонъ изгоняетъ страхъ.* (1 Іоан. 4, 18.) Что хочетъ сказать намъ чрезъ сіе св. Апостолъ? О какой любви говоритъ онъ намъ, и о какомъ страхѣ? Пророкъ напротивъ въ Псалмѣ говоритъ: *Бойтеся Господа вси святіи Его*; (Псал. 33, 10.) и много другихъ мѣстъ, сему подобныхъ, находимъ мы въ Св. Писаніи. И такъ, ежели и святые, столько любящіе Господа, боятся Его: то какъ же говоритъ Апостолъ, что любовь вонъ изгоняетъ страхъ?—Святый хочетъ намъ показать, что два суть страха: одинъ начальный, а другой совершенный; одинъ начинающихъ, такъ сказать, путь благочестія, а другой совершившихся въ святости, достигшихъ въ мѣру любви. На примѣръ, кто исполняетъ волю Божію по страху мученій, тотъ, какъ мы сказали, есть еще начинающій, такъ какъ онъ не дѣлаетъ доб-

ра для самаго добра, но по страху наказанія. Иной же исполняетъ волю Божію изъ любви къ самому Богу, любитъ Бога собственно потому, что желаетъ благоугодить Ему. Такой человѣкъ позналъ, въ чемъ состоитъ существенное добро, позналъ, что значитъ быть съ Богомъ. Сей-то имѣетъ истинную любовь, которую Апостолъ называетъ совершенною; и сія любовь приводитъ его къ совершенному страху. Онъ боится Бога, и исполняетъ волю Его уже не по страху наказанія, не по страху мученія, но, какъ мы сказали, потому, что вкусилъ самой сладости общенія съ Богомъ; боится, чтобы не потерять ее; боится, чтобы не лишиться ея. И сей совершенный страхъ, раждающійся отъ любви, вонъ изгоняетъ страхъ начальный. Посему Апостолъ и говоритъ, что *совершенна любы вонъ изгонятъ страхъ*.

Впрочемъ не иначе возможно достигнуть страха совершеннаго, какъ чрезъ страхъ начальный. Ибо, по словамъ св. Григорія, мы можемъ угодить Богу тремя способами: угождаемъ Богу или по страху наказанія,—и въ такомъ случаѣ находимся въ состояніи рабовъ; или изъ награды, для собственной пользы,

исполняемъ повелѣнное,—и тогда мы уподобляемся наемникамъ; или дѣлаемъ добро для самаго добра,—и тогда находимся въ состояніи сыновнемъ. Ибо сынъ, когда придетъ въ совершенный разумъ, исполняетъ волю отца своего не потому, чтобы опасался наказанія, или хотѣлъ получить награду отъ него; но потому, что любитъ его, потому, что хранитъ къ нему особенно искреннюю любовь и должное почтеніе, и увѣренъ, что все отеческое достояніе есть его. Таковый удостоивается услышать: *Уже нѣси рабъ, но сынъ и наслѣдникъ Божій Іисусъ Христомъ.* (Гал. 4, 7.) Таковый уже не боится, какъ мы сказали, Бога, то есть, онымъ начальнымъ страхомъ, но любитъ, какъ говоритъ св. Антоній: *Я уже не боюсь Бога.* И самъ Господь, говоря къ Авρааму, вознесшему сына своего: *нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога,* (Быт. 22, 12.) разумѣетъ сей совершенный страхъ, раждающійся отъ любви. Ибо какъ онъ могъ сказать: *нынѣ познахъ,* когда Авраамъ и прежде столько сдѣлалъ? Изъ послушанія къ Богу, онъ оставилъ всю свою собственность, переселился въ чужую землю, къ народу идолопоклонническому,

гдѣ не было и слѣда Богопочтенія, и, сверхъ сего, выдержалъ такое страшное искушеніе —жертвоприношеніе сына. Уже послѣ всего этого Господь сказалъ ему: *Нынѣ познахъ, яко боишися ты Бога.* Очевидно, что Онъ разумѣлъ совершенный страхъ святыхъ, которые не по страху наказанія, или для полученія награды, исполняютъ волю Божію; но изъ любви, какъ мы неоднократно говорили, боятся сдѣлать что либо противъ воли Возлюбленнаго. Посему Апостолъ и говоритъ: *Любы вонъ изгоняетъ страхъ.* Ибо они не по страху дѣйствуютъ, но изъ любви боятся. Въ семъ состоитъ совершенный страхъ.

Но невозможно, какъ мы и выше упомянули, достигнуть тому страха совершеннаго, кто прежде не получитъ страха начальнаго. Ибо Писаніе говоритъ: *Начало премудрости есть страхъ Господень*; (Прит. 1, 7.) и еще: *Страхъ Божій есть начало и конецъ.* (Сирах. 1, 15. 18.) Началомъ полагаетъ страхъ начальный, за которымъ слѣдуетъ совершенный страхъ святыхъ. Страхъ начальный принадлежитъ къ нашему состоянію. Онъ, подобно уздѣ, удерживаетъ

душу отъ всякаго зла; ибо сказано въ Писаніи: *Страхомъ Господнимъ всякъ уклоняется отъ зла.* (Прит. 15, 27.) И такъ, ежели кто уклоняется отъ зла по страху наказанія, какъ рабъ, боящійся господина; тотъ постепенно доходитъ и до содѣлыванія добра, и мало по малу начинаетъ, какъ наемникъ, ожидать и награды за добро. Такимъ образомъ, ежели онъ постоянно убѣгаетъ зла, какъ мы сказали, по страху, подобно рабу, и дѣлаетъ добро въ надеждѣ, какъ наемникъ, со временемъ, при помощи Божіей, укрѣпляясь въ добрѣ, и по возможности соединяясь съ Богомъ; то наконецъ онъ пріобрѣтаетъ вкусъ и нѣкоторое чувство къ существенному добру, такъ что уже не хочетъ разлучиться отъ него: ибо *кто можетъ отлучить его,* какъ говоритъ Апостолъ, *отъ любви Христовой*? (Рим. 8, 35.) Тогда онъ достигаетъ возраста сыновняго, любитъ ради самаго добра, и боится, потому что любитъ: вотъ великій и совершенный страхъ. Посему и Пророкъ, показывая намъ различіе сего страха, сказалъ: *Пріидите чада, послушайте мене; страху Господню научу васъ.* (Псал. 33, 12.) Прило-

жише вниманіе къ каждому пророческому слову! Какъ каждое реченіе имѣетъ свою силу! Вопервыхъ говоришъ онъ: *Пріидите ко мнѣ*, и симъ призываешъ насъ къ добродѣтели. Присовокупляешъ; *чада*. Святые чадами называютъ тѣхъ, кои посредствомъ ихъ слова обращаются отъ зла къ добродѣтели, какъ говоритъ Апостолъ: *Чадца моя, ихже паки болѣзную, дондеже вообразится Христосъ въ васъ.* (Гал. 4, 19.) Потомъ, послѣ призыванія насъ и убѣжденія къ такому преобразованію себя, говоритъ: *Страху Господню научу васъ.* Примѣчаете ли дерзновеніе Святаго? Мы, когда желаемъ сказать что либо хорошее, всегда говоримъ: угодно ли, чтобы мы предложили, изъяснили вамъ нѣчто о страхѣ Божіемъ, или о другой какой либо добродѣтели? Но св. Пророкъ безъ всякихъ околичностей говоритъ смѣло: *Пріидите чада, послушайте мене: страху Господню научу васъ. Кто есть человѣкъ, хотяй животъ, любяй дни видѣти благи?* Потомъ, какъ бы уже послѣ даннаго ему на сіе отвѣта: „Я желаю; научи меня жить и видѣть дни благіе,“ продолжаетъ: *Удержи языкъ твой отъ зла, и устнѣ твои еже*

не глаголати льсти. Доселѣ страхомъ Божіимъ отсѣкаетъ дѣйствіе зла. Удерживать языкъ отъ зла, значитъ, не уязвлять посредствомъ чего либо совѣсть ближняго, не клеветать, не раздражать; а удерживать уста отъ льстивыхъ словъ, значитъ, не обманывать ближняго. Далѣе присовокупляетъ: *Уклонися отъ зла.* Сперва онъ упомянулъ о нѣкоторыхъ частныхъ грѣхахъ, какъ то, клеветѣ, обманѣ; а теперь говоритъ вообще о всякомъ злѣ: *Уклонися отъ зла,* то есть, убѣгай отъ всякаго зла, удаляйся отъ всякаго грѣховнаго дѣла. Опять онъ не остановился и на семъ, но присовокупилъ: *И сотвори благо.* Ибо случается, что иной не дѣлаетъ зла, но и добра не дѣлаетъ; также, хотя не обижаетъ, но и не благотворитъ; не ненавидитъ, но и не любитъ. И такъ хорошо сказалъ Пророкъ: *Уклонися отъ зла и сотвори благо.* Вотъ онъ показываетъ намъ то послѣдованіе трехъ состояній, о которомъ мы выше упомянули. Послѣ того, какъ посредствомъ страха Божія привелъ къ уклоненію отъ зла, онъ убѣждаетъ достигать и добра. Ибо кто удостоился освободиться отъ зла и убѣжать-

отъ него, хотя уже естественно, руководствуемый святыми, дѣлаетъ добро. Предложивши сіе въ столь правильномъ порядкѣ, продолжаетъ: *Взыщи мира и пожени и.* Не сказалъ просто: ищи мира; но: усильно стремись за нимъ, чтобы достигнуть его. Обратите все вниманіе ваше на сіи слова, и примѣчайте наблюдаемую въ нихъ Святымъ точность. Какъ скоро кто уклонился отъ зла, и станетъ уже стараться, съ помощію Божіею, дѣлать добро; то въ то же время врагъ подъемлетъ на него брань: — и онъ борется, подвизается, сокрушается не только страхомъ, чтобы опять не обратиться къ злу, какъ мы сказали о рабѣ, но и надеждою награды за добро, подобно наемнику. Въ то самое время, какъ бываетъ поражаемъ и поражаетъ, когда борется съ врагомъ, онъ продолжаетъ дѣлать добро; но съ великою скорбію, съ великимъ трудомъ. Когда же придетъ къ нему помощь отъ Бога, и онъ получитъ уже нѣкоторый навыкъ къ добру: тогда ощущаетъ покой, съ избыткомъ наслаждается миромъ; тогда онъ чувствуетъ, что значитъ скорбь брани, и что значитъ радость и веселіе мира; онъ уже

ищетъ мира, усильно стремится къ нему, чтобы достигнуть его, чтобы овладѣть имъ, и водворить его въ себѣ. И что можетъ быть блаженнѣе души, достигшей сего состоянія? Она, какъ мы неоднократно говорили, находится въ состояніи сыновнемъ; ибо поистинѣ *блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся.* (Матѳ. 5, 9.) Что иное можетъ побудить душу творить добро, какъ не наслажденіе самымъ добромъ? И кто можетъ знать радость сію, кромѣ испытавшаго оную? Тогда-то сей, какъ мы неоднократно говорили, узнаетъ и совершенный страхъ.

Вотъ мы уже слышали, въ чемъ состоитъ *совершенный* страхъ святыхъ, и въ чемъ состоитъ *начальный* страхъ, свойственный нашему состоянію; также, отъ чего страхъ Божій удаляетъ насъ, и къ чему приближаетъ: теперь мы желаемъ знать и то, какъ страхъ Божій поселяется въ насъ; желаемъ сказать, что насъ удаляетъ отъ страха Божія. Отцы говорили, что человѣкъ пріобрѣтаетъ страхъ Божій, когда вспоминаетъ о смерти и мукахъ; когда въ вечеру размышляетъ, какъ провелъ день, а по-

утру, какъ провелъ ночь; когда не питаетъ въ себѣ дерзости, когда ищетъ сообщества съ человѣкомъ боящимся Бога. Говорятъ, одинъ братъ спросилъ у старца: „Что долженъ я дѣлать, чтобы пріобрѣсть страхъ Божій?“ Старецъ отвѣчалъ ему: „Иди, поживи съ человѣкомъ боящимся Бога; и онъ примѣромъ своей богобоязненности научитъ тебя, бояться Бога.“ Отгоняемъ же отъ себя страхъ Божій, когда дѣлаемъ противное сему, когда не памятуемъ о смерти и мукахъ, не внимательны бываемъ къ самимъ себѣ, не размышляемъ, какъ проводимъ жизнь свою, но живемъ беззаботно, и съ подобными же себѣ обращаемся, когда предаемся дерзости, что хуже всего. Это ведетъ къ совершенной погибели: ибо что такъ изгоняетъ изъ души страхъ Божій, какъ дерзость? Авва Агаѳонъ, когда спросили у него о дерзости, уподобилъ ее сильному зною, отъ котораго всѣ убѣгаютъ, и который повреждаетъ древесные плоды. Видишь ли силу сей страсти? видишь ли неистовство? И когда опять спросили у него: „Ужели въ самомъ дѣлѣ такъ опасна дерзость?“ отвѣчалъ: „Нѣтъ страсти опаснѣе дерзости; она есть мать всѣхъ

страстей; потому что изгоняетъ изъ сердца страхъ Божій.“ Ибо ежели *страхомъ Господнимъ уклоняется всякъ отъ зла;* (Притч. 15, 27.) то конечно гдѣ нѣтъ страха Божія, тамъ всякая страсть. Богъ да избавитъ души наши отъ пагубной страсти дерзости!

Дерзость имѣетъ много видовъ; она обнаруживается въ словѣ, въ осязаніи, и во взорахъ. Дерзость доводитъ человѣка до того, что онъ предается празднословію, разсказываетъ о мірскихъ дѣлахъ, дѣлаетъ смѣшное, и возбуждаетъ непристойный смѣхъ. И то дерзость, когда кто дотронется до другаго безъ нужды, когда протянетъ руку на смѣющагося, толкнетъ кого нибудь, что нибудь у него схватитъ, безстыдно на кого нибудь посмотритъ. Все сіе происходитъ отъ того, что въ душѣ нѣтъ страха Божія; а отъ сего мало по малу доходитъ человѣкъ и до совершеннаго презрѣнія. Посему-то, когда Богъ давалъ заповѣди, сказалъ: *Благоговѣйны сотворите сыны Израилевы;* (Лев. 15, 31.) Ибо кто не имѣетъ уваженія къ людямъ, тотъ не почитаетъ и самаго Бога, и не исполняетъ никакой заповѣди. Посему-то нѣтъ ничего пагубнѣе дерзости;

посему-то она и есть мать всѣхъ пороковъ: ибо изгоняетъ почтительность, удаляетъ страхъ Божій, раждаетъ ко всему презрѣніе. Такъ какъ вы дерзки другъ противъ друга и безстыдны, то и заводите между собою худые разговоры, уязвляете другъ друга; какъ скоро кто изъ васъ замѣтитъ что нибудь безполезное, тотчасъ спѣшитъ разглашать о томъ, и влагаетъ въ сердце другому брату своему, чемъ не только себѣ самому вредитъ, но причиняетъ вредъ и брату своему, вливая злой ядъ въ сердце его. И тогда какъ сей устремилъ, можетъ быть, умъ свой къ молитвѣ, или къ другому какому либо полезному занятію, онъ завлекаетъ его въ пустые разговоры, и не только лишаетъ его пользы, но и вводитъ въ искушеніе: а ничто такъ не тяжко, ничто такъ не пагубно, какъ то, если не только себѣ наноситъ кто вредъ, но и ближнему. Посему весьма хорошо, братія, когда мы имѣемъ почтительность, когда уважаемъ другъ друга, когда остерегаемся даже смотрѣть другъ другу въ лице; ибо и это, какъ сказалъ нѣкто изъ старцевъ, есть видъ дерзости.

Если кому случится увидѣть, что братъ его согрѣшаетъ, тотъ не долженъ презрѣть его, умолчать о немъ, и попустить ему чрезъ то погибнуть; не долженъ также ни поносить его, ни злословить: но съ чувствомъ сострадательности и страха Божія долженъ сказать тому, кто можетъ исправить его, или и самъ можетъ сказать ему съ любовію и смиреніемъ: „Прости мнѣ, братъ; мнѣ непотребному кажется, что мы нехорошо поступаемъ въ такомъ-то дѣлѣ." Если онъ тебя не послушаетъ, то скажи другому, къ кому онъ имѣетъ полное довѣріе, или, смотря по важности преступленія, скажи самому настоятелю или Аввѣ, и потомъ будь споконенъ. Впрочемъ говори съ тою цѣлію, чтобы исправить брата своего, а не съ тѣмъ, чтобы только сказать что нибудь о немъ, обезславить его, привесть въ презрѣніе, подвергнуть всеобщему осмѣянію, осудить его, имѣя только на языкѣ исправленіе, а въ сердцѣ подобное тому, что мы сказали. Даже, кто доноситъ самому Аввѣ, но не для исправленія ближняго, или не для избѣжанія собственнаго вреда, и сей грѣшитъ; ибо это злословіе. И потому пусть прежде испы-

таетъ собственное сердце, нѣтъ ли въ немъ какого либо страстнаго движенія. Ежели по тщательномъ испытаніи и увидитъ, что онъ хочетъ сказать изъ сострадательности и для пользы, однакожъ возмущаетъ его сердце и нѣкоторый страстный помыслъ; то пусть со смиреніемъ объявитъ Аввѣ и о себѣ и о ближнемъ такимъ образомъ: „Совѣсть моя мнѣ свидѣтельствуетъ, что я желаю сказать для исправленія, но чувствую какое-то смущеніе въ мысляхъ своихъ. Не знаю, не потому ли я желаю сказать на брата, что я имѣлъ когда нибудь на него неудовольствіе; или опасеніе прослыть клеветникомъ препятствуетъ мнѣ, донести на него, и тѣмъ содѣйствовать къ его исправленію, не знаю.“ Авва скажетъ ему, долженъ ли онъ говорить, или не долженъ. Случается, что иной говоритъ и не для пользы брата своего, и не изъ опасенія собственнаго вреда, и не по злопамятству, но просто разсказываетъ по привычкѣ къ празднословію: какая же отъ сего пустословія польза? Часто братъ узнаетъ, что объ немъ говорили, раздражается, впадаетъ отъ того въ печаль, а такимъ образомъ вредъ и еще увеличиваетъ-

ся. Когда кто говоритъ для одной только пользы; то Богъ не попуститъ, чтобы произошло изъ сего огорченіе, чтобы последовала за симъ скорбь или вредъ. И такъ старайтесь наблюдать за языкомъ своимъ, чтобы не сказать чего либо худаго ближнему, чтобы не оскорбить кого либо или словомъ, или дѣломъ, или видомъ, или какимъ бы то ни было образомъ. Не будьте удобораздражительны, дабы, когда кто изъ васъ услышитъ какое либо слово отъ брата, не воспламениться вдругъ гнѣвомъ, не отвѣчать ему чего либо худаго, и не остаться въ неудовольствіи на него. Это неприлично тѣмъ, которые желаютъ спастись, неприлично тѣмъ, которые подвизаются. Снискивайте страхъ Божій, и изъявляйте почтительность, встрѣчаясь другъ съ другомъ. Каждый долженъ преклонять голову предъ братомъ своимъ, какъ мы сказали; каждый долженъ смиряться предъ Богомъ и предъ братомъ своимъ, и пресѣкать въ себѣ волю свою. Весьма хорошо, если кто поступаетъ такимъ образомъ, если уступаетъ брату своему, и отдаетъ ему предпочтеніе. Онъ

бо́льшую получаетъ пользу предъ тѣмъ, кому уступаетъ.

Я не знаю, сдѣлалъ ли я что нибудь доброе, но знаю, что совершенно охранилъ себя отъ сего; потому что никогда не предпочиталъ себя брату, но всегда ближняго поставлялъ выше себя. Когда я находился еще у Аввы Серида, случилось заболѣть служителю старца Аввы Іоанна, ученика Варсанофіева. Авва поручилъ мнѣ служить Старцу. Я даже къ двери его келліи съ такимъ приходилъ расположеніемъ, съ какимъ кто либо покланяется честному кресту. Послѣ сего можно судить, съ какимъ расположеніемъ я служилъ ему самому. И кто бы не пожелалъ удостоиться служить такому святому? Онъ же имѣлъ и удивительный даръ слова. По окончаніи служенія, каждодневно, когда я дѣлалъ ему поклонъ, чтобы получить отъ него прощеніе и пойти; онъ всегда мнѣ давалъ какое либо наставленіе. Ибо Старецъ имѣлъ четыре изреченія, и, какъ я сказалъ, въ вечеру, какъ надлежало мнѣ отходить, онъ всегда говорилъ мнѣ одно изъ сихъ четырехъ, и начиналъ такъ: „однажны сказано: — ибо у Старца было обыкновеніе, каждое изрече-

ніе начинать сею поговоркою;—однажды сказано, брать! (Богъ да сохранитъ любовь) что, по словамъ Отцевъ, *щажденіе совѣсти ближняго раждаетъ смиреніе.*" Въ другой вечеръ онъ говорилъ мнѣ: „однажды сказано, братъ! (Богъ да сохранитъ любовь) что, по словамъ Отцевъ, *никогда не должно выставлять волю свою предъ братомъ.*" Въ третій: „сказано однажды, братъ! (Богъ да сохранитъ любовь) что, какъ Отцы говорили, *убѣгай всего человѣческаго и спасешься.*" Въ четвертый: „однажды сказано, братъ! (Богъ да сохранитъ любовь) Отцы говорили: *другъ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ.*" (Галат. 6, 2.) Старецъ какъ скоро я отходилъ отъ него, всегда давалъ мнѣ одно изъ сихъ четырехъ наставленій, какъ даетъ иному кому нибудь напутствіе,—и онѣ охранили всю мою жизнь. Хотя я имѣлъ такое уваженіе къ Святому, и столько любилъ служить ему; однакожъ какъ скоро я узналъ, что одинъ изъ братій домогается служить ему, тотчасъ пошелъ я къ Аввѣ, и просилъ его, чтобы онъ сіе позволилъ брату, какъ болѣе меня достойному. Но ни Авва, ни самъ Старецъ не дозволяли до тѣхъ поръ, пока я не

употребилъ всѣхъ силъ, чтобы братъ предпочтенъ былъ мнѣ. Проведши здѣсь девять лѣтъ, не знаю, сказалъ ли я кому нибудь худое слово, хотя я и имѣлъ должность, и никто не скажетъ, чтобы не имѣлъ. Повѣрите ли, что сдѣлалъ со мною одинъ братъ: я очень помню, какъ онъ идя отъ больницы до самой церкви позади меня, непрестанно меня бранилъ, но я вопреки ему не сказалъ ни одного слова; и когда Авва узналъ о семъ, не знаю отъ кого, и хотѣлъ сдѣлать ему выговоръ, то я палъ къ ногамъ его. „Ради Господа, я говорилъ ему, не дѣлай сего; я согрѣшилъ, братъ не виноватъ.“ Также другой братъ, Богъ знаетъ, по простотѣ ли, или по наважденію, ночью вылилъ воду свою мнѣ на голову, такъ что вымочилъ и всю мою постель. Равнымъ образомъ нѣкоторые изъ братій приходили днемъ, и отрясали свои подстилки предъ моею келліею. Отъ сего такое множество блохъ собиралось въ мою келлію, что у меня не ставало уже силъ, убивать ихъ; ибо по причинѣ жара онѣ были безчисленны. Когда я отходилъ ко сну, онѣ всѣ собирались на меня; и хотя я и засыпалъ послѣ великаго утомленія, но встав-

шии отъ сна, я находилъ все тѣло свое изъѣденнымъ. Однакожъ я никогда никому не говорилъ: не дѣлай сего, или: для чего ты сіе дѣлаешь? и не помню, чтобы кому либо сказалъ когда оскорбительное или непріятное слово.

Научитесь и вы, *другъ друга тяготы носити*, научитесь уважать другъ друга. И если кто изъ васъ услышитъ отъ кого непріятное слово, или потерпитъ что либо сверхъ ожиданія: то пусть не вдругъ впадаетъ въ уныніе, пусть не вдругъ раздражается; чтобы не имѣть, во время подвига и пользы, сердца разслабленнаго, унылаго, изнеможеннаго, которое не въ состояніи выдержать никакого нападенія, подобно дынѣ, которая отъ прикосновенія малаго сучка тотчасъ повреждается и загниваетъ. Напротивъ старайтесь имѣть сердце твердое, великодушное; взаимною любовію вашею побѣждайте всѣ встрѣчающіяся между вами непріятности. Ежели кто изъ васъ занимаетъ какую либо должность, или будетъ имѣть какое либо дѣло или у садовника, или у эконома, или у повара, или у кого нибудь другаго изъ сослужащихъ вамъ; то прежде всего пусть

каждый, и поручающій дѣло и исполняющій его, старается сохранять свой чинъ, и никогда не позволяетъ себѣ уклоняться отъ заповѣди Божіей, дѣйствуя или съ неудовольствіемъ, или по пристрастію, или по ненависти, или по своей волѣ и власти. Впрочемъ каково бы ни было дѣло, важное ли или неважное, не должно презирать и пренебрегать его; ибо такое небреженіе худо: но не должно и предпочитать его своему чину до такой степени, чтобы исполнить дѣло, хотя бы то было со вредомъ душѣ. Ибо къ какому бы дѣлу вы ни были приставлены, хотя бы оно было нужное, и требовало раченія, я не хочу, чтобы вы исполняли оное съ любочестивою ревностію, или съ неудовольствіемъ: но знайте, что всякое дѣло, какимъ бы вы ни занимались, важное ли оно, или неважное, есть осьмая часть дѣла искомаго; а сохранить свой чинъ, хотя бы чрезъ сіе случилось потерять служеніе, есть четвертая половина осьмаго. Видите, какое различіе! И такъ когда вы занимаетесь какимъ либо дѣломъ, и желаете исполнить оное совершенно и безъ всякаго опущенія; то старайтесь и дѣло исполнить,

что составляетъ осьмую часть, и свой чинъ сохранить, что составляетъ четвертую половину осьмаго. Когда же, по причинѣ исполненія должности, будетъ настоять необходимость отступить отъ заповѣди, и потерпѣть или нанести вредъ; то нехорошо, когда кто для сохраненія осьмой части погубитъ четвертую половину осьмаго. Посему когда видите, что кто либо дѣлаетъ сіе, то знайте, что онъ не по гласу разума исполняетъ служеніе свое, но ревнуетъ или изъ тщеславія, или изъ человѣкоугодія, и такимъ образомъ мучитъ и себя и ближняго для того только, чтобы послѣ услышать, что никто не могъ побѣдить его. Ахъ, какое великое мужество! Нѣтъ, братія, это не побѣда,—это вредъ, это пагуба! Я говорю вамъ, что ежели кого либо изъ васъ пошлю за какою нибудь надобностію, и онъ увидитъ возникающее неудовольствіе, или другой какой либо вредъ; то пусть остановится, и никогда не дѣлаетъ вреда ни себѣ ни другимъ, пусть не будетъ исполнено и нужное, только бы вы не возмущали другъ друга: ибо, какъ я сказалъ, гибнетъ четвертая

половина осьмаго; а это очевидная безразсудность.

Впрочемъ я говорю вамъ сіе не для того, чтобы вы вдругъ впадали въ малодушіе, оставляли дѣла, и, злонамѣренно бывъ безпечны, попирали совѣсть свою; опять и не для того, что бы вы ослушались, что бы каждый изъ васъ говорилъ: „я не могу сего исполнить, оно для меня вредно, неприлично!" ибо при такихъ отреченіяхъ вы никогда не будете исправлять служенія, и никогда не возможете исполнить заповѣди Божіей. Напротивъ того всѣ силы употребляйте къ тому, чтобы исполнить всякое свое служеніе съ любовію; со смиреніемъ кланяйтесь другъ другу, уважайте; утѣшайте другъ друга. Нѣтъ ничего могущественнѣе смиренія. Ежели кто видитъ иногда ближняго, или себя самого огорченнымъ; прекращайте сіе огорченіе, уступайте другъ другу, не ожидайте вреда: ибо лучше, какъ я тысячекратно говорилъ, ежели совершится что либо и не по вашему желанію, но какъ требуетъ нужда, нежели чтобы отъ излишняго вашего рвенія, или преимущества, хотя бы сіе казалось и

законнымъ, происходило между вами неудовольствіе или огорченіе, и вы потеряли четвертую половину осьмаго. Ибо во вредѣ есть большое различіе. Но часто случается, что иный теряетъ и самую осьмую часть, и вовсе ничего не дѣлаетъ; ибо таково свойство имѣющихъ честолюбивую ревность. Съ самаго начала мы всякое дѣло исполняемъ для того, чтобы получить отъ него пользу: какая же будетъ польза, когда мы не смиряемся другъ предъ другомъ, но напротивъ еще возмущаемся и огорчаемся другъ противъ друга? Вы знаете, что говорится въ Книгѣ Старческой,—что отъ ближняго и смерть и животъ. Размышляйте непрестанно о семъ, братія; на самомъ дѣлѣ исполняйте наставленія св. старцевъ; старайтесь съ любовію и страхомъ Божіимъ искать пользы своей и ближнихъ:—и тогда вы, съ помощію Божіею, отъ всего, что случается съ вами, будете получать пользу, и преуспѣвать. Самъ человѣколюбивый Богъ да даруетъ намъ страхъ свой: ибо сказано: *Бога бойся и заповѣди Его храни,* потому что сіе требуется отъ всякаго человѣка. (Еккл. 12, 13.)

*

VIII.

НРАВЫ ХРИСТІАНЪ СО ВРЕМЕНЪ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

Государи Христіанскіе.

Послѣ трехъ вѣковъ гоненія Церковь стала наслаждаться миромъ и свободою. Вожделѣненъ былъ сей миръ, какъ состояніе, въ коемъ вѣрующіе могли служить Богу безъ всякаго препятствія: но опытъ доказалъ, что гоненія были полезнѣе. Впрочемъ нравы, какіе были въ первыхъ трехъ вѣкахъ Христіанства, оставались у Христіанъ еще долгое время; посему нужно здѣсь замѣтить токмо тѣ особенности, кои обнаружились тотчасъ съ свободнымъ исповѣданіемъ вѣры.

Первымъ предметомъ, достойнымъ удивленія, представляются Государи Христіанскіе. Въ предыдущихъ вѣкахъ никто не могъ подумать, чтобы сильные земли покорились строгости Христіанскаго ученія; тогда казалось непонятнымъ, какъ уничиженіе и самоумерщвленіе могутъ совмѣщаться съ независимою властію и несмѣтнымъ богатствомъ. Сіе-то самое, безъ сомнѣнія, заставило

Тертулліана сказать *), что Государи давно были бы обращены, еслибы могли быть Государями и вмѣстѣ Христіанами; и Оригена **), назвать перемѣну, имѣющую произойти въ Государяхъ, такимъ чудомъ, которое можетъ одинъ Богъ явить предъ лицемъ вселенной. Сія-то перемѣна имѣла существенное вліяніе на происшествія описываемыхъ нами временъ: поелику она была главною причиною свободы церковной.

Вскорѣ по обращеніи Константина появилось имя Іисуса Христа и изображеніе Его креста на знаменахъ Римскаго войска, и то, что доселѣ было орудіемъ позорной казни, стало служить украшеніемъ вѣнцевъ царскихъ. Императоръ имѣлъ въ своемъ дворцѣ особенную комнату, куда ежедневно уходилъ одинъ для чтенія Св. Писанія, и для совершенія молитвъ, усвоенныхъ извѣстнымъ часамъ, особливо въ день воскресный, который назначенъ былъ днемъ покоя для самыхъ язычниковъ ***). Въ походахъ повелѣвалъ носить

*) Апол. гл. 21.

**) Противъ Цельса кн. 8.

***) Евсев. въ Жизнеоп. Константина, кн. 2. гл. 12. 14. кн. 4. гл. 17. 21.

за собою шатеръ, сдѣланный наподобіе церкви, дабы въ немъ совершать Божественную службу, и допускать вѣрующихъ къ причащенію; за нимъ слѣдовали Священники, Діаконы и даже Епископы, коихъ Императоръ почиталъ стражами своей души. Почти весь Константинополь въ принятіи Христіанства послѣдовалъ примѣру Константина. Навечеріе Свѣтлаго Воскресенія было ознаменовано великолѣпнымъ освѣщеніемъ, не только въ церквахъ, но и внѣ ихъ; по всему городу горѣли большія свѣчи, или лучше, восковые столпы, коихъ сіяніе перемѣняло сію священную ночь въ прекрасный день *). На площадяхъ сего обширнаго города находились водометы, украшенные изображеніями Добраго Пастыря, или Даніила во рвѣ львиномъ. Въ немъ не было ни идоловъ, ни храмовъ ложнымъ богамъ. Кому неизвѣстна щедрость, съ какою Константинъ принялъ Отцевъ Никейскаго собора, и почести, которыя имъ воздалъ? Онъ послалъ колесницы для привезенія ихъ изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Имперіи, содержалъ ихъ на свой счетъ до самаго окончанія собора, и отпустилъ съ великими

*) Тамъ же кн. 3. гл. 48. кн. 4. гл. 22.

подарками *). Онъ сожегъ записки, кои Епископы подавали ему другъ на друга предъ начатіемъ собора **); цѣловалъ у исповѣдниковъ раны, оставшіяся памятниками прежде-бывшихъ гоненій; пришелъ на соборъ безъ стражи, съ видомъ смиренія и духовной подчиненности, и не прежде сѣлъ на мѣсто, какъ по просьбѣ Епископовъ. По окончаніи засѣданія сдѣлалъ для нихъ великій пиръ въ своемъ дворцѣ, и самъ съ ними сидѣлъ за столомъ. Словомъ, тогда видѣли Іисуса Христа видимо управляющаго самимъ Императоромъ.

Ѳеодосій великій не меньшую честь воздалъ Религіи исполненіемъ добродѣтелей Христіанскихъ. Онъ молился много, обращался къ Богу во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, и Ему приписывалъ всѣ счастливые успѣхи своего оружія. Нѣкогда предался онъ неумѣренному гнѣву противъ Ѳессалоникійцевъ; преступленіе его было велико, но не меньшее послѣдовало и покаяніе; св. Амвросій въ его глазахъ казался выше всѣхъ Епископовъ, потому что менѣе всѣхъ ему поблажалъ. Импе-

*) Тамъ же кн. 3. гл. 6. 7.

**) Сокр. Ист. кн. 1. гл. 5 и 8.

ратрица, его супруга, столь же прославилась своимъ благочестіемъ и благотворительностію. Сей духъ сохранялся въ ихъ родѣ, и обнаружился разительнѣйшимъ образомъ въ ихъ внукѣ, св. Пульхеріи, которая на 15 году своего возраста, вмѣстѣ съ двумя сестрами, дала Богу обѣтъ дѣвства, и, не оставляя дворца, вела жизнь столь уединенную, столь многотрудную и набожную, что современные писатели сравнивали сей дворецъ съ монастыремъ.

Въ семъ-то училищѣ благочестія Пульхерія воспитала Императора Өеодосія, младшаго своего брата *). Онъ упражнялся въ тѣхъ же самыхъ подвигахъ, вставалъ весьма рано для пѣнія съ своими сестрами псалмовъ, молился много, ходилъ неопустительно въ церковь, и дѣлалъ для нея богатыя пожертвованія, часто постился, особливо въ среду и пятокъ. Онъ имѣлъ книгохранилище, состоявшее изъ книгъ церковныхъ, зналъ на память Св. Писаніе, и входилъ въ разсужденія съ Епископами, какъ бы человѣкъ ихъ званія; онъ питалъ къ нимъ глубокое по-

*) Сокр. Ист. кн. 7. гл. 22. Созом. кн. 9. гл. 1. Өеод. кн. 4. гл. 36.

чтеніе, и воздавалъ честь всѣмъ добродѣтельнымъ Христіанамъ. По его повелѣнію перенесены съ великимъ торжествомъ мощи многихъ Святыхъ, выстроено множество богадѣленъ и монастырей.

Пульхерія впрочемъ не однѣми дѣлами набожности его занимала; она старалась сообщить ему свѣдѣнія во всемъ томъ, что ему нужно было знать, какъ Императору. Для сего собраны были отличные учители, изъ коихъ одни преподавали ему науки, другіе упражняли его въ конскомъ ристаніи и въ искусствѣ управлять оружіемъ. Его пріучали къ терпѣнію зноя и стужи, голода и жажды. Сама сестра показывала ему правила благоприличія въ одѣяніи, въ тѣлодвиженіяхъ, въ поступи; учила воздерживаться отъ хохота, выслушивать другихъ съ терпѣніемъ. Онъ сдѣлался властелиномъ своихъ страстей, любезнымъ въ общежитіи, мягкосердечнымъ и сострадательнымъ.

Таковъ былъ Ѳеодосій младшій, рожденный отъ царской крови, на востокѣ, въ вѣкѣ самомъ развращенномъ. Императоръ Маркіанъ, его преемникъ, явилъ на престолѣ то же благочестіе, ту же ревность по вѣрѣ

и, можетъ быть, еще въ высшей степени. Въ доказательство довольно привести на память его бракъ съ св. Пульхеріею, заключенный на томъ условіи, чтобы царствовать съ нею, не раздѣляя брачнаго ложа.

Образъ строенія церквей.

Какъ скоро Константинъ прекратилъ гоненіе: то, по сказанію Евсевія, вездѣ открылись освященія церквей и собранія Епископовъ *); Христіане начали сходиться повсюду, долѣе стояли за псалмопѣніемъ и литургіею; всѣ обряды Религіи совершались торжественнѣе. Приступая къ описанію тогдашняго Богослуженія, начнемъ повѣствованіемъ о церквахъ, сообразуясь съ памятниками, какіе доселѣ остаются частію въ книгахъ, частію въ древнихъ зданіяхъ. Но замѣтимъ предварительно, что въ то время уже не позволялось отправлять Божественную службу въ такой церкви, которая не была освящена съ приличными обрядами, равно какъ совершать таинства индѣ, кромѣ церкви, и употреблять простые, а не священные сосуды. То и другое ясно откры-

*) Евсев. Ист. кн. 10. гл. 3.

вается изъ доноса, сдѣланнаго противу св. Аѳанасія *).

Церковь строилась, сколько можно, далѣе отъ прочихъ городскихъ зданій; была удалена отъ шума, и со всѣхъ сторонъ окружена кельями, садами и зданіями, принадлежавшими самой церкви, что все заключалось внутри стѣнъ **). Съ самаго начала открывались большія двери, вводившія въ перистиль, то есть четвероугольную паперть, вокругъ коей были крытыя галлереи, поддерживаемыя столпами. Подъ сими галлереями жили нищіе, имѣвшіе позволеніе просить милостыню у дверей церковыхъ, а посреди паперти находились одно или два водохранилища, для омовенія рукъ и лица предъ молитвами; за ними стояли сосуды съ святою водою. Далѣе представлялся двойный входъ, вводившій тремя дверьми въ залу или святилище (basilicum): это была настоящая церковь. Я сказалъ, двойный, потому, что одинъ входъ былъ съ внѣшней, другой съ внутренней стороны. Близъ святилища ко внѣшней сто-

*) Аѳан. Апол. 1. стр. 684.

**) Евсев. Ист. кн. 10. гл. 4. Жизн. Константина кн. 3. гл. 34. 35 и пр.

ронѣ находились по крайней мѣрѣ два зданія: крещальня у самаго входа, за нею ризница или казнохранилище, раздѣлявшееся почасту на два отдѣленія (secretarium, diaconicum). Нерѣдко вдоль церкви строились малыя кельи для помѣщенія тѣхъ, кои желали размышлять и молиться наединѣ.

Святилище раздѣлялось на три части, соотвѣтственныя его широтѣ, двумя рядами колоннъ, кои, поддерживая хоры по обѣимъ сторонамъ находившіеся, оставляли между собою пространство, бывшее срединою церкви. Въ концѣ къ востоку находился престолъ, а за нимъ мѣсто для священнаго сословія (presbyterium, sanctuarium). Сіе мѣсто имѣло видъ полукружія, которое облегало заднюю сторону престола; вершина свода, его покрывавшаго, представлялась въ видѣ выемки, похожей на раковину (concha), а самый сводъ, въ видѣ дуги, назывался по-Гречески ἀψις. Вѣроятно Христіане сначала подражали засѣданіямъ Іудейскаго Синедріона, въ коемъ судіи сидѣли полукружіемъ такъ, что среди онаго находился судія главный: Епископъ точно такое мѣсто занималъ за престоломъ. Онъ сидѣлъ посреди, имѣя

по сторонамъ Священниковъ, и его сѣдалище (θρονος) возвышалось предъ прочими. Всѣ сѣдалища вмѣстѣ назывались по — Гречески συνθρονος (сопрестолie), по—Латинѣ consessus (засѣданie), иногда же tribunal и βημα, поколику имѣли сходство съ судейскими мѣстами въ гражданскихъ судахъ. Мѣсто священнаго судилища было возвышенно, и Епископъ по ступенямъ сходилъ съ него къ престолу. Съ передней стороны престолъ обносился перегородкою, за которою въ срединѣ церкви находилось еще другое отдѣленie для пѣвцовъ, извѣстное у Грековъ подъ названieмъ χορος, у Латинянъ cancelli (крылосъ). Пѣвцы были изъ числа простыхъ Клириковъ, опредѣлявшихся къ сему служенiю. При входѣ на крылосъ стоялъ амвонъ или возвышенное мѣсто, на которое восходили съ обѣихъ сторонъ для общенароднаго чтенiя. Если амвонъ былъ одинъ, то онъ находился посреди; но иногда, чтобы не загораживать престола, дѣлали два амвона, одинъ по правую руку Епископа и по лѣвую народа для чтенiя Евангелiя, другой по другую сторону для чтенiя Апостола; иногда

бывалъ даже трешій для чтенія Пророчествъ.

Престолъ имѣлъ видъ обыкновеннаго стола; онъ дѣланъ былъ изъ мрамора или порфира, иногда изъ литаго серебра и даже золота, украшеннаго драгоцѣнными камнями, иногда же и изъ простаго дерева. Онъ стоялъ на четырехъ ножкахъ или небольшихъ столбикахъ, одинакаго вещества съ крышкою, и поставляемъ былъ всегда на гробѣ какого нибудь мученика. Для сего или церковь строили тамъ, гдѣ почивалъ мученикъ, или, что чаще случалось, тѣла мучениковъ переносили на то мѣсто, гдѣ строились церкви: отсюда-то ведется доселѣ правило, чтобы не освящать престола безъ нѣкоторой части мощей. Престолъ, по совершеніи на немъ Евхаристіи, оставался совершенно открытымъ, или только прикрывался какою нибудь пеленою; поверхъ его ничего не было. Но въ послѣдствіи времени стали утверждать на четырехъ столпахъ, соотвѣтствующихъ его угламъ, родъ скиніи, которая покрывала весь престолъ, и называлась чашею (ciborium), по причинѣ ея сходства съ чашею, внизъ обращенною.

Украшенія Церкви.

Все сіе украшалось великолѣпнымъ образомъ. Чаша и столпы, оную поддерживавшіе, часто бывали изъ чистаго серебра, и вѣсили до трехъ тысячь марковъ. Между столпами висѣли занавѣсы изъ дорогой матеріи, для закрыванія престола съ четырехъ сторонъ. Чаша украшалась живописью, или золотою и серебреною работою, какъ то изображеніемъ креста, и пр. Кромѣ того утверждали надъ престолами голубей изъ золота или серебра, какъ для изображенія Святаго Духа, такъ и для того, чтобы тамъ хранить запасные дары; впрочемъ сіи дары хранились иногда и въ простыхъ сосудахъ, подобныхъ нашимъ дароносицамъ. Нерѣдко вся дуга олтаря покрывалась серебромъ, или по крайней мѣрѣ мраморомъ, точно также, какъ и раковина. Колонны, раздѣлявшіе святилище, были мраморныя, съ капителями изъ позлащенной меди; полъ въ ономъ выкладывался мраморомъ и расписывался.

Въ семъ же мѣстѣ находилось великое число мозаическихъ изображеній. Это картины, выкладываемыя разноцвѣтными частица-

ми стекла или камня, и имѣющія то преимущество предъ другими картинами, что никогда не тускнутъ. Сіе не значитъ, чтобы въ церквахъ не было другихъ живописныхъ изображеній; напротивъ стѣны въ нихъ большею частію бывали расписаны. Тамъ представлялись различные предметы изъ ветхозавѣтной Исторіи, особливо бывшіе прообразованіемъ таинствъ новозавѣтныхъ, какъ на прим. ковчегъ Ноевъ, жертвоприношеніе Исаака, переходъ Израильтянъ чрезъ Чермное море, Іона брошенный въ море, Даніилъ между львами. Тамъ видѣли во многихъ мѣстахъ образъ Спасителя и нѣкоторыя изъ Его чудесъ, какъ на прим. насыщеніе пятью хлѣбами пяти тысячь народа, и воскрешеніе Лазаря. По свидѣтельству Евсевія, Константинъ на площадяхъ Константинополя поставилъ изображенія Добраго Пастыря и Даніила между львами *); тотъ же писатель въ другомъ мѣстѣ увѣряетъ, что въ его время съ первыхъ вѣковъ хранились изображенія Апостоловъ Петра и Павла и самаго Іисуса Христа, писанныя красками **). На-

*) Евсев. Жизн. Конст. кн. 3. гл. 49.

**) Евс. Ист. кн. 7. гл. 18. Впрочемъ Августинъ

конецъ въ каждой церкви изображалась исторія того мученика, коего мощи въ ней почивали. Въ примѣръ сего Пруденцій *) упоминаетъ о св. Кассіанѣ и св. Ипполитѣ, а Астерій о св. Евфиміи. Сіи историческія изображенія первоначально назначались для простаго народа, коему служили вмѣсто книгъ, какъ разсуждаетъ Папа Григорій II въ письмѣ къ Императору Льву, предводителю иконоборцевъ. „Мущины и женщины, пишетъ онъ, держа на рукахъ малолѣтныхъ новокрещенныхъ дѣтей, показываютъ имъ пальцемъ исторію, объясняютъ ее для юношей и приходящихъ язычниковъ; а чрезъ сіе назидаютъ ихъ, и возносятъ ихъ умъ и сердце къ Богу.“ Церковныя двери украшались слоновою костію, серебромъ или золотомъ, и всегда задергивались занавѣсами. У главныхъ дверей полагались мощи, отъ чего вѣрные оказывали симъ дверямъ особенное уваженіе.

утверждаетъ, что во время Евсевія не было портретовъ снятыхъ съ самихъ Апостоловъ и Іисуса Христа, а были написанные единственно по соображенію, какъ пишутся нынѣ.

*) Пруденц. о Вѣнцѣ, гл. 9.

Часть ризницы, называвшейся diaconicum, была достопримѣчательное зданіе, пристроиваемое къ церкви. Тутъ хранились священные сосуды; по каковой причинѣ никто не смѣлъ туда войти, кромѣ священнослужителей, имѣвшихъ право брать оные въ руки. Тамъ же хранились книги, одежды священныя, приношенія вѣрующихъ, и иногда Святые Дары въ сосудѣ, обложенномъ слоновою костію. Другая часть ризницы, называвшаяся secretarium, походила на большой кабинетъ, или лучше, на залу, въ которую Епископъ входилъ съ своимъ клиромъ, для тайнаго совѣщанія о дѣлахъ, до Церкви касающихся, или для предуготовленія себя къ священнодѣйствію, какъ то извѣстно о св. Мартинѣ, который всегда, готовясь служить Литургію, посвящалъ здѣсь три часа на молитву.

Въ каждой церкви находилось великое число чашъ и блюдъ, кои въ первыхъ вѣкахъ были чаще стеклянныя, нерѣдко впрочемъ серебреныя и золотыя, даже во времена гоненій. Церковныя чаши вѣсили по большей части три марка, а блюда до сорока пяти марковъ и вообще до тридцати.

Употребленіе свѣчь не прекращалось; ихъ зажигали въ великомъ числѣ, даже днемъ, со множествомъ лампадъ. Достойны вниманія употреблявшіеся въ первенствующей Церкви подсвѣчники, кои бывали часто изъ золота вѣсомъ до 37 марковъ, или изъ серебра вѣсомъ до 45 марковъ.

Крещальня строилась обыкновенно круглая; среди ея находился водоемъ, въ который спускались по ступенямъ для погруженія въ воду. Въ послѣдствіи сталъ замѣнять оную большій чанъ изъ мрамора или порфира; а наконецъ вошли въ употребленіе уже настоящія купели. Крещальня украшалась живописью приличною таинству крещенія, и убиралась многими золотыми и серебреными вазами, служившими для храненія св. елея и для изливанія воды. Сіи послѣднія часто представлялись подъ видомъ агнцевъ, для изображенія Агнца, омывающаго насъ своею кровію, или еленей, для означенія нетерпѣливаго желанія душъ, кои стремятся къ Богу, подобно какъ елень, томимый жаждою, стремится къ источнику, по словамъ Псалмопѣвца. (Псал. 41, 1.) Здѣсь видимъ былъ образъ Іоанна Крестителя и голубь золо-

*

тый или серебреный, висѣвшій надъ св. банею; чрезъ что ясно изображалась вся исторія крещенія Іисуса Христа и дѣйствіе Святаго Духа, нисходящаго на воду крещенія. Нѣкоторые даже говорили: *Іорданъ*, вмѣсто того, чтобы сказать: *купель*.

Таковы, или подобны симъ были древнія церкви, и зданія онымъ соприкосновенныя.

Отличие церквей отъ храмовъ языческихъ.

Несмотря на сіе, язычники укоряли Христіанъ, что у нихъ нѣтъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ, ни изображеній, ни жертвъ, ни празднествъ,—и Христіане говорили имъ въ отвѣтъ: что храмы, жертвенники вещественные, кровавыя жертвы, недостойны Бога; что единственный образъ Его находится въ Его Сынѣ и въ душахъ разумныхъ, кои чрезъ подражаніе сему Сыну дѣлаются подобными Отцу; что они во всякое время и на всякомъ мѣстѣ приносятъ Ему жертвы хваленія на жертвенникахъ своихъ сердецъ, возжигаемыхъ огнемъ любви; наконецъ что истинные Христіане непрерывно празднуютъ,

отрекаясь временныхъ благъ, успокоиваясь въ чистой совѣсти, и восхищаясь упованіемъ безсмертія. Вотъ какъ они защищали себя противъ укоры языческихъ. Они не говорили: и у насъ также есть храмы и жертвенники, только не по—вашему построенныя.

Въ самомъ дѣлѣ сіи слова имѣли у язычниковъ совершенно другое значеніе, нежели у насъ. Жертвенникомъ назывался каменный очагъ, стоявшій предъ храмомъ или идоломъ, и всегда на открытомъ мѣстѣ; на немъ сожигалось жертвенное мясо, совершалось возліяніе вина, молока, меда и пр. Подъ именемъ храма разумѣлось зданіе круглое или продолговатое, имѣвшее опредѣленную величину и опредѣленныя украшенія, смотря по идолу, въ немъ находившемуся. Сіи зданія были по большей части тѣсныя, безъ оконъ, или съ узкими отверстіями; въ нихъ вносились жрецами одни только дары, идолу посвящаемые; народъ туда не входилъ, а стоялъ внѣ, около жертвенника.

Наши церкви болѣе походили на общенародныя школы или на залы судебныя, называвшіяся въ древности *базиликами*. Въ нихъ находилось возвышенное сѣдалище съ

каѳедрою Настоятеля, налой для чтеца, лавки для слушающихъ, книги и шкафы, лампады и подсвѣчники, столъ (коего употребленіе мало извѣстно). Отъ сего Христіане давали мѣстамъ своихъ собраній имена *церкви*, *базилики*, *часовни*, *дома* или *жилища Божія*. Рѣдко употреблялось ими названіе *храма*, и никогда (сколько извѣстно) названіе *капища* (delubrum, fanum).

Въ послѣдствіи времени церкви устроялись даже изъ храмовъ языческихъ, коль скоро сіи оказывались способными къ Богослуженію. Такъ въ Римѣ обращены въ цевкви Пантеонъ, храмъ Минервы, храмъ супружескаго Счастія, и многіе другіе.

Церкви находились подъ тщательнымъ присмотромъ, и содержались во всегдашней опрятности. Іеронимъ хвалитъ Священника Непотіана за таковую попечительность, сказывая, что въ его церкви жертвенникъ всегда чистъ, стѣны не закопчены, полъ выметенъ, ризница убрана, сосуды вычищены, и привратникъ безсходно стоитъ у дверей. Всѣмъ симъ завѣдывали нижніе служители церкви, извѣстные подъ именами дверниковъ, старостъ, сторожей, ключарей; само собою

разумѣется, что въ большихъ церквахъ, ихъ всегда имѣлось по—много. Изъ обряда руко-положенія, совершавшагося надъ дверниками, видно, въ чемъ состояла должность послѣднихъ. Они въ опредѣленные часы подавали знакъ къ собиранію на молитву, и слѣдовательно звонили въ колокола, когда сіи взошли въ употребленіе, т. е. въ седьмомъ вѣкѣ. Ихъ дѣло было отпирать церковь въ упомянутые часы, и стоять у дверей съ нѣмъ, чтобы не впустить туда кого изъ невѣрныхъ или отлученныхъ; они держали у себя ключи отъ церкви во всякое время, и смотрѣли, чтобы тамъ чего не пропало. Изъ Разговоровъ св. Григорія открывается, что старосты церковные имѣли попеченіе объ освѣщеніи церкви. На нихъ лежала обязанность украшать церковь, иногда шелковыми обоями или другими дорогими матеріями, иногда листьями и цвѣтами; вообще дѣлать сіе святое мѣсто способнымъ къ возбужденію благоговѣнія и Богомыслія.

Чувственное помогаетъ духовному.

Подлинно такъ. Хотя Религія Христіанская по существу своему есть нѣчто внут-

реннее и духовное, однакожъ Христіане, какъ люди, принимаютъ впечатлѣнія отъ чувствъ и воображенія. Можно даже сказать, что большая ихъ часть дѣйствуетъ и живетъ, руководствуясь токмо сими впечатлѣніями: ибо сколь мало людей посвящающихъ себя чисто духовнымъ занятіямъ, да и тѣ самые колькими препятствіями отъ оныхъ отвлекаются! И такъ благочестіе имѣетъ нужду въ чувственномъ подкрѣпленіи. Еслибы мы были Ангелы; то могли бы равно молиться на всякомъ мѣстѣ, на торжищѣ, на улицѣ, въ караульнѣ, въ трактирѣ, гдѣ угодно. Но мы имѣемъ чувства и воображеніе, кои раздражаются отъ малѣйшаго непріятнаго впечатлѣнія; посему можемъ ли спокойно стоять на такомъ мѣстѣ, которое насъ развлекаетъ, или возбуждаетъ къ себѣ отвращеніе? Не Богъ имѣетъ нужду въ храмахъ и молитвенныхъ домахъ, а мы. Онъ равно присутствуетъ на всякомъ мѣстѣ, и всегда готовъ внимать намъ: но мы не всегда способны съ Нимъ бесѣдовать. Такимъ образомъ безполезны храмы, имени Его посвященные, коль скоро они неспособны

вдыхать въ насъ благочестивыхъ и набожныхъ чувствованій.

Въ самомъ дѣлѣ вообразимъ себѣ церковь, построенную на столь невыгодномъ мѣстѣ, что въ ней слышится шумъ съ большой дороги или торжища, и столь нечистую, что входящіе не знаютъ, гдѣ стать и гдѣ преклонить колѣна; вообразимъ притомъ, что она набита народомъ, такъ что молящійся поминутно терпитъ толчки отъ проходящихъ, и безпрестанно развлекается то дѣтьми, то нищими всякаго рода; предположимъ, что глаза встрѣчаютъ тамъ одни непріятные предметы, стѣны закоптѣлыя, образа покрытые пылью, или какъ нибудь испорченные, и тому подобное; прибавимъ наконецъ, въ дополненіе къ вещамъ оскорбляющимъ чувства, отвратительный запахъ и розлящіе голоса, поющіе нелѣпый концертъ: не правда ли, что удобнѣе со вниманіемъ молиться на открытомъ полѣ, или въ уединенной горницѣ, нежели въ такой церкви? Будь напротивъ церковь хорошо выстроена, опрятна, спокойна, такъ чтобы каждый изъ присутствующихъ занималъ въ ней свое мѣсто, и благоустроенный клиръ совершалъ службу

съ отмѣннымъ благочиніемъ: тогда всякой расположенъ будетъ, со вниманіемъ слушать сію службу, и молиться сердцемъ въ одно время съ устами. (1 Кор. 14, 15.)

Епископы первыхъ вѣковъ на все сіе обращали строгое вниманіе. По глубокимъ ли познаніямъ о человѣческой природѣ, или по собственнымъ наблюденіямъ и опытамъ, они знали, что благоустройство, величіе и красота предметовъ внѣшнихъ возбуждаетъ естественнымъ образомъ мысли благородныя, чистыя и правильныя, а слѣдовательно таковыя же и чувствованія, кои раждаются изъ мыслей; и что напротивъ трудно душѣ заниматься хорошими предметами, когда чувства оскорбляются и воображеніе страждетъ. Понимая всю важность и необходимость благочестія, они старались способствовать ему всѣми средствами. Для сего хотѣли, чтобы Божественная служба, наипаче Литургія, отправляема была со всевозможнымъ великолѣпіемъ, и чтобы народъ, находившійся при совершеніи оной, пользовался всѣми удобствами; чтобы онъ любилъ мѣста Богослуженія, и питалъ къ нимъ глубокое уваженіе. При всемъ томъ однакожъ они

умѣли изгонять оттуда мірскую пышность, щегольство, и все то, чемъ изнѣживается сердце и пресыщаются чувства: ибо не ласкать чувственности они хотѣли, но давать ей хорошее направленіе. Все сіе лучше объяснится, когда сдѣлаемъ подробное описаніе Литургіи.

Чинъ Литургіи.

Литургія совершалась каждое воскресенье, и еще два раза въ недѣлю, т. е. въ среду и пятокъ, въ праздники мучениковъ, въ дни поста и въ другія времена, смотря по принятому обычаю каждой Церкви *). Кромѣ сего бывали Литургіи пѣтыя по обѣщанію отъ частнаго человѣка или цѣлаго общества. Въ воскресные и праздничные дни Литургія начиналась въ три часа, въ дни поста гораздо позже, для того, что въ семъ случаѣ пища принималась въ девять часовъ, то есть, вечеромъ. По наступленіи срочныхъ часовъ народъ собирался въ главную церковь, дабы оттуда итти съ Епископомъ и клиромъ на

*) Св. Епифан. Ерес. въ концѣ. Златоуст. Бесѣда 25 на Еван. Іоанна.

мѣсто избираемое для Богослуженія. Ибо Епископъ почередно служилъ то въ той, то въ другой церкви; и сіе-то хожденіе народа вмѣстѣ и въ порядкѣ было началомъ нынѣшнихъ церковныхъ ходовъ.

Между тѣмъ, какъ входили въ церковь и становились по мѣстамъ, пѣвцы пѣли Псаломъ двухорный, извѣстный доселѣ подъ именемъ входнаго. Діаконы и ихъ помощники, то есть, Иподіаконы и дверники, указывали каждому входившему мѣсто, для предотвращенія замѣшательства *). По занятіи мѣстъ, всѣ молились нѣсколько времени молча: потомъ Епископъ привѣтствовалъ народъ, и въ заключеніе привѣтствія произносилъ возвышеннымъ гласомъ молитву, которая отъ того называется *сборною*, поелику собираетъ обѣты отъ всѣхъ вѣрующихъ.

Епископъ за симъ садился на свой престолъ, который, находясь въ концѣ церкви, привлекалъ на себя взоры всего собранія. Здѣсь Пастырь являлся видимымъ образомъ Божества, и, говоря словами Апостола Павла, былъ образцемъ для своего стада, подобно какъ Іисусъ Христосъ былъ образцемъ

*) Постан. Апост. кн. 2, гл. 57.

для него самого. (1 Кор. 11, 1. 1 Тим. 4, 12. Тит. 1, 7.) Священники его окружали, сидя по правую и лѣвую сторону въ полукружіи свода; Діаконы около него стояли. Такимъ образомъ церковь удивительное сходство имѣла съ тѣмъ раемъ, который видѣлъ и описалъ св. Іоаннъ въ своемъ Апокалипсисѣ. (См. Апок. 5, 1. 4, 2. 4.) Наконецъ множество вѣрныхъ, наполнявшее всю церковь, уподоблялось тому несмѣтному числу блаженныхъ, кои въ бѣлыхъ одеждахъ и съ пальмовыми вѣтьвями въ рукахъ воспѣвали громкимъ гласомъ хваленія Богу. (Апок. 7, 9.) Таковъ былъ внутренній видъ церковныхъ собраній.

По занятіи каждымъ своего мѣста, чтецъ восходилъ на амвонъ, и читалъ сперва изъ Ветхаго, потомъ изъ Новаго Завѣта, то есть, Дѣянія и Посланія Апостольскія; ибо чтеніе Евангелія предоставлялось Священнику или Діакону. Дабы чтеніе сдѣлать болѣе занимательнымъ, и дать время народу на размышленіе, а чтецамъ на отдыхъ, чтеніе прерывалось пѣніемъ Псалмовъ, Антифоновъ и пѣснію Аллилуіа, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась предшественницею Евангелія. Сія

Писаніе читалось на языкѣ общенародномъ, то есть, такомъ, коимъ говорила большая часть жителей извѣстной страны.

Поелику же были страны населенныя разноязычными народами; то Церковь имѣла толмачей для истолкованія имъ Писанія. Мученикъ Прокопій исправлялъ сію должность въ Скиѳополѣ, Палестинскомъ городѣ, вмѣстѣ съ должностію чтеца и заклинателя; читанное на Греческомъ, онъ изъяснялъ на Сирійскомъ языкѣ, какъ природномъ для тамошнихъ жителей *). Иногда чтеніе производилось на двухъ языкахъ, какъ на пр. въ Церкви Римской, гдѣ послѣ чтенія на Латинскомъ языкѣ, читали то же на Греческомъ, по причинѣ множества восточныхъ жителей, тамъ пребывавшихъ. Во многихъ изъ восточныхъ Церквей доселѣ ведется сіе обыкновеніе; такъ на пр. прочитавъ Евангеліе на Сирійскомъ или Коптскомъ языкѣ, какъ древнѣйшемъ, читаютъ оное на Арабскомъ, который находится во всеобщемъ употребленіи. Въ монастырѣ св. Ѳеодосія, въ Палестинѣ, было при церкви, гдѣ Богослуженіе совершалось на разныхъ языкахъ.

*) Евсев. о Мученикахъ Палест. гл. 1.

Поученіе.

За чтеніемъ слѣдовало поученіе. Настоятель изъяснялъ или Евангеліе, или другую часть Св. Писанія; онъ бралъ часто цѣлую книгу, дабы изъяснять оную въ связи, иногда же избиралъ токмо нѣкоторые предметы, отличные по своей важности. Примѣры того и другаго рода поученій находятся въ бесѣдахъ и толкованіяхъ св. Василія Великаго, св. Амвросія, св. Іоанна Златоустаго, бл. Августина, и многихъ другихъ Отцевъ Церкви. Изъ сихъ древнихъ поученій видно, что порядокъ чтеній Писанія, и порядокъ празднествъ, установленныхъ въ память важнѣйшихъ событій земной жизни Іисуса Христа, былъ почти тотъ же, какой соблюдается нынѣ въ теченіе церковнаго года. Сохраненіемъ оныхъ поученій въ книгахъ потомство одолжено или самимъ Отцамъ Церкви, или скорописцамъ, кои записывали оныя во время сказыванія, помощію извѣстнаго древнимъ искусства.

Древніе проповѣдники слова Божія нимало не походили на пустарѣчивыхъ Софистовъ, кои препирались между собою въ

школахъ, изъ суетнаго желанія оспорить и осмѣять другъ друга, ниже на тѣхъ, кои писали дома, съ намѣреніемъ показать свѣту свое просвѣщеніе и свои таланты. Это были Пастыри, занятые безпрерывными дѣлами любви, между прочимъ и примиреніемъ враждующихъ. Они весьма часто проповѣдывали слово Божіе, почитая сію должность существенною для ихъ сана. Ибо въ первыхъ вѣкахъ Христіанства кромѣ Епископовъ не было почти никого, кто бы имѣлъ на сіе право. На востокѣ, правда, позволялось иногда проповѣдывать Священникамъ съ необыкновенными дарованіями, какъ на пр. Оригену; и на западѣ находимъ Феликса, который проповѣдывалъ въ Нолѣ, будучи еще Священникомъ: но сіи примѣры были столь рѣдки, что многіе св. Іоанна Златоустаго и бл. Августина считали первыми Священниками, получившими отъ Епископовъ право проповѣданія.

Нынѣшніе эстетики большую часть отеческихъ поученій находятъ далекою отъ понятія, составленнаго ими о церковномъ красноречіи. Сіи поученія, говорятъ, слишкомъ просты, необработанны, безъ плана, безъ

тонкихъ доказательствъ, безъ любопытныхъ изслѣдованій; нѣкоторыя вовсе безъ движенія, большая часть весьма кратки. Но при семъ должно вспомнить, что св. Епископы не занимались суетнымъ желаніемъ слыть Ораторами, и не заботились о сочиненіи рѣчей; они хотѣли говорить просто, такъ какъ говорятъ отцы съ своими дѣтьми, и наставники съ своими учениками. Отъ чего самыя поученія ихъ на греческомъ языкѣ назывались *Ομιλιαι*, на Латинскомъ Sermones, то есть, дружескіе разговоры. Они старались научить, изъясняя Писаніе, не критическимъ онаго разборомъ и учеными изысканіями, подобно какъ Грамматики изъясняли Гомера и Виргилія въ школахъ; но преданіемъ Отцевъ, направленнымъ къ укрѣпленію вѣры и созиданію нравовъ. Старались тронуть не посредствомъ страсте—возбудительныхъ фигуръ и сильнаго произношенія, но величіемъ самыхъ истинъ, ими проповѣдуемыхъ, важностію своего сана, святостію жизни и искреннимъ благорасположеніемъ. Часто они говорили безъ приготовленія; но, благодаря древнимъ скорописцамъ, и сіи изустныя поученія перешли въ потомство.

Слогъ Отеческихъ писаній былъ приспособляемъ къ понятію слушателей. Такъ поученія Августина отличаются простотою, краткостію и удобовразумительностію; потому что онъ сказывалъ оныя въ небольшомъ городкѣ матросамъ, земледѣльцамъ, купцамъ. Но въ его же спорныхъ сочиненіяхъ, особливо въ книгахъ противъ Юліана, видѣнъ глубокій знатокъ Реторики, обучавшійся сему искусству долгое время. Подобно сему св. Кипріанъ, св. Амвросій и св. Левъ, бывшіе проповѣдниками въ большихъ городахъ, показываютъ и въ сочиненіяхъ своихъ болѣе великолѣпія и болѣе блеска. Что же касается до особенностей ихъ слога; то онѣ происходятъ отъ особливаго свойства ихъ геніевъ, и отъ господствовавшаго вкуса ихъ времени. Ибо никакъ не должно приписывать предметамъ Вѣры тѣхъ недостатковъ, въ коихъ новѣйшіе словесники упрекаютъ Отцевъ Церкви, именно, что они писали нечистымъ (латинскимъ) языкомъ, приводили иногда слабыя доказательства, употребляли весьма легкія украшенія, съ трудомъ изысканныя аллегоріи, игру въ словахъ, риемы и т. п. Это были недостатки ихъ вѣка: еслибы

они жили во времена Цицерона, то и говорили бы его языкомъ.

Грековосточные Отцы по слогу ближе къ древнимъ классическимъ писателямъ: потому что на востокѣ языкъ менѣе былъ испорченъ, и долѣе удерживалось просвѣщеніе. Творенія сихъ Отцевъ соединяютъ силу съ пріятностію. Св. Григорій Назіанзенъ высокъ, и слогъ его чистъ; св. Іоаннъ Златоустъ есть совершенный образецъ церковнаго Витіи.

Онъ начинаетъ обыкновенно истолкованіемъ дневнаго мѣста Писанія, стихъ въ стихъ, держась всегда смысла ближайшаго къ словамъ и назидательнѣйшаго для нравовъ; оканчиваетъ нравственнымъ приложеніемъ, которое иногда не имѣетъ тѣсной связи съ предшествовавшимъ ученіемъ, но за то всегда приспособлено къ настоявшимъ нуждамъ слушателей, о которыхъ узнавалъ предварительно сей мудрый и бодрственный Пастырь. Извѣстно даже, что онъ нападалъ на пороки одинъ за другимъ, и не прежде преставалъ какой либо изъ нихъ поражать, какъ истребивъ его, или ощутительно обезсиливъ.

Поелику сіи проповѣдники не имѣли въ виду ни славы, ни другихъ временныхъ выгодъ: то единственною цѣлію ихъ поученій было обращеніе грѣшниковъ; и они ни во что вмѣняли свои труды, если не успѣвали произвести какой либо весьма значительной перемѣны въ нравахъ. Такъ бл. Августинъ рѣшился вывесть обыкновеніе давать въ праздники мучениковъ общій обѣдъ, бывшій для многихъ случаемъ къ невоздержанію; и, сколько закоренѣло ни было сіе обыкновеніе, онъ вывелъ оное, показавъ народу ясныя мѣста Писанія, въ коихъ осуждается чревоугодіе, и не преставая увѣщавать оный со слезами два дня сряду дотолѣ, пока не убѣдилъ его совершенно. Подлинно, высокое краснорѣчіе, какъ онъ самъ нѣгдѣ говоритъ *), есть не то, которое возбуждаетъ рукоплесканія, но которое налагаетъ молчаніе и извлекаетъ слезы.

Въ продолженіе сказыванія поученій церковь отверста была для всѣхъ, даже для невѣрныхъ; по сей-то причинѣ Отцы первыхъ вѣковъ въ поученіяхъ своихъ не излагали съ подробностію таинствъ вѣры, говорили о

*) Август. Христ. Ученіе, гл. 24.

нихъ прикровеннымъ образомъ, и дѣлали частыя обращенія къ язычникамъ, въ намѣреніи преклонить ихъ къ Христіанству. Во время сказыванія поученій слушающіе сидѣли порядкомъ, мущины на одной сторонѣ, женщины на другой *), а иногда, для большаго отдаленія, сіи послѣднія восходили на хоры; старѣйшіе изъ присутствовавшихъ занимали первыя мѣста, отцы и матери держали подлѣ себя дѣтей, впрочемъ только крещеныхъ; молодые люди слушали стоя, когда всѣ мѣста были заняты. Дѣло Діаконовъ въ семъ случаѣ было непрерывно смотрѣть за порядкомъ, стараться, чтобы каждый слушалъ со вниманіемъ, примѣчать, не дремлетъ ли кто, не смѣется ли, не шепчетъ ли на ухо, не даетъ ли какихъ знаковъ другому, словомъ, наблюдать повсюду тишину и благопристойность. Въ Африкѣ впрочемъ, и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, народъ стоя слушалъ всѣ наставленія, по свидѣтельству Августина; каковый обычай, какъ болѣе сообразный съ святостію мѣста, распространился вскорѣ и въ другихъ мѣстахъ. —

*) Пост. Апост. кн. 2. гл. 57.

IX.

О духовныхъ опытахъ.

Три пути къ познанію истины и къ увѣренности: разумъ, вѣра и опытъ. Разумъ въ основаніе своихъ изслѣдованій полагаетъ нѣкоторыя общія, всѣми принятыя и неоспоримыя положенія; онъ соединяетъ и сравниваетъ между собою извѣстныя истины, и изъ нихъ, чрезъ правильное послѣдованіе умозаключеній, выводитъ другія, которыя были или совсѣмъ ему неизвѣстны, или не довольно для него ясны; изслѣдываетъ первыя начала вещей, и изъ нихъ объясняетъ и доказываетъ оныя. Вѣра основывается на свидѣтельствѣ другихъ; она изслѣдываетъ повѣствованія, сообщаемыя ей о какомъ либо событіи, и достовѣрность свидѣтелей, сообщающихъ оныя; сравниваетъ различныя части повѣствованія между собою и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ должно было случиться повѣствуемое:—и если находитъ достаточную способность и искренность въ свидѣтеляхъ, и единство въ самомъ повѣствованіи; то признаетъ оное истин-

нымъ. Наконецъ опытъ доставляетъ намъ понятіе о предметахъ, чувствамъ нашимъ подлежащихъ, или о тѣхъ впечатлѣніяхъ и дѣйствіяхъ, которыя они производятъ на наше зрѣніе, слухъ и на другія какія либо чувственные органы; посредствомъ его мы замѣчаемъ также и внутреннія движенія и перемѣны, происходящія въ нашей душѣ или тѣлѣ, и такимъ образомъ научаемся судить какъ о естественномъ, такъ и духовномъ или нравственномъ состояніи нашемъ. И такъ, если мы хотимъ довести познаніе свое до возможнаго совершенства; то мы должны вступить на всѣ сіи различные пути къ познанію истины и къ увѣренности въ оной. Сіе полезно и необходимо не только въ отношеніи къ человѣческимъ познаніямъ, но и въ разсужденіи самой Религіи. Мы должны стараться, о каждой истинѣ, сколько позволяетъ ея свойство и наши собственныя обстоятельства, пріобрѣтать не только историческое, но и умственное и опытное познаніе. Чѣмъ многоразличнѣе имѣемъ мы доказательства вразсужденіи какой-либо вещи; тѣмъ большую можемъ имѣть увѣренность въ оной,

и тѣмъ совершеннѣе можемъ успокоиться на томъ. Конечно, въ Религіи есть такія истины, которыя мы уразумѣваемъ одною только вѣрою, и коихъ достовѣрность, по отношенію къ намъ, основывается на однихъ историческихъ началахъ. Впрочемъ большая часть истинъ и самой Религіи могутъ быть познаваемы и разумомъ и опытомъ; и въ семъ случаѣ мы, съ великою пользою, можемъ употреблять вмѣстѣ сіи различные способы къ познанію истины. Откровенная Религія преимущественно основывается на Исторіи и на свидѣтельствѣ такихъ людей, которые жили за нѣсколько вѣковъ до насъ. Сіи люди въ своихъ писаніяхъ повѣствуютъ намъ о плачевныхъ слѣдствіяхъ, которыя грѣхъ оставилъ по себѣ въ человѣческомъ родѣ, и о мудрыхъ учрежденіяхъ, которыя содѣлалъ Богъ къ улучшенію и возстановленію онаго. Они открываютъ намъ совѣтъ и волю Всевышняго; показываютъ намъ, какого служенія требуетъ отъ насъ Богъ, и какимъ образомъ можемъ мы содѣлаться участниками въ Его благости, и наслѣдниками блаженства вѣчнаго. Сіи повѣствованія столько важны, что мы не можемъ

принимать ихъ безъ изслѣдованія. Посему намъ должно изслѣдывать свойство и достовѣрность свидѣтелей, на достоинствѣ коихъ онѣ основываются, и чрезъ то увѣриться въ истинѣ оныхъ. Такимъ образомъ достигнемъ мы до познанія и увѣренности первымъ путемъ; такъ родится въ насъ вѣра. Но наше познаніе будетъ гораздо совершеннѣе, оно будетъ яснѣе и точнѣе, когда мы вступимъ на другой путь, и посовѣтуемся съ разумомъ. Хотя нашъ разумъ самъ собою никогда не могъ бы дойти до истинъ откровенной Религіи; впрочемъ, получивши о нихъ свѣдѣніе, онъ можетъ судить о нихъ. Многія изъ нихъ онъ можетъ выводить изъ первыхъ началъ человѣческаго познанія; можетъ показывать намъ многоразличную и тѣсную связь ихъ съ другими извѣстными истинами; можетъ уничтожать видимыя между ними противорѣчія, и доставлять намъ новыя доказательства ихъ вѣрности; можетъ наконецъ выводить изъ нихъ многія важныя и полезныя слѣдствія. Его согласіе дѣлаетъ сіи истины гораздо болѣе удобопріемлемыми, и наша увѣренность въ оныхъ становится чрезъ то гораздо несо-

мнѣніе. Но и здѣсь мы не должны еще останавливаться. Мы должны, и въ отношеніи къ самой Религіи, вступить еще на путь опыта, и собственнымъ нашимъ чувствомъ увѣриться въ истинѣ и превосходствѣ оной. Отъ сего опытнаго познанія Религіи зависитъ все; ибо ничто не можетъ замѣнить намъ онаго, и всѣ другіе роды познанія, не будучи соединены съ онымъ, не могутъ содѣлать насъ блаженными. Но въ семъ случаѣ мы должны быть весьма осторожны, дабы не обмануть самихъ себя, и не попасть на такіе пути, которые для насъ и для другихъ весьма опасны.

Дабы предостеречься намъ отъ таковыхъ путей, изложимъ сей предметъ нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онъ имѣетъ столь великое вліяніе на наше спокойствіе и блаженство, и сколько позволяетъ краткость времени, представимъ оный въ яснѣйшемъ свѣтѣ. Ибо Спаситель нашъ утверждаетъ, что опытное познаніе Его ученія есть самое дѣйствительное и вѣрное средство къ убѣжденію въ Его Божественности. Онъ говоритъ: *Аще кто хощетъ волю Его творити,*

разумѣетъ о ученіи, кое отъ Бога есть, или Азъ отъ Себе глаголю. Что другое внушаетъ Онъ намъ сими словами, какъ не сіе: если вы послѣдуете ученію, которое Я именемъ Божіимъ преподаю вамъ, и будете исполнять заповѣди Мои; то непремѣнно возчувствуете Божественную силу оныхъ, содѣлаетесь лучшими, и опытомъ дознаете, что мое ученіе имѣетъ небесное происхожденіе, и что Я говорю вамъ, не какъ простый какой-либо учитель, но какъ Посланникъ Бога Вышняго. Такимъ образомъ Спаситель нашъ сими словами утверждаетъ, что можно пріобрѣсть опытное познаніе о истинѣ Религіи, и что это есть самое лучшее средство къ совершенному удостовѣренію въ оной. Но въ семъ случаѣ мы должны быть весьма осторожны, дабы не обмануть самихъ себя, и не попасть на такіе пути, кои для насъ и для другихъ весьма опасны. Для сего разсмотримъ природу и качество сихъ духовныхъ опытовъ, и вмѣстѣ замѣтимъ нѣкоторыя главныя правила, коими должно руководствоваться при сужденіи объ оныхъ, и кои могутъ предохранить насъ отъ обыкновенныхъ заблужденій.

Выраженіе, *духовный опытъ*, большею частію употребляютъ въ весьма неопредѣленномъ смыслѣ; и тѣ, кои особенно славятся онымъ, часто имѣютъ о немъ самое темное и ложное понятіе. Они усвояютъ сіе названіе каждому, нѣсколько сильному чувствованію, каждому необыкновенному движенію крови, не обращая вниманія на ихъ источники. Они смѣшиваютъ всегда опытъ съ мечтою, и на самыя естественныя перемѣны, происходящія въ душѣ или тѣлѣ ихъ, часто смотрятъ, какъ на нѣчто необычайное. Если они должны бываютъ изъяснять свои опыты, или показать образъ ихъ происхожденія; то стараются въ семъ случаѣ помочь себѣ тѣмъ, что все сіе выдаютъ за непостижимое. Но еслибы они гораздо лучше знали собственную свою природу, и образъ взаимнаго дѣйствія души на тѣло и тѣла на душу; то непостижимое, которому они и другіе удивляются, очень много потеряло бы своей сокровенности, и они получили бы ясное понятіе о томъ, что почитаютъ совершенною тайною. Когда мы въ обыкновенной жизни говоримъ объ опытахъ: то каждый, разумѣющій языкъ, понимаетъ,

что́ мы хотимъ сказать чрезъ сіе; именно, симъ словомъ мы означаемъ то, что мы ощущаемъ дѣйствія нѣкоторыхъ вещей, и сознаемъ оныя. Такъ на пр. испытываемъ мы теплоту солнца, состояніе воздуха, силу вѣтра и проч., то есть ощущаемъ ихъ дѣйствія на насъ, и перемѣны, производимыя ими въ нашемъ тѣлѣ, и сознаемъ оныя. Приложимъ сіе и къ духовнымъ опытамъ,—и мы получимъ ясное и правильное о нихъ понятіе. Что́ они другое суть, какъ не чувствованія благотворныхъ на насъ дѣйствій Религіи и счастливыхъ перемѣнъ, производимыхъ ею въ нашихъ мысляхъ, сужденіяхъ, склонностяхъ, поступкахъ и удовольствіяхъ? Сіе понятіе ясно. Оно согласно съ природою души нашей: и если мы внимательно разсмотримъ то, что называемъ духовными опытами, то увѣримся, что мы не иначе можемъ объяснить оные. Скажемъ яснѣе. Догматы Религіи имѣютъ не одну только силу просвѣщать, но также трогать и убѣждать. Они должны улучшать не только нашъ разумъ, но и волю; должны очищать наше сердце, опредѣлять наши намѣренія и желанія, и побуждать насъ къ добрымъ и благимъ предпріятіямъ.

Если они производятъ въ насъ сіи дѣйствія; то наше познаніе дѣлается живымъ, или, что тоже, мы получаемъ опытное познаніе о силѣ догматовъ Религіи. Нѣкоторые примѣры могутъ объяснить сіе лучше. — Представимъ себѣ, что какой-либо благочестивый Христіанинъ размышляетъ о милосердіи Божіемъ къ грѣшникамъ; съ благоговѣйною внимательностію шествуетъ по мудрымъ и благимъ путямъ, которые Всевышній избралъ ко спасенію и возстановленію людей своихъ; удивляется величію любви Его, открывающейся въ оныхъ, и прилагаетъ сіе къ самому себѣ. И меня недостойнаго, думаетъ онъ, возлюбилъ Богъ; и на мнѣ явилъ милосердіе свое. Сія мысль трогаетъ его и исполняетъ сердце его искреннѣйшею взаимною любовію къ его небесному Благодѣтелю. Такимъ образомъ онъ получаетъ опытное познаніе о силѣ того, что внушаетъ намъ Религія касательно любви Божіей. Почему? Потому что онъ чувствуетъ благодѣтельныя дѣйствія, которыя производитъ въ немъ представленіе оной, и тѣмъ побуждается къ благочестивымъ предпріятіямъ.

Такого же свойства и другіе догматы Религіи. Такъ, если размышленіе о гнусности и гибельныхъ послѣдствіяхъ грѣха, и о величайшемъ къ нему неблаговоленіи Божіемъ, возбуждаетъ въ насъ сильное отвращеніе ко всему худому; если, напротивъ, размышленіе объ изяществѣ и красотѣ добродѣтели, о справедливости и превосходствѣ законовъ Божескихъ, и о великихъ обязанностяхъ нашихъ къ Творцу и Искупителю нашему, раждаетъ въ душѣ нашей сильную наклонность ко всему доброму: то мы испытываемъ спасительную силу сихъ догматовъ. Если размышленіе о премудрости, всемогуществѣ и благости Бога, о святомъ и праведномъ Его правленіи, о Его отеческомъ попеченіи о добродѣтельныхъ, о свойствѣ и назначеніи настоящаго состоянія нашего, и о связи его съ будущимъ вѣчнымъ бытіемъ, облегчаетъ наши скорби, успокоиваетъ наше сердце, дѣлаетъ насъ терпѣливыми и твердыми въ несчастіи, и раждаетъ въ насъ упованіе на помощь Господа: то мы пріятнымъ опытомъ дознаемъ силу таковыхъ побужденій къ утѣшенію, чувствуемъ всю силу подкрѣпленія, которое Религія достав-

ляетъ несчастному. Слѣдственно духовные опыты вообще суть не что другое, какъ сознаніе спасительныхъ дѣйствій, которыя производятъ въ насъ созерцательныя, нравственныя и утѣшительныя истины Религіи. Дѣйствія же сіи раждаются отъ двухъ причинъ: *вопервыхъ* отъ естественной и собственной силы Религіи; *вовторыхъ* отъ особеннаго содѣйствія Духа Божія.

Догматы Религіи сами въ себѣ имѣютъ естественную силу, трогать и убѣждать своихъ исповѣдниковъ, и давать то или другое направленіе ихъ поведенію. Сію силу они имѣютъ обще со всѣми другими истинами. Какъ скоро мы о какой-либо важной истинѣ пріобрѣтаемъ ясное, правильное, вѣрное и живое познаніе; то въ то же время она дѣлаетъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе и на наше сердце, производитъ въ насъ радость или печаль, надежду или страхъ, удовольствіе или непріятность, и побуждаетъ насъ поступать сообразно съ пріобрѣтенными нами познаніями. Но поелику догматы Религіи по существу своему гораздо выше и важнѣе всѣхъ другихъ истинъ; поелику они находятся въ тѣснѣйшей свя-

зи съ настоящимъ и будущимъ блаженствомъ нашимъ, и поелику достоинство и важность ихъ основывается на Божественномъ откровеніи: то они естественно должны имѣть и гораздо большую силу—дѣйствовать на нашу волю; ибо невозможно, ясно и живо понимать ихъ, прилагать ихъ къ самимъ себѣ, и вмѣстѣ не чувствовать живости въ своихъ желаніяхъ и отвращеніяхъ (склонностяхъ и несклонностяхъ), и побужденія—слѣдовать своему знанію и поставлять оное правиломъ своей дѣятельности.

Но сія естественная сила догматовъ Религіи увеличивается еще и особеннымъ содѣйствіемъ Бога, которое оказываетъ Онъ намъ для нравственнаго нашего улучшенія и для исполненія нашихъ обязанностей. Св. Писаніе научаетъ насъ, что Богъ часто ощутительнымъ образомъ дѣйствуетъ на сердца людей, и мудрыми путями провидѣнія своего приводитъ ихъ въ такое состояніе, что истина можетъ открываться въ нихъ во всей своей силѣ. Сіе особенно бываетъ въ началѣ обращенія. Тогда Духъ Господень посредствомъ слова своего, посред-

ствомъ нѣкоторыхъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, въ которыя поставляется человѣкъ, или другимъ какимъ либо неизвѣстнымъ для насъ образомъ, истребляетъ глубоко укоренившіеся предразсудки грѣшника касательно его служенія и истиннаго благочестія, и чрезъ то уничтожаетъ препятствія, которыя доселѣ удерживали его отъ любви къ истинѣ и повиновенія оной. Мы должны также и въ другихъ важныхъ случаяхъ, которыхъ впрочемъ съ точностію опредѣлить не можемъ, надѣяться особеннаго содѣйствія Существа Всевышняго и вообще вѣрить, что Духъ Божій каждому истинному Христіанину всегда содѣйствуетъ сверхъ-естественнымъ образомъ, какъ скоро обыкновенныя средства ко спасенію бываютъ недостаточны къ поддержанію колеблющейся его вѣры и ослабѣвающей добродѣтели.

И такъ, если и естественныя наши способности, и собственная сила догматовъ Религіи, и особенныя дѣйствія Святаго Духа соединяются къ произведенію въ насъ того, что мы называемъ духовными опытами: то неудивительно, что мы весьма часто ошибаемся, когда должны бываемъ показать

существенную причину тѣхъ или другихъ чувствованій и перемѣнъ, происходящихъ въ насъ. Мы не знаемъ ни образа дѣйствованія души, ни образа дѣйствованія Божія въ такой точности, чтобы во всѣхъ случаяхъ могли различить ихъ между собою, и достаточнымъ образомъ объяснить оныя. Впрочемъ мы предохранимъ себя отъ многихъ заблужденій, правильнѣе будемъ судить о нравственномъ своемъ состояніи, и весьма много облегчимъ для себя упражненіе въ дѣлахъ Религіи, если возмемъ во вниманіе слѣдующія замѣчанія и правила.

1. Мы должны не каждое доброе движеніе въ насъ считать за особенное дѣйствіе Святаго Духа. Правда, Богъ есть все во всемъ; Его содѣйствію всѣ творенія обязаны продолженіемъ бытія своего и своей жизни. Его промыслъ простирается какъ на духъ, такъ и на тѣло наше. Онъ поддерживаетъ всемогущею своею волею силы души нашей, возвышаетъ и укрѣпляетъ оныя, когда и какъ Ему угодно. Отъ Него мы зависимъ во всемъ, и безъ Него ничего не можемъ дѣлать. Но не дѣйствуетъ непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ обыкновенныя средства бы-

ваютъ достаточны; безъ важныхъ причинъ Онъ не производитъ ни одного чуда. Онъ поступаетъ съ нами не какъ съ машинами, которыя требуютъ всегда посторонней силы, какъ скоро должны притти въ соотвѣтственное своему назначенію движеніе, но какъ съ существами разумными,—хочетъ, чтобы мы употребляли дарованные намъ отъ Него способности. Посему кто каждую, нѣсколько живую мысль, каждое нѣсколько сильное чувствованіе, которое раждается въ чувствительномъ сердцѣ при размышленіи о важныхъ истинахъ, почитаетъ слѣдствіемъ непосредственнаго Божескаго вліянія; тотъ ясно показываетъ симъ, что онъ не знаетъ природы души человѣческой, привыкъ считать непостижимыми таинствами то, что можно изъяснить изъ причинъ естественныхъ, и защищаетъ фанатическія положенія. Конечно мы должны, какъ мы уже замѣтили, за каждую добрую мысль, за каждое доброе дѣло наше благодарить Бога, какъ Отца свѣта, отъ коего первоначально нисходятъ всѣ благіе дары: но мы не оказываемъ должнаго уваженія Святому Духу, подвергаемъ сомнѣнію наше благочестіе, и пре-

зрѣнію самую Религію, если всѣ движенія въ нашемъ сердцѣ, которыя нерѣдко бываютъ довольно безпорядочны, и происходятъ изъ нечистыхъ источниковъ, приписываемъ Ему. Сіе ложное понятіе было поводомъ ко многимъ заблужденіямъ между Христіанами: Ослѣпленный онымъ во всѣхъ своихъ познаніяхъ, предпріятіяхъ и поступкахъ усматриваетъ гораздо большее и важнѣйшее, нежели сколько дѣйствительно они имѣютъ въ себѣ: и обыкновенно таковые люди усвояютъ себѣ нѣкоторый родъ непогрѣшительности; по крайней мѣрѣ, не могутъ терпѣть прекословія. Они думаютъ, что они никакъ не могутъ заблуждать, слѣдуя внутреннимъ своимъ побужденіямъ, и одно, *такъ мнѣ кажется,* гораздо болѣе у нихъ значитъ, нежели всѣ доказательства.

2. Мы должны вліяніе тѣлеснаго нашего сложенія и внѣшнихъ обстоятельствъ на благочестивыя наши упражненія и на нравственное состояніе наше тщательно отличать отъ дѣйствій Религіи и Святаго Духа, и не почитать онаго особенными духовными опытами. Мы знаемъ, что душа наша тѣснѣйшимъ образомъ соединена съ нашимъ

тѣломъ, такъ что каждая ощутительная перемѣна, происходящая въ тѣлѣ, необходимо производитъ подобную себѣ и въ душѣ. Когда всѣ члены нашего тѣла здоровы; когда смѣщеніе и движеніе соковъ происходитъ надлежащимъ образомъ; когда мы не чувствуемъ въ себѣ ни болѣзни, ни слабости: тогда духъ нашъ бываетъ способенъ къ исправленію должностей своихъ, можетъ свободно дѣйствовать, и мы безъ всякаго напряженія можемъ правильно, основательно и прекрасно мыслить. Тогда умъ нашъ управляетъ всѣми низшими способностями души нашей, и мы представляемъ себѣ истину, хотя въ ясномъ свѣтѣ, но безъ движенія сильныхъ страстей. Напротивъ когда безпорядочныя и необычайныя перемѣны открываются въ нашемъ тѣлѣ: тогда измѣняется вмѣстѣ и образъ нашего мышленія, и душа наша начинаетъ дѣйствовать уже не такъ правильно, какъ она обыкновенно дѣйствуетъ. Если на прим. чувства наши получаютъ впечатлѣніе отъ пріятныхъ предметовъ; если мы находимся въ какомъ—либо прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ вся природа открывается во всемъ своемъ величіи, и гдѣ всѣ творенія на-

слаждаются веселіемъ; если наконецъ сердце наше настроивается исполненными чувствованій гармоническими тонами: то наши соки переливаются гораздо скорѣе, наша радость непрестанно увеличивается, наши мысли слѣдуютъ одна за другою быстрѣе, и становятся живѣе; и если мы размышляемъ тогда о высокихъ догматахъ Религіи, то чувствуемое нами отъ того удовольствіе естественно должно быть чрезвычайно велико, и часто, по истинѣ, бываетъ восхитительно. Напротивъ, если наше тѣло находится въ разстройствѣ; если соки его застаиваются, кровь медленно течетъ въ жилахъ, сосудцы вялы и слабы: то и дѣйствія души нашей бываютъ соотвѣтственны сему состоянію нашего тѣла. Мы съ трудомъ можемъ тогда правильно и твердо мыслить; наши мысли медленно слѣдуютъ одна за другою и непрестанно прерываются; онѣ всегда имѣютъ въ себѣ нѣчто мрачное, и мы тщетно стараемся содѣлать понятія свои столько ясными и живыми, каковыми онѣ были бы при другомъ состояніи тѣла. Самыя высочайшія и важнѣйшія истины мало дѣлаютъ на насъ впечатлѣнія. То-

гда, слушая или читая какія — либо превосходныя сочиненія, мы остаемся почти нечувствительными и равнодушными; убѣгаемъ радостей и предаемся обладающему нами унынію. То же почти можно сказать и о внѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ. Если мы провождаемъ необремененную заботами, тихую и спокойную жизнь, и можемъ наслаждаться удовольствіемъ дружества и пріятнымъ обращеніемъ: то, безъ сомнѣнія, наши мысли текутъ свободнѣе, наши чувствованія бываютъ радостнѣе, и мы съ гораздо большею пріятностію и удовольствіемъ занимаемся и самою Религіею, нежели въ то время, когда бы заботы о пропитаніи угнетали насъ, когда бы мы находились въ низкомъ и тягостномъ состояніи, когда бы несчастія непрестанно одно за другимъ преслѣдовали насъ, или когда бы мы принуждены были обращаться большею частію съ печальными и унылыми людьми. Такъ велико вліяніе тѣлеснаго сложенія и внѣшняго состоянія нашего на дѣйствія души нашей! Не впадемъ ли же мы въ заблужденіе, если на сіи столь естественныя и столь удобоизъяснимыя перемѣны будемъ смотрѣть

какъ на сверхъ-естественныя приключенія? Не обманемъ ли мы самихъ себя, если оныя живыя мысли и радостныя чувствованія будемъ почитать непосредственными утѣшеніями Господа, или небесными восхищеніями? Не напрасно ли будемъ безпокоиться, когда равнодушіе и уныніе, которыя въ тѣлесномъ разстройствѣ имѣютъ свое основаніе, будемъ почитать дѣйствіемъ оставленія Божія и признакомъ Его къ намъ неблаговоленія и гнѣва?

3. Столь же мало должны мы нѣкоторый особенный степень живости чувствованій считать существенною частію духовныхъ опытовъ. Это постыдный предразсудокъ многихъ Христіанъ, о которыхъ впрочемъ не льзя сказать, чтобы они не имѣли прямой любви къ добру. Они слишкомъ много мечтаютъ о плотскихъ и сильныхъ чувствованіяхъ, и думаютъ, что тайныя благочестивыя занятія ихъ не могутъ должнымъ образомъ совершаться безъ оныхъ. Чтобы душевное состояніе ихъ могло быть пріятнымъ для нихъ: то ихъ сѣтованіе о грѣхахъ должно быть соединено съ горячими слезами; ихъ радость о Богѣ и своемъ спасеніи

должна быть восхитительна; ихъ желаніе блаженства вѣчнаго совершенно должно быть пламенно. Разумное отвращеніе отъ всего худаго и ненависть къ оному, добровольное и съ разсужденіемъ предпринятое намѣреніе, служить Богу и добродѣтели, тихое успокоеніе въ совершенствахъ и мудромъ провидѣніи Всевышняго, и, наконецъ, исполненное надежды ожиданіе будущей славы для нихъ недостаточны. Чтобы служеніе ихъ Богу могло быть удовлетворительнымъ для нихъ; то ихъ кровь должна участвовать въ ономъ, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и разумный духъ, если только не болѣе онаго. Какихъ тщетныхъ усилій не употребляютъ часто таковые люди къ возбужденію въ себѣ оныхъ плотскихъ и сильныхъ чувствованій? Какъ озабочены, безпокойны и унылы бываютъ они, когда не могутъ ихъ довести до той степени живости, которой они стараются достигнуть, и которую нерѣдко почитаютъ совершенно необходимою? Такъ иной благочестивый, но простый, маловѣдующій Христіанинъ молится на прим. въ своемъ уединеніи; онъ смиряется предъ Богомъ по причинѣ многоразличныхъ грѣховъ

своихъ, познаетъ несообразное съ закономъ и постыдное поведеніе свое, чувствуетъ мерзость заблужденій и грѣховъ своихъ, и взываетъ ко Господу о помилованіи и прощеніи. Грѣхъ становится для него больше всего несноснымъ; онъ ничего болѣе не желаетъ, какъ содѣлаться свободнымъ и чистымъ отъ него; принимаетъ твердое намѣреніе, не ходить болѣе во слѣдъ похотей своихъ, но жить праведно, и всѣмъ сердцемъ рѣшается, охотно и вѣрно исполнять всѣ заповѣди Божіи. Такимъ образомъ онъ имѣетъ разумное и правильное опытное познаніе о силѣ, которую имѣютъ въ себѣ догматы Религіи— возбуждать въ своихъ исповѣдникахъ покаяніе и вооружать ихъ протиbу зла; и онъ справедливо могъ бы успокоиться симъ и съ веселымъ духомъ помышлять о исполненіи благочестиваго своего намѣренія. Но онъ слишкомъ привыкъ къ чувственнымъ представленіямъ и ощущеніямъ, и потому не можетъ довольствоваться онымъ. Онъ не почувствовалъ во время молитвы своей сильной скорби о грѣхахъ своихъ, не ощутилъ ужасовъ ада, слезы не текли по его желанію, увѣренность въ своемъ помилованіи не

была для него столько ощутительна и трогательна, как это случалось съ нимъ въ другія времена и въ другихъ обстоятельствахъ. Все сіе приводитъ его въ сомнѣніе; онъ сокрушается о жестокомъ и безчувственномъ своемъ сердцѣ, жалуется на плачевное удаленіе свое отъ Бога, оставляетъ прежнія благочестивыя упражненія свои, и думаетъ, что Богъ отвратилъ отъ него лице свое, и совершенно оставилъ его. Сіи мысли повергаютъ его въ чрезвычайное недоумѣніе; и благія дѣйствія, произведенныя въ немъ Религіею, по крайней мѣрѣ на долгое время, остаются безплодными. Мучительныя заботы и скорби овладѣваютъ всею его душею; и онъ не прежде возвращаетъ себѣ спокойствіе, какъ ежели случится ему возбудить въ себѣ слезы, плотскія чувствованія и сильныя движенія, которыя онъ доселѣ тщетно старался возбудить въ себѣ. Тогда только, по его мнѣнію, испытываетъ онъ горечь грѣха; тогда вкушаетъ онъ миръ съ Богомъ и утѣшеніе помилованія; тогда онъ бываетъ въ такомъ состояніи, какъбы слышалъ самого Бога говорящимъ къ нему: *Отпущаются тебѣ грѣхи твои.* Но сколь мно-

го погрѣшительнаго въ семъ поведеніи? Составляютъ ли какую либо важность въ Религіи плотскія чувствованія и быстрое или медленное движеніе крови и жизненныхъ соковъ? Не ясныя ли и правильныя понятія, не добровольная ли и постоянная рѣшимость и усердное стараніе, поступать по ея заповѣдямъ, составляютъ главнѣйшую часть ея? Не въ духѣ ли и истинѣ должны мы покланяться Богу? Не есть ли Богослуженіе Христіанъ Богослуженіе разумное? Должны ли мы спокойствіе, довольство и надежду свою утверждать на такихъ вещахъ, которыя зависятъ не отъ насъ, но отъ перемѣнчиваго свойства нашего тѣла, нашего здоровья, внѣшнихъ нашихъ обстоятельствъ, и часто даже отъ случая. Должны ли мы исполненіе своихъ обязанностей, безъ всякой нужды, дѣлать для себя скучнымъ и тягостнымъ, и чрезъ то препятствовать своему возрастанію въ благочестіи. Должны ли мы жить во всегдашнемъ сомнѣніи и безпокойствѣ, и никогда не наслаждаться тѣмъ пріятнымъ спокойствіемъ, какое истинная добродѣтель доставляетъ послѣдователямъ своимъ? Нѣтъ! Чѣмъ разумнѣе, безмятежнѣе и спокойнѣе

наши испытанія силы Религіи, и чѣмъ менѣе примѣшено бываетъ къ нимъ чувственнаго и случайнаго; тѣмъ онѣ вѣрнѣе и лучше.

4. Мы не должны ни собственныхъ опытовъ и чувствованій поставлять правиломъ для другихъ, ни опытовъ и чувствованій другихъ поставлять для себя закономъ. Дѣйствія, производимыя догматами Религіи въ различныхъ людяхъ, бываютъ, какъ уже изъ предъидущаго видѣть можно, по различію ихъ темперамента, ихъ познаній и другихъ обстоятельствъ, хотя не въ существѣ своемъ, по крайней мѣрѣ въ степени и качествѣ, различны. Въ одномъ онѣ живѣе и чувственнѣе; въ другомъ разумнѣе и духовнѣе. Многіе отъ природы имѣютъ мягкое и чувствительное сердце; каждая вещь чрезвычайно трогаетъ ихъ; ихъ чувства и воображеніе всегда бываютъ живы и дѣятельны. Все сіе имѣетъ великое вліяніе на всѣ поступки ихъ. Размышляютъ ли они о грѣхахъ и заблужденіяхъ своихъ? скорбь проникаетъ всю душу ихъ, и открывается въ горячайшихъ слезахъ. Представляютъ ли они себѣ благость Божію, любовь Искупителя, блаженство небесное? они какъбы теряются

въ пріятнѣйшемъ изумленіи, и радость ихъ увеличивается до восхищенія. Но не обманываются ли таковые Христіане, если воображаютъ себѣ, что степень ихъ сѣтованія и радости есть общій и существенный признакъ истиннаго Христіанства? Не опрометчиво ли поступаютъ они въ своихъ сужденіяхъ, когда всѣхъ тѣхъ почитаютъ необращенными и порочными, кои въ семъ отношеніи не могутъ быть подобны имъ? Мы никогда не должны дѣлать такого заключенія: „Что чувствуемъ или испытываемъ мы, то самое должны чувствовать, такимъ же образомъ и въ такой же степени, всѣ, желающіе быть истинными чтителями Бога и Іисуса Христа."—Столь же мало должны мы и опыты другихъ поставлять для себя образцемъ подражанія. Многіе изъ истинныхъ Христіанъ, не соблюдая сего правила, подвергаются великимъ затрудненіямъ. Они читаютъ или слышатъ, что тотъ или другой Святый во время покаянія своего находился въ глубокой и непрерывной печали, чувствовалъ необыкновенную скорбь, долгое время былъ безутѣшнымъ, день и ночь плакалъ о грѣхахъ своихъ,—и тому подобное.

По недостаточности свѣдѣній своихъ, они думаютъ, что сіе составляетъ необходимую принадлежность истиннаго покаянія, и что и имъ должно то же испытать, дабы обращеніе ихъ было истинное. Посему они мучатъ себя дотолѣ, пока совершенно, вопреки своей природѣ, не сравняются съ предположеннымъ образцемъ своимъ. Но заслуживаютъ ли таковыя вынужденныя и неестественныя чувствованія названіе духовныхъ и Божественныхъ опытовъ силы Религіи? Можно ли думать, чтобы сіи усилія пріятны были Творцу нашей природы, который требуетъ отъ насъ одного добровольнаго служенія и повиновенія Себѣ? Совсѣмъ нѣтъ! Хотя Онъ снисходитъ симъ слабостямъ; но онѣ несогласны съ Его волею, противны Его намѣреніямъ, и человѣку служатъ только во вредъ.

Наконецъ при сихъ духовныхъ опытахъ мы никогда не должны забывать о образованіи нашего разума и употребленіи ума. Это общая погрѣшность многихъ Христіанъ. Они столько бываютъ заняты возбужденіемъ въ себѣ плотскихъ чувствованій, и достиженіемъ того, что, часто лож-

но, называется у нихъ духовными опытами; что ни мало не заботятся о образованіи и усовершенствованіи благороднѣйшей части существа своего—разумнаго своего духа. Они предпочитаютъ сильныя вліянія крови тихимъ дѣйствіямъ разума, и бываютъ, кажется, погружены въ одно только чувство. Посему ихъ познаніе, большею частію, бываетъ темно и недостаточно; умноженіе и усовершенствованіе онаго они почитаютъ совершенно постороннимъ дѣломъ. Ихъ чувствованія должны вознаграждать весь вредъ, происходящій отъ невѣжества и заблужденія; они думаютъ имѣть въ нихъ вѣрнѣйшихъ своихъ руководителей. Даже они презираютъ разумъ, и боятся пользоваться его внушеніями и свѣтомъ. Таковое расположеніе духа есть прямой путь къ фанатизму и ко всѣмъ безпорядкамъ, къ которымъ онъ ведетъ людей. Оставляя употребленіе разума, мы непрестанно находимся въ опасности, быть обманутыми собственнымъ сердцемъ своимъ. Опытъ и мечта весьма близки другъ къ другу: какъ же мы различимъ ихъ между собою безъ пособія и руководства просвѣщеннаго и опытнаго разсудка? И что будетъ вся

наша Религія и добродѣтель, когда она не основывается на познаніи и увѣренности? Можемъ ли мы быть свободны отъ суевѣрія, дѣйствуя по однимъ только побужденіямъ, а не по началамъ? Безъ сомнѣнія, чѣмъ яснѣе наше познаніе и чѣмъ правильнѣе и основательнѣе научаемся мы мыслить: тѣмъ спокойнѣе и порядочнѣе бываютъ и наши чувствованія, и тѣмъ разумнѣе и единообразнѣе и духовные наши опыты. Сіе же самое приближаетъ насъ и къ совершенству; доставляетъ истинное достоинство нашему Богослуженію и нашей добродѣтели; дѣлаетъ наше поведеніе согласнымъ съ самимъ собою, и мы дѣлаемся чрезъ то мало по малу способными къ тѣмъ чистымъ и высокимъ благочестивымъ упражненіямъ, которыми занимаются небожители.

Вотъ главныя правила, кои мы вразсужденіи духовныхъ опытовъ наблюдать должны, если только хотимъ избѣжать суевѣрія и фанатизма. Но изъ сего не должно однакожъ выводить такого ложнаго заключенія, будто все, что говорятъ о духовныхъ опытахъ, есть одна только мечта, и что одного простаго познанія Религіи достаточно къ

блаженству. Нѣтъ, тотъ не истинный Христіанинъ, кто не познаетъ опытомъ Божественной силы исповѣдуемаго имъ Ученія, и во всей своей жизни не обнаруживаетъ плодовъ онаго. Дабы наше познаніе, Христіане, могло содѣлать насъ блаженными, оно должно быть живое,—должно умѣрять наши желанія благъ земныхъ, очищать наше сердце, и всѣ наши склонности обращать къ благамъ достойнѣйшимъ; должно измѣнять, обновлять, улучшать насъ и управлять всѣми нашими дѣйствіями. Испытаемъ себя по симъ признакамъ, и не будемъ успокоиваться на внѣшнихъ преимуществахъ и признакахъ Христіанъ. Если мы можемъ размышлять о грѣхѣ безъ ненависти и отвращенія, о добродѣтели и благочестіи — безъ уваженія и любви, о благости Творца и Искупителя— —безъ удивленія и благодарности, о радостяхъ небесныхъ — безъ сильнаго желанія оныхъ; если все сіе очень мало имѣетъ вліянія на наши предпріятія и дѣйствія: то мы принадлежимъ къ лицемѣрамъ, которые дѣлами отвергаютъ то, что исповѣдуютъ устами. И если хотимъ избѣжать плачевной участи, ожидающей таковыхъ въ вѣ-

ности; то откроемъ сердца наши спасительнымъ дѣйствіямъ Божественной Религіи. Будемъ исполнять всѣ ея заповѣди, и истину вѣры нашей—доказывать постояннымъ упражненіемъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ. При таковыхъ занятіяхъ нашихъ станемъ взывать ко Господу о всесильной Его помощи, и тщательно остерегаться, дерзкимъ сопротивленіемъ своимъ оскорблять Духа благодати. Тогда мы уразумѣемъ, какъ говоритъ Спаситель нашъ, что Его ученіе отъ Бога есть, дознаемъ опытомъ, что оно имѣетъ силу, истинныхъ исповѣдниковъ своихъ дѣлать добродѣтельными, святыми, спокойными, веселыми и блаженными. Оно подкрѣпитъ насъ во всѣхъ искушеніяхъ нашихъ, и утѣшитъ во всѣхъ несчастіяхъ. Оно не оставитъ насъ и при самой смерти; и мы нѣкогда достигнемъ дѣйствительнаго наслажденія тѣмъ великимъ блаженствомъ, которое оно обѣщаетъ намъ.

X.

ЧАСЪ ИСКУШЕНІЯ.

Единъ Богъ совершенъ, безгрѣшенъ, святъ. Смертный, находясь въ непрестанной борьбѣ съ своими склонностями и похотѣніями, ежедневно подверженъ опасности грѣха. Но онъ долженъ стараться быть совершенъ, какъ совершенъ Отецъ его Небесный. (Матѳ. 5, 48.)

Вся жизнь человѣческая есть борьба души съ несовершенствомъ; но чѣмъ болѣе она борется, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ силы къ одолѣнію, тѣмъ достойнѣе дѣлается своего бытія и безсмертія.

Въ каждомъ изъ насъ есть влеченіе къ грѣху; оно находится въ нашей плоти и крови, въ нашемъ темпераментѣ, въ нашихъ чувственныхъ склонностяхъ, въ нашихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Но въ каждомъ изъ насъ есть также влеченіе къ добродѣтели, къ святости; оно находится въ нашемъ разумѣ, въ нашемъ познаніи Высочайшаго Существа, и особенно въ томъ, что *любы Бо-*

жія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. (Рим. 5, 5.)

Но плоть и кровь обратятся нѣкогда въ прахъ; одна душа вѣчна, и переходитъ за гробъ, для высшаго назначенія. То, что́ во мнѣ мыслитъ и желаетъ, не есть плоть и кровь; это та чудесная сила, которая должна господствовать и торжественно возвышаться надъ плотію и кровію. Слѣдовательно всякой грѣхъ есть явное противорѣчіе человѣческой природѣ. Душа, рожденная къ господствованію, становится рабою бѣднаго праха, который со временемъ истлѣваетъ. Плоть и кровь, орудія духа въ семъ мірѣ, управляютъ духомъ, который долженъ управлять ими. Грѣхъ дѣлаетъ человѣка обыкновеннымъ животнымъ, которое слѣдуетъ однимъ только побужденіямъ своего тѣла.

Христіанинъ, посвященный кровію Іисуса Христа въ общество святыхъ, не долженъ быть рабомъ земныхъ своихъ склонностей и похотѣній; онъ долженъ господствовать надъ ними; его тѣло должно быть *рабомъ*, а его духъ,—*свободнымъ*.

Но Христіанская свобода не иное что есть, какъ самостоятельность души, ея не-

зависимость отъ чувственныхъ похотѣній. Только тотъ свободенъ, кто поступаетъ не по законамъ чуждымъ—по законамъ плоти, которая должна повиноваться душѣ, но по законамъ собственнымъ—по законамъ души, которая должна господствовать надъ плотію. Посему, кто совершаетъ какое либо дѣло, вопреки собственному убѣжденію въ его грѣховности, тотъ поступаетъ не какъ свободный, но какъ рабъ, и становится плѣнникомъ грѣха.

И такъ мы, призванные Іисусомъ Христомъ для возвышенія нашей природы, должны непрестанно стараться о Христіанской свободѣ, должны неутомимо и твердо противоборствовать влеченію къ грѣху, или искушенію.

Искушенія приходятъ не отъ Бога. Ибо какъ можетъ Богъ, отъ взора котораго бѣжитъ всякой грѣхъ, и который послалъ Сына своего для искупленія насъ отъ грѣха, какъ можетъ Богъ привлекать насъ ко грѣху?—Посему слова Молитвы Господней: *и не введи насъ во искушеніе,* не значатъ: не привлекай насъ ко грѣху,—но: сохрани насъ

отъ всякаго повода къ грѣху, укрѣпи насъ противу прелести порока.

Человѣкъ есть самъ для себя искуситель; онъ побуждаетъ самъ себя къ грѣху, когда, забывая о Богѣ, о вѣчности, о высокомъ назначеніи своемъ, живетъ и чувствуетъ только тѣлесно, и дѣлаетъ не то, что почитаетъ правымъ и добрымъ, но то, что льститъ его чувствамъ, что угодно его низкимъ страстямъ.

Въ семъ мірѣ, вліяніе тѣла на душу есть также велико, какъ вліяніе души на тѣло. Посему, доколѣ мы живемъ въ семъ тѣлѣ, дотолѣ должны противоборствовать непозволительному вліянію тѣла, должны мужественно отражать искушеніе къ грѣху.

Но въ часъ искушенія Христіанство является въ высочайшемъ блескѣ. Гдѣ нѣтъ подвига, тамъ нѣтъ и добродѣтели. Кто назоветъ добродѣтельнымъ хищника, который, будучи заключенъ въ темницѣ, не похищаетъ болѣе?

Часъ искушенія есть для Христіанина часъ торжества его Религіи. Никогда не имѣетъ онъ лучшаго случая показать себя въ своемъ величіи, и испытать, какъ вели-

ко его мужество, какъ велика сила его благочестія, его независимость отъ міра.

Часъ искушенія есть для Христіанина часъ его духовнаго преобразованія, его прославленія. Онъ чувствуетъ свое назначеніе для неба; онъ приноситъ святымъ правиламъ своимъ жертву, которая бываетъ тѣмъ прекраснѣе, чѣмъ большаго стоитъ ему труда и самопобѣжденія.

Часы искушенія суть такіе часы, на которые Христіанинъ, при концѣ дней своихъ, озирается съ живѣйшимъ восторгомъ; ибо они суть вѣрнѣйшіе поручители и свидѣтели о зрѣлости его духа для лучшаго міра. Воспоминаніе о сихъ часахъ воодушевляетъ его на смертномъ одрѣ такъ, что онъ радостно устремляетъ взоръ свой въ вѣчность, и можетъ сказать въ самомъ себѣ: „Благо мнѣ! и я подвигомъ добрымъ подвизался!"

Какъ мудрый полководецъ, исходя на одолѣніе непріятеля, не вдругъ вступаетъ въ сомнительное сраженіе, но прежде всего заботится о томъ, чтобы точнѣе узнать непріятеля, и ослабить его силу, дабы тѣмъ вѣрнѣе одержать надъ нимъ побѣду: такъ и Христіанинъ.

Но *какими средствами Христіанинъ уменьшаетъ силу искушенія,* дабы остаться побѣдителемъ, то есть, владыкою самого себя, достойнымъ послѣдователемъ своего Господа, неоскверненнымъ чадомъ Божіимъ?

Прежде всего онъ старается познать недостатки своего темперамента, то есть, тѣ порочныя склонности и навыки, которые особенно ему свойственны по его тѣлесному сложенію. Ибо не познавъ своихъ пороковъ и ихъ источника, онъ не можетъ имъ противоборствовать.

Испытывая себя, онъ скоро находитъ, что онъ отъ природы вспыльчивъ или робокъ; болѣе склоненъ къ печали и огорченію, или къ легкомыслію и своевольству; болѣе склоненъ къ скупости и любостяжанію, или къ суетности, честолюбію и гордости; болѣе склоненъ къ суровости, жестокости, равнодушію къ нуждамъ ближняго, и радости о вредѣ его, или къ мягкости, изнѣженности и сластолюбію. Испытывая себя такимъ образомъ, онъ скоро замѣчаетъ, что сіи склонности не одинъ уже разъ были для него поводомъ къ большей части проступковъ. Онъ

усматриваетъ, какъ ему поступать должно, дабы содѣлаться болѣе совершеннымъ человѣкомъ; узнаетъ язвы своей души, которыя исцѣлить долженъ.

Такъ изслѣдываетъ себя Христіанинъ, который заботится о своемъ улучшеніи. Онъ разсматриваетъ всѣ свои тайныя желанія и побужденія, и такимъ образомъ скоро познаетъ всѣ непозволенныя и порочныя любимыя свои склонности. Тогда не сокрытъ отъ него болѣе врагъ его блаженства, нарушитель его душевнаго мира, противникъ его усовершенствованія. Онъ рѣшается перемѣнить себя, рѣшается дѣлать противное тому, чего требуютъ отъ него нечистыя склонности. Ежели онъ былъ вспыльчивъ; то рѣшается ничего не дѣлать и не говорить дотолѣ, пока гнѣвъ имъ обладаетъ, и мало по малу освобождается отъ владычества сей страсти. Ежели онъ былъ суетенъ и гордъ; то рѣшается быть впредь кроткимъ и услужливымъ.

Второе средство, ослабить силу влеченія къ грѣху или искушенія, состоитъ въ простомъ благоразуміи, избѣгать всего того, что можетъ насъ привлекать къ грѣху. На-

ши страсти возрастають по мѣрѣ того, какъ мы даемъ имъ пищу. Безумно возбуждать прелесть къ грѣху съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы послѣ подавить оную; опасно забавляться могуществомъ порока. Мудрый Христіанинъ убѣгаетъ искушенія.

Всѣ проступки и пороки человѣка, которыми онъ дѣлаетъ себя презрѣннымъ и ненавистнымъ предъ другими, суть, если съ точностію разсмотримъ, только слѣдствія худыхъ навыковъ. Какъ рука, которую мы ежедневно наиболѣе упражняемъ, пріобрѣтаетъ наконецъ большую предъ другою силу; такъ усиливаются и склонности, которымъ мы наиболѣе удовлетворяемъ.—Убѣгай искушенія; бѣги того, къ чему побуждаетъ тебя безпорядочная склонность твоя, и она мало по малу, за недостаткомъ пищи, ослабѣетъ, и тѣмъ удобнѣе будетъ побѣждаема.

Такъ просто Христіанское искусство, освобождать душу отъ постыднаго рабства чувствамъ, и возвышать ее къ неограниченному господствованію въ человѣкѣ! Но для сего нужна твердая, рѣшительная воля, Христіанская строгость къ самому себѣ, а не та обманчивая мысль, по которой мы

позволяемъ себѣ еще разъ только сдѣлать проступокъ, а послѣ никогда. Кто такъ думаетъ, тотъ уже добыча порока, добыча своей животной природы, и не способенъ къ высшему напряженію. Онъ впадаетъ въ пропасть, изрытую самимъ собою.

Когда ударяетъ часъ искушенія, когда буря страстей потрясаетъ всѣ наши благочестивыя правила, когда шумъ грѣховныхъ нашихъ склонностей угрожаетъ истребить присутствіе нашего духа, когда одна минута должна рѣшить нашу твердость или наше паденіе,—тогда добродѣтель находится въ горнилѣ испытанія, тогда нужно мужество къ тяжкому сраженію.

Что мнѣ дѣлать въ минуту искушенія, чтобы остаться вѣрнымъ самому себѣ, моимъ правиламъ, ученію моего Искупителя, Творцу моему?

Ободрись, и сохрани присутствіе духа; безъ него погибель твоя неизбѣжна. Когда уже твое сердце неистовствуетъ, когда буйная кровь стремится въ твоихъ жилахъ, когда воспоминаніе о благочестивыхъ твоихъ намѣреніяхъ затмѣвается, когда наполняетъ тебя приманчивая мысль о чувствен-

номъ наслажденіи,—сохрани присутствіе духа, чтобы послѣ не быть принужденнымъ, со стыдомъ смотрѣть на свою собственную слабость, и оплакивать свое малодушіе.

Но чтобы сохранить присутствіе духа въ минуту искушенія, *развлеки себя*!—Устреми свое вниманіе къ другимъ вещамъ, не обращай своей мысли къ соблазнительному предмету; бѣги мѣста, которое можетъ содѣлаться мѣстомъ позора и стыда для души твоей. Несчастный! не думай, что ты не много испіешь сладкаго яда изъ чаши, которую грѣхъ подаетъ тебѣ. Одна капля его есть уже ядъ, и обуяетъ тебя. *Развлеки себя*: отврати твои взоры отъ мнимыхъ радостей, которыми порокъ старается очаровать тебя; исторгни изъ души своей образы, которыми надежда удовлетворенныхъ похотѣній хочетъ обольстить тебя.

Помысли о вездѣсущемъ Богѣ, который видитъ всѣ твои проступки и судитъ тебя; повергнись предъ Нимъ на колѣни, молись Ему, и воззови, какъ нѣкогда Іосифъ: „какъ я совершу столь великое зло, и согрѣшу предъ Богомъ?“ (Быт. 39, 9.)—Помысли о гробѣ, въ который послѣдуютъ за тобою

всѣ твои добрыя и злыя дѣла. Помысли о гробѣ и о той минутѣ, которая потребуетъ тебя предъ вѣчнаго Судію. Помысли о гробѣ и о будущемъ своемъ назначеніи, котораго лишиться ты намѣреваешся.—Помысли о томъ, что Богъ управляетъ міромъ, и что посему ни одинъ худой поступокъ не можетъ имѣть хорошихъ послѣдствій.—Помысли о раскаяніи, которое будетъ мучить тебя. Тщетно мракъ неизвѣстности покрываетъ твой проступокъ; онъ освѣщается яркимъ свѣтильникомъ твоей совѣсти. Минутнымъ наслажденіемъ ты покупаешь горесть и плачь на цѣлые годы.

Если искушеніе твое велико: то будь больше его, и помысли о высокой внутренней радости, которою наградитъ тебя побѣда надъ самимъ собою; помысли о небесномъ чувствѣ, которымъ будетъ наполнять тебя сознаніе, что ты пребылъ невиненъ, и сохранилъ сердце чистое и вѣрное Богу и вѣчности.

По истинѣ, побѣда надъ самимъ собою превосходнѣе побѣды надъ цѣлымъ міромъ; да и самое пріобрѣтеніе несравненно выше. Лавры завоевателя міра засыхаютъ на его гробѣ; его почес-

ти и отличія не переходятъ за могилу. Но Христіанинъ, который, помышляя о высокомъ своемъ званіи, жилъ не для тѣлесныхъ похотѣній, но для высшей цѣли, переходитъ, какъ сильный побѣдитель чувственности, въ царство славы; онъ удостоивается высшихъ степеней, высшихъ отношеній въ Божіемъ мірѣ. Смерть не можетъ у него похитить его стяженія; онъ уноситъ его съ собою въ вѣчность, гдѣ уготованъ для него вѣнецъ нетлѣнный.

XI.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ЕФРЕМА СИРІЯНИНА

Слово о покаяніи.

Господь, исшедшій изъ нѣдра Отчаго, и содѣлавшійся для насъ путемъ спасенія, блаженнымъ и божественнымъ своимъ гласомъ проповѣдуетъ намъ покаяніе, говоря: *Не пріидохъ призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*; и еще: *Не требуютъ здравіи врача, но болящіи.* (Матѳ. 9, 13. Марк. 2, 16. Лук. 5, 32.) Еслибъ я говорилъ сіе; то могъ бы ты и не послушать. Но когда говоритъ самъ Господь; то для чего не внемлешь гласу Его, и не заботишся о жизни твоей? Если чувствуешь въ себѣ раны помышленій и дѣлъ; то для чего оставляешь безъ вниманія сіи сокровенныя раны твои? Что боишся Врача? Онъ не безчеловѣченъ, не жестокосердъ, милостивъ. Онъ не употребляетъ желѣза, ни врачества ѣдкаго и жгущаго: Онъ однимъ словомъ врачуетъ. Только приступи; ты найдешь Его исполненнымъ благости, исполненнымъ милосердія. Для тебя Онъ пришелъ

изъ нѣдра Отчаго; для тебя воплотился, чтобы ты могъ приступить къ Нему безтрепетно; для тебя вочеловѣчился, чтобы изцѣлить тебя отъ лютыхъ ранъ твоихъ. Съ величайшею любовію и со всею кротостію Онъ призываетъ тебя: приди, грѣшникъ, исцѣлись безъ всякаго труда; свергни съ себя бремя грѣховное; принеси молитву, и пролей слезы на гніющія раны твои. Ибо сей благій Врачь небесный слезами и стенаніями исцѣляетъ раны. Приступи, грѣшникъ, къ благому Врачу, принося слезы, какъ лучшее врачество. Ибо такъ угодно оному небесному Врачу, чтобы каждый исцѣлялся и получалъ спасеніе собственными своими слезами: ибо сіе лѣкарство не растравляетъ раны, и не даетъ ей застарѣваться; но тотчасъ исцѣляетъ тебя. Врачь ожидаетъ только твоихъ слезъ; приступи, не бойся. Открой предъ Нимъ рану, принося и врачество—слезы и воздыханія. Се дверь покаянія отверзлась; спѣши, грѣшникъ, войти въ оную, пока она не затворилась. Время течетъ, не смотритъ на твою безпечность; и дверь, не смотря на твою беззаботливость, не будетъ знать, когда кончится твое нерадѣніе. Почто ты

ненавидишь жизнь свою, несчастный? Что дороже души твоей, человѣкъ? А ты, грѣшникъ, нерадишь о ней. Ты не знаешь, возлюбленный, въ которомъ часу небесный Врачь повелитъ заключить дверь своего врачеванія. Приди, молю тебя; исцѣлись скорѣе; обрадуй небесное воинство своимъ покаяніемъ. Солнце склоняется къ вечеру; оно ожидаетъ только, чтобы ты достигъ жилища. Долго ли же ты терпѣть будешь злобу врага своего, безстыдно исполняя волю его? Онъ хочетъ ввергнуть тебя въ огонь: вотъ стараніе его, вотъ отъ него награда любящимъ его. Онъ вмѣстѣ съ злыми и нечистыми пожеланіями непрестанно воюетъ противъ всѣхъ людей. Сей злобный врагъ приводитъ въ отчаяніе предавшихся ему; ожесточаетъ сердце, изсушаетъ слезы, и не позволяетъ грѣшнику притти въ сокрушеніе. Всемѣрно старайся, о человѣкъ! убѣгать его, ненавидѣть и отвращаться прелестей его. Возненавидь сего лукаваго, убѣгай сего коварнаго врага; ибо онъ человѣкоубійца былъ отъ начала, и пребудетъ таковымъ до конца. Убѣгай его, о человѣкъ! дабы онъ не погубилъ тебя. Внемли, возлюбленный, ежедневно взывающему

блаженному оному гласу: *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы; возмите иго Мое на себѣ, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь,* тихъ, незлобивъ *и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ.* (Матѳ. 11, 28. 29.) Онъ ежедневно предлагаетъ тебѣ покой, и обѣщаетъ жизнь: приди, не бойся. Владыка неизчерпаемъ въ благости; Онъ не требуетъ рукописанія всѣхъ грѣховъ твоихъ; Онъ есть убѣжище отъ всѣхъ золъ; врачуетъ раны, по своей благости; обильно даруетъ жизнь; охотно пріемлетъ припадающихъ къ Нему: поелику Онъ есть Богъ великій, провидящій будущее, знающій всѣ наши помышленія. Когда человѣкъ приходитъ къ Нему съ тѣмъ, чтобы исцѣлиться; Онъ видитъ его сердце и все расположеніе духа. Если приступающій имѣетъ духъ непоколебимый и благочестивый; то и благій Богъ, по своей милости, тотчасъ обрѣтается ищущимъ Его. Прежде нежели человѣкъ воззритъ на Бога, Онъ говоритъ ему: се Азъ; и прежде нежели человѣкъ къ нему приближится, Онъ открываетъ сокровища свои предъ ищущимъ Его; прежде нежели сей прольетъ слезы, Онъ из-

ливаетъ на него дары свои: прежде нежели успѣетъ воззвать къ Нему, Онъ примиряется съ нимъ; и прежде нежели попроситъ, получаетъ милость. Таково чувство, таково стремленіе любви Божіей къ тѣмъ, кои приходятъ къ Нему съ истиннымъ расположеніемъ духа! Онъ не умедлитъ услышать ихъ; и даже не обвиняетъ приходящаго къ Нему нечестивца, не говоритъ ему: „для чего ты столько времени служилъ врагу, а Меня, Владыку своего, добровольно оставилъ?" Не взираетъ сей Владыка на продолжительность протекшаго времени; но требуетъ одного смиренія, взираетъ только на слезы и воздыханія припадающаго къ Нему. Какъ Богъ и Творецъ нашъ, вѣдущій будущее, Онъ тотчасъ прощаетъ всѣ беззаконія, всѣ прегрѣшенія помышленій и дѣяній, повелѣваетъ облечь грѣшника въ первую одежду, надѣть и перстень на правую руку его, (Лук. 15, 22.) и всѣмъ Ангеламъ заповѣдуетъ радоваться о обрѣтеніи сей единой души грѣшника. И такъ блаженны всѣ мы человѣки! Мы имѣемъ Владыку кроткаго, незлобиваго благаго, милостиваго, щедраго, долготерпѣливаго, прощающаго всѣ наши беззаконія, ес-

ли мы только сего пожелаемъ. И вотъ Онъ призываетъ насъ, вотъ и долготерпитъ намъ, вотъ предлагаетъ намъ всѣ свои блага въ настоящей и будущей жизни, если только мы пожелаемъ. И такъ придите, будемъ молиться, доколѣ есть время; доколѣ находимся въ настоящей жизни, мы можемъ умилостивить Бога. Здѣсь намъ не трудно испросить прощеніе; теперь ничто намъ не препятствуетъ ударять въ двери милосердія Его. Прольемъ слезы, пока еще могутъ быть приняты слезы наши: дабы прешедши въ будущую жизнь не плакать тщетно; ибо слезы тамъ ни во что уже не вмѣнятся. Благій Богъ прощаетъ намъ соразмѣрно желанію нашему. Ибо здѣсь Онъ внемлетъ молитвамъ нашимъ; здѣсь Онъ прощаетъ насъ, припадающихъ къ Нему; здѣсь Онъ изглаждаетъ наши беззаконія, видя разкаяніе наше. Здѣсь увѣщаніе, а тамъ истязаніе; здѣсь долготерпѣніе, тамъ строгость; здѣсь снисхожденіе, а тамъ точный отчетъ; здѣсь свобода, а тамъ судъ; здѣсь безстрашіе, а тамъ смятеніе; здѣсь удовольствіе, а тамъ муки; здѣсь корыстолюбіе, а тамъ наказаніе; здѣсь смѣхъ, а тамъ плачь; здѣсь

безпечность, а тамъ казнь; здѣсь нерадѣніе, тамъ огнь вѣчный; здѣсь украшеніе, а тамъ червь неумирающій; здѣсь гордость, а тамъ уничиженіе; здѣсь хищеніе, тамъ скрежетъ зубовъ; здѣсь блескъ золота, тамъ мракъ и тьма; здѣсь лѣность, тамъ лишеніе всякаго прощенія согрѣшеній. Зная сіе, возлюбленные братіе, почто мы нерадимъ о спасеніи? Да не прилѣпляется къ земному умъ нашъ, братіе; да не услаждаетъ насъ любовь къ земнымъ вещамъ, чтобы тамъ не рыдать отъ горести. Для чего предаемся безпечности, и не желаемъ исцѣлиться, доколѣ есть возможность? За немногія слезы въ сей краткой жизни и за покаяніе Богъ прощаетъ всѣ грѣхи наши. Поплачь здѣсь немного, чтобы не плакать тамъ во вѣки вѣковъ во тьмѣ кромѣшной. Покайся здѣсь, чтобы тамъ не быть ввержену въ огонь карающій. Кто о насъ не восплачетъ? Кто не возрыдаетъ? Ибо, возненавидѣвши жизнь, мы возлюбили смерть. Размысли самъ, возлюбленный братъ, и избери лучшее и полезное для души твоей. Не лучше ли плакать тебѣ здѣсь о грѣхахъ, и здѣсь очиститься покаяніемъ, нежели тамъ въ огнѣ плакать безъ всякой пользы? Ибо,

плача здѣсь, ты получаешь покой и всякое утѣшеніе; а тамъ и съ плачемъ отъидешь на мученіе и истязаніе, какъ должникъ не возвратившій тьмы талантовъ. (Матѳ. 18, 24.) Заплати хотя малѣйшую часть, умоляя Господа, чтобы Онъ простилъ долгъ души твоей; если же не хочешь здѣсь за многое отдать малымъ; то тамъ среди великихъ мученій отдашь весь долгъ твой. Сіе я говорю любви вашей, возлюбленные и Боголюбезные братіе! не потому, чтобы почиталъ себя достойнымъ и неукоризненнымъ по чистотѣ жизни; но меня побуждаетъ къ сему великая печаль и скорбь сердца, когда помышляю, что́ намъ угрожаетъ, а мы между тѣмъ находимся въ безпечности. Нѣтъ, я и самъ, братіе мои, великій грѣшникъ; нечестива жизнь моя и въ дѣлахъ и въ помышленіяхъ; не нахожу я въ себѣ ничего добраго; какъ прежде, такъ и нынѣ согрѣшаю по собственному произволенію и нерадѣнію. Сіе же я говорю любви вашей потому, что скорбь непрестанно тяготитъ сердце мое, когда помышляю о будущемъ страшномъ судѣ Божіемъ. Ибо всѣ мы находимся въ нерадѣніи, думая въ сей суетной жизни жить вѣчно,

между тѣмъ какъ міръ преходитъ, а съ нимъ и все въ немъ находящееся; (1 Кор. 7, 31.) и мы, возлюбленные, должны будемъ во всемъ этомъ отдать отчетъ, мы, которые, видя доброе, дѣлаемъ худое. (Іак. 4, 17.) Ибо презрѣвши любовь Бога и царство Его, мы предпочли онымъ землю и ея блага. Но серебро и золото не искупятъ насъ изъ онаго ужаснаго огня. Великолѣпныя одежды и роскошь тамъ обратятся намъ въ осужденіе. Братъ не избавитъ своего брата, отецъ не избавитъ своего сына; но каждый получитъ свою участь, наслѣдуя или жизнь, или огнь. (Іезек. 18, 29.) Многіе святые, праведные и преподобные совлеклись сей жизни и всѣхъ дѣлъ оной, подкрѣпляемые добрымъ расположеніемъ своей воли и благимъ упованіемъ въ исполненіи заповѣдей Божіихъ, и надѣясь въ раю сладости вкусить блага Божіи. И такъ, поелику они, возлюбивши Христа, предпочли Его всему тлѣнному, то и непрестанно веселятся въ Богѣ, просвѣщаются Христомъ, всегда радуясь во Святомъ Духѣ. Веселится о нихъ Святая Троица; веселятся о нихъ Ангелы и Архангелы; веселится о нихъ рай сладости. Они-то по истинѣ достохваль-

ны, достославны, вполнѣ блаженны. Ангелы и человѣки ублажатъ ихъ за то, что они любовь Божію предпочли всему міру. И Богъ святый, праведный, истинный далъ имъ царство свое, и еще большую славу даровалъ имъ—въ полнотѣ радости созерцать Его вмѣстѣ со святыми Ангелами. Напротивъ того есть много и такихъ, которые возлюбили землю и тлѣнныя блага ея. Умъ ихъ всегда прикованъ къ тлѣнію, и они, подобно безсловеснымъ, пресыщаются яствами, какъ будто бы сія жизнь суетная была безсмертна. Не стыдно ли тебѣ, о человѣкъ! жить подобно безсловеснымъ? Богъ при сотвореніи одарилъ тебя разумомъ и силою сужденія для того, чтобы неразуміемъ ты не уподоблялся скотамъ несмысленнымъ. Воспряни, человѣкъ; хотя нѣсколько приди въ себя самаго; какъ существо разумное, помысли, что для тебя Всевышній Богъ снисшелъ съ неба, дабы тебя отъ земли возвести на небо. Ты призываешся на бракъ небеснаго Жениха; (Матѳ. 22, 4.) чтожъ не внемлешь? что колеблешся? Скажи мнѣ, какъ ты придешь на бракъ, не имѣя драгоцѣнной брачной одежды? (ст. 12.) какъ взойдешь, не имѣя свѣтильника?

(Матѳ. 25, 10.) Не думаешь ли взойти при своемъ нерадѣніи? Нѣтъ! ты въ ту же минуту услышишь страшный оный гласъ: *Друже, како вшелъ еси, не имый одѣянія брачна*—одѣянія сыновъ царства Моего? Ужели ты съ такою небрежностію пришелъ для того, чтобы своею наготою оскорбить возлежащихъ здѣсь? Нѣтъ! тогда речетъ Царь слугамъ своимъ: „Связавши руки и ноги сему несчастному, ввергните его въ пещь огненную, дабы онъ мучился во вѣки вѣковъ; ибо Я самъ приходилъ звать всѣхъ на бракъ, а онъ, презрѣвъ Мое званіе, не пріуготовилъ себѣ одежды брачной. И такъ Я повелѣваю вамъ мучить сего несчастнаго презрителя царства Моего.“ Ужели ты сего не страшишся? Ужели не трепещешь, о человѣкъ! видя, что близко свѣтозарное пришествіе Жениха? Или не знаешь, что все готово, и труба небесная ожидаетъ только мановенія? И что ты будешь дѣлать тогда, если не уготовишся прежде, нежели наступитъ оный часъ блаженства Божія? Ибо блаженство Божіе даруется достойнымъ. Небесная труба вострубитъ и возкликнетъ: „Возстаньте, друзья Христовы! Се—пришелъ небесный Царь, дать

вамъ успокоеніе и радость въ жизни вѣчной за всѣ труды и подвиги ваши. Возстаньте, зрите Царя Христа, безсмертнаго Жениха, котораго вы возлюбили, вы, которые изъ любви къ Нему были пришельцами на землѣ. Возстаньте, зрите царство Его, которое Онъ уготовалъ вамъ. Возстаньте, зрите возлюбленнаго Христа; возстаньте, зрите вожделѣннаго Господа, котораго вы возлюбили, и для котораго претерпѣли скорби и труды. Придите нынѣ, и воззрите съ дерзновеніемъ на Возлюбленнаго; возвеселитесь вмѣстѣ съ Нимъ радостію неизглаголанною, и *радости вашея никтоже возметъ отъ васъ.* (Іоан. 16, 22.) Придите, примите, *яже око не видѣ, и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша, яже уготова* вамъ самъ Возлюбленный." (1 Кор. 2, 9.) И се—святые на свѣтлыхъ облакахъ восхищаются во срѣтеніе Ему; (1 Өесс. 4, 16.) праведные и достойные Бога возносятся на высоту воздуха во славѣ неслыханной, зрѣть небеснаго безсмертнаго Жениха. И кто тогда съ радостію великою восхищенъ будетъ на облакахъ во срѣтеніе Христу? Только достойные восхищены бу-

дутъ со славою, а всѣ нечестивые останутся долу со стыдомъ великимъ. Блаженство и радость подвизавшимся здѣсь; наказаніе и стыдъ всѣмъ грѣшникамъ. Блаженъ подвизавшійся здѣсь; онъ тогда обрящется достойнымъ; и несчастенъ тотъ, кто содѣлалъ себя недостойнымъ возвеселиться въ оный часъ. Облака восхитятъ всѣхъ святыхъ отъ земли на небо; а нечестивыхъ восхитятъ Ангелы, чтобы ввергнуть въ пещь, горящую огнемъ неугасающимъ. *Кто дастъ главѣ моей* неоскудѣвающую *воду и очесемъ моимъ* непрерывно текущій *источникъ слезъ?* (Іер. 9, 1.) Доколѣ могутъ быть приняты слезы, буду плакать о себѣ день и ночь, призывая Господа, да не явлюся недостойнымъ въ часъ пришествія Его, и да не услышу онаго страшнаго приговора Владыки: „Отъиди отъ Меня, дѣлатель беззаконія; Я никогда не зналъ тебя.“ (Матѳ. 7, 23.) Всевышній, единый безсмертный Боже! яви мнѣ грѣшнику въ оный часъ многое милосердіе свое! Да не откроется тайное мое нечестіе предъ очами Ангеловъ, Архангеловъ, Пророковъ, Апостоловъ, Праведныхъ и Святыхъ. Но спаси меня нечестиваго по своей благости и мило-

сердїю, и введи въ рай сладости съ совершенными праведниками. Прими моленїе раба твоего, Владыко, ради ходатайства святыхъ, благоугодившихъ Тебѣ. Слава Христу! Аминь.

XII.

БЛАЖЕННАГО АНДРЕЯ АРХІЕПИСКОПА ІЕРУСАЛИМСКАГО

СЛОВО

НА

Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы.

Нынѣ настала радость для всѣхъ, вознаграждая прежнее скорбное лишеніе: предсталъ Вездѣсущій, дабы все исполнить радости. Но какъ Онъ предсталъ?—Не съ тѣлохранителями, не въ сопровожденіи воинствъ Ангельскихъ, не съ земною пышностію и шумомъ, но тихо и безмятежно; дабы укрыть свое шествіе отъ князя тьмы, дабы, благоразумною хитростію уловивъ змія, и посмѣявшись надъ бдительностію того Ассирійскаго Дракона, который поработилъ себѣ благородство природы человѣческой, исхитить у него добычу. Ибо неизреченно—великое милосердіе Его не хотѣло видѣть потери такого творенія, каковъ человѣкъ, для коего Онъ распростеръ сводъ небесный, утвердилъ землю, разлилъ воздухъ, образовалъ моря обширныя, устроилъ все видимое

созданіе. Для сего является Богъ на землѣ, Богъ съ небесъ, Богъ между человѣками, Богъ во чревѣ Дѣвы носимый, Тотъ, котораго не вмѣщаетъ вся вселенная. Теперь природа человѣческая начинаетъ вкушать радость, и вступаетъ въ состояніе обоженія; теперь, очистивъ себя отъ грѣха, она торжественно соединяется бракомъ съ Женихомъ, создавшимъ для нея многоцѣнное богатство; теперь первоначальный составъ нашъ пріемлетъ новый благообразный видъ, и состарѣвшійся міръ отлагаетъ ветхость свою, плодъ грѣха. *Да радуется небо свыше, и облацы да кропятъ правду*: (Иса. 45, 8.) *да источаютъ горы сладость и холмы веселіе, яко помилова Богъ люди своя.* (Иса. 49, 13.) Ибо нынѣ таинство, запечатлѣнное прежде всѣхъ вѣковъ, открывается, и все получаетъ во Христѣ свое возстановленіе. Нынѣ всемогущая сила Зиждителя вселенныя приводитъ въ окончательное исполненіе совѣтъ, державный Имъ о сотвореніи міра, дабы разрушить совѣтъ, начальникомъ злобы издревле противъ насъ составленный. Посему-то ликуютъ Ангелы, радуются человѣки, и весь міръ, обновляемый, въ первое

состояніе свое приходитъ. Какой умъ все это пойметъ, какой языкъ все это выразитъ? Ни слово изречь, ни слухъ принять сего не въ силахъ. И такъ мы справедливо совершаемъ настоящее торжество съ веселіемъ и радостію, празднуя совершеннѣйшее очищеніе отъ своихъ сквернъ—радость всей твари, и рода человѣческаго возстановленіе.

Но откуда, отъ кого, и къ кому ниспосылается днесь сіе благовѣстіе радости, сіе свидѣтельство человѣколюбія Божія, сія радостная проповѣдь о спасеніи всего міра?— Съ небесъ, отъ Бога, къ Дѣвѣ, обрученной мужу. Кто сія Дѣва? Кто сей мужъ? Какія имъ имена?—Дѣвѣ Марія, а мужу Іосифъ; оба отъ рода Давидова. Кто исполнитель Божественныхъ повелѣній, и откуда онъ приходитъ?—Архангелъ Гавріилъ, свыше посланный для сего чуда служитель. Ибо таинство, высочайшее всѣхъ таинствъ, и возвѣстить долженъ служитель Вышняго, слетѣвъ съ горнихъ странъ на землю. Что же это за таинство?—Снисшествіе къ намъ Господа, неизреченное Его смотрѣніе о насъ, Божественный совѣтъ, Божественное предопредѣленіе, прореченное и подтвержденное, хотя отъ

вѣчности сокровенное. Но гдѣ, когда и для чего совершается сіе чудное событіе? — Въ Назаретѣ, городѣ Галилейскомъ, въ мѣсяцъ шестый по зачатіи Іоанновомъ, дабы сей *играніемъ своимъ* (Лук. 1, 41.) возвѣстилъ, что Тотъ, который имѣетъ пріити, теперь уже во чревѣ. Ибо Гавріилъ слетѣвъ съ горнихъ обителей въ земныя страны, предсталъ въ Назаретѣ, и пришедъ къ Дѣвѣ, съ кротостію объявилъ ей неизреченное смотрѣніе Божіе. Вотъ въ чемъ состоитъ таинство примиренія Бога съ человѣками! Вотъ предметъ настоящаго торжества,—соединеніе Бога съ человѣками, усыновленіе насъ Богу, обновленіе образа нашего, премѣненіе состоянія нашего на лучшее, возвышеніе и восхожденіе наше на небеса! Посему—то все нынѣ и преисполнено радостію, и всѣ умные чины небесныхъ силъ вступаютъ съ нами въ союзъ при нашемъ примиреніи съ Богомъ. Ибо имъ пріятно обращеніе наше къ Богу, пріятенъ обратный нашъ переходъ въ лучшее состояніе; поелику онѣ къ намъ весьма сострадательны и любообильны, почему и посылаются на служеніе для тѣхъ, которые должны наслѣдовать спасеніе. (Евр. 1, 14.)

И такъ все днесь да веселится, вся природа да взыграетъ! Ибо нынѣ отверзается небо, и земля Царя всяческихъ невидимо пріемлетъ. Назаретъ, соревнуя Едему, въ нѣдро свое пріемлетъ Насадителя Едема; Отецъ милосердія крайнюю человѣческую нищету обручаетъ единственному и единородному Сыну своему; Гавріилъ служитъ при семъ таинствѣ, и взываетъ къ Дѣвѣ: *радуйся,* (Лук. 1, 28.)—Дѣвѣ-дщери Адама, происшедшей отъ племени Давидова, коей опредѣлено было возвратить собою ту радость, которую потеряла Праматерь. Нынѣ Отецъ славы, сжалясь надъ родомъ человѣческимъ, милостивымъ окомъ взираетъ на разстлѣнное въ Адамѣ естество наше. Нынѣ Податель милосердія открываетъ намъ бездну всеблагихъ щедротъ своихъ, и изливаетъ на естество наше свою милость столь обильно, сколь обильна вода, моря наполняющая. Ибо Тому, изъ котораго, чрезъ котораго и въ которомъ все существуетъ, надлежало приговоръ свой, осудившій насъ на проклятіе, перемѣнить на судъ своего милосердія, славою своею прославить обезславленное въ Адамѣ естество наше, и истиною своею

разрушить тотъ лукавый совѣтъ отца лжи, которымъ онъ склонилъ земнороднаго къ первому преступленію, то есть, паденію.

О семъ великій между царями, Богоотецъ Давидъ еще прежде воспѣлъ: *Милость и истина срѣтостѣся, правда и миръ облобызастася.* (Псал. 84, 11.) Какая это милость? Не та ли, которую, по благоволенію Отца, явилъ къ намъ Сынъ—податель милости, изъ сожалѣнія къ намъ, содѣлавшійся намъ подобнымъ во всемъ, кромѣ одного грѣха, дабы изгладить преступленіе наше, возставить насъ отъ паденія, и разрушившійся составъ нашъ снова образовать, такъ, чтобы онъ уже не разрушался? Что такое и истина, какъ не то, что Его явленіе людямъ было дѣйствительное, а не одинъ только призракъ? Ибо не видъ только человѣческій, какъ нѣкоторые думаютъ, Онъ на себя принялъ, но движимый человѣколюбіемъ, и снисходя къ человѣкамъ, самое существо человѣческое Себѣ усвоилъ, будучи непостижимъ въ своемъ Божественномъ существѣ, и существо всѣхъ насъ освятилъ въ Себѣ; не призракъ былъ и Его смотрѣніе, такъ какъ Онъ, при неприкосновенности своего Божества, имѣлъ и

дѣйствительное, истинное тѣло, со всѣми его перемѣнами.

Поелику же *милость и истина*, по словамъ Пророка, *срѣтостѣся*, то и *правда и миръ*, какъ и надлежало, *облобызастася*.

Правда,—это опредѣленіе произнесенное противъ обольстителя Праотцевъ. Когда и кѣмъ?—Нынѣ, Отцемъ Всевышнимъ. Человѣколюбивый по естеству, Онъ положилъ симъ опредѣленіемъ, чтобы Единородный Сынъ Его, явясь въ образѣ человѣка, осудилъ врага. *Миръ*,—это тотъ миръ, который на небесахъ, при самомъ рожденіи плотскомъ Начальника мира, единогласно воспѣлъ ликъ Ангеловъ, взывая: *Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, къ человѣкамъ благоволеніе*: (Лук. 2, 14.) та слава, которою прославился чрезъ Христа родъ человѣческій, бывъ вознесенъ, какъ говоритъ великій Апостолъ, превыше круга небеснаго, *превыше всякаго начальства, и власти, и силы*: (Евр. 1, 21.) тотъ миръ, который самъ Онъ исходатайствовалъ намъ, соединивъ небесное съ земнымъ, и открывъ земнороднымъ новую стезю къ восхожденію на небеса: то благоволеніе, по которому угодно было Отцу, послать

къ намъ осужденнымъ возлюбленнаго Сына своего, дабы Онъ, съ соизволенія Отца, равно какъ и своего собственнаго, доставилъ намъ спасеніе. Вотъ предметъ нынѣшняго нашего торжества! Вотъ то важное препорученіе, которое исполняетъ Гавріилъ, и какъ посредникъ между Божествомъ и человѣками, первый благовѣствуетъ Дѣвѣ залогъ совершеннаго примиренія!

Милосердый Отецъ, съ сожалѣніемъ взирая на родъ человѣческій, уже растлѣнный грѣхопаденіемъ, вспомнилъ о семъ твореніи рукъ своихъ, и не хотя видѣть насъ навсегда погибшими, сначала вручилъ Моисею письменный законъ, начертанный на каменныхъ дскахъ. Поелику же сей писанный законъ не производилъ спасительныхъ дѣйствій; то Онъ посылалъ Богодухновенныхъ мужей, то есть, прозорливыхъ Пророковъ, дабы они показывали людямъ всѣ правые пути къ Богу. И послѣ, хотя тѣ, къ которымъ они были посылаемы, закрывъ свои чувства, нимало не сдѣлались лучшими отъ ихъ уроковъ, Творецъ не презрѣлъ еще своего созданія, но изъ преблагихъ и пренепорочныхъ нѣдръ своихъ послалъ къ намъ недостойнымъ, въ кон-

цѣ вѣковъ живущимъ, Сына своего, равнаго Себѣ и по власти и по силѣ и по благости; ибо Онъ восхотѣлъ лучше даровать спасеніе врагамъ своимъ, нежели оставить въ презрѣніи столь прекрасное и столь высокое свое созданіе, каковъ человѣкъ. Посему опредѣливъ служить при семъ таинствѣ одному изъ первыхъ Ангеловъ, Онъ маніемъ своего величія далъ, думаю, Ангелу сему такое повелѣніе: „Гавріилъ! иди въ Назаретъ, городъ Галилейскій, въ коемъ живетъ отроковица Дѣва, обрученная мужу, именемъ Іосифу; имя Дѣвѣ-Марія.“ Для чего въ Назаретъ?—Для того, дабы тамъ Вседержителю избрать для Себя ту, которая составляла лучшее украшеніе дѣвства, какъ благоуханную розу въ терновникѣ, также для исполненія того пророчества, что Онъ назовется Назореемъ. Кто?—Тотъ, коего Наѳанаилъ въ послѣдствіи называетъ Сыномъ Божіимъ и Царемъ Израильскимъ. (Іоан. 1, 49.) Что же касается до Гавріила, то онъ обыкновенно служитъ при совершеніи Божественныхъ таинствъ, какъ мы знаемъ это изъ Даніила. „И такъ иди, глаголетъ Богъ Архангелу, въ Назаретъ, городъ Галилейскій; тамъ немедленно и прежде всего скажи Дѣ-

въ то благовѣстіе радости, котораго лишилась нѣкогда Евва, и не смущай души ея. Ибо это благовѣстіе радости, а не печали; это привѣтствіе веселія, а не унынія."

Въ самомъ дѣлѣ, была ли и будетъ ли для рода человѣческаго какая нибудь радость болѣе той, какъ быть причастникомъ Божественнаго естества, быть въ соединеніи съ Богомъ, быть съ Нимъ едино по свойству единства, а слѣдовательно и по свойству природы человѣческой, принятой Имъ въ Божественное лице? Что можетъ быть удивительнѣе того, когда Богъ видимо снисходитъ на землю, и даже носится во чревѣ женщины? Какое величайшее чудо! Богъ, которому престолъ небо и подножіе земля, (Иса. 66, 1.) — въ женской утробѣ! Богъ, который вѣчно съ Отцемъ возсѣдитъ на престолѣ, — во чревѣ! И если что необыкновеннѣе, какъ Богу явиться въ образѣ человѣка, не разлучаясь съ своимъ Божествомъ, какъ намъ видѣть все естество человѣческое, тварь, соединенною съ Творцемъ, для того, дабы обоготворился весь человѣкъ — первая жертва грѣха?

Что же Гавріилъ? — Выслушавъ Бо-

жественное вѣщаніе, и узнавъ повелѣніе, гласомъ Божіимъ ему изреченное, но превышающее силы его, онъ находился между страхомъ и радостію. Не сознавая себя достойнымъ къ исполненію Божественнаго порученія, но не дерзая и отрицаться отъ онаго, онъ, повинуясь гласу Божію, полетѣлъ къ Дѣвѣ, и по прибытіи въ Назаретъ предсталъ въ ея домъ, потомъ, какъ бы погрузившись въ размышленіе, и недоумѣвая о самомъ себѣ, колеблемъ былъ многими мыслями, разсуждая, думаю, самъ съ собою такъ: „Съ чего начать мнѣ исполненіе воли Божіей? Мгновенно ли явиться въ чертогѣ?—Но такимъ появленіемъ я приведу въ страхъ душу Дѣвы. Или взойти не вдругъ?—Но за тайный входъ Отроковица почтетъ меня дерзскимъ. Постучать ли въ дверь?—Но какимъ образомъ? Ангеламъ это несвойственно. Ибо никакая физическая вещь, ни твердая, ни слабая, не можетъ отражать отъ себя дѣйствій существа безтѣлеснаго. Или прямо отворить дверь?—Но и тогда, какъ она заперта, я могу пройти сквозь нее. Назвать ли Дѣву по имени?—Но симъ я приведу въ трепетъ юную Отроковицу. И

шакъ я исполню порученіе, по волѣ Пославшаго меня, и укрощу мое стремленіе. Ибо намѣреніе Его—есть спасти родъ человѣческій; воля Его, хотя необыкновенная, исполнена милосердія, и служитъ залогомъ примиренія. Но опять, какимъ образомъ мнѣ приступить къ Дѣвѣ? О чемъ прежде всего съ нею говорить? О благовѣстіи ли радости, или о вселеніи въ ея утробу Господа моего? О наитіи ли Духа Святаго, или объ осѣненіи Всевышняго? Сдѣлаю къ Дѣвѣ обращеніе, возвѣщу ей о чудѣ, приближусь къ ней, сдѣлаю ей привѣтствіе и кротко воззову: *радуйся.* Привѣтствіе будетъ для меня счастливымъ вступленіемъ въ свободный съ нею разговоръ. Слово, *радуйся,* послужитъ мнѣ залогомъ позволенія бесѣдовать съ нею. Ибо только гласъ, *радуйся,* ни мало не устрашитъ, но усладитъ ея душу. И такъ я начну воззваніемъ, *радуйся*, а въ слѣдъ за симъ объявлю ей и свидѣтельство радости. Ибо прилично привѣтствовать Царицу благовѣстіемъ радости. Восхитительно таковое привѣтствіе; радостенъ самый случай! Сладостно для души таковое повелѣніе Божественное! Таковая воля Бо-

жія есть опредѣленіе спасенія человѣческаго, начало радости высочайшей, для сердца невмѣстимой?"

Послѣ таковыхъ размышленій съ самимъ собою, Архангелъ предсталъ въ домѣ Дѣвы, и приступивъ къ чертогу, въ которомъ она находилась, тихо приблизился къ двери, и вошедъ въ нее, кроткимъ гласомъ воззвалъ къ Дѣвѣ: „*Радуйся, благодатная! Господь съ тобою*, (Лук. 1, 28.)—Господь, который былъ прежде тебя, который нынѣ съ тобою, который, спустя немного, отъ тебя родится, Одно рожденіе Его было вѣчное, другое будетъ временное." О, безмѣрное человѣколюбіе и благость! Ангелъ не только объявляетъ радость, но указываетъ и на Виновника радости, во чревѣ Дѣвы. Ибо сказать: *Господь съ тобою*, значитъ сказать, что самъ Царь присутствуетъ, что Онъ всецѣло воплотился въ тебѣ, со всею своею славою. *Радуйся, благодатная! Господь съ тобою.* „Радуйся орудіе радости, коимъ упразненъ приговоръ, осудившій насъ на проклятіе, и намъ возвращено право на радость. Радуйся истинно благословенная; радуйся препрославленная; радуйся преукрашенное святилище

славы Божіей; радуйся священное жилище Царя. Радуйся чертогъ, въ которомъ Христосъ обручилъ Себѣ человѣчество. Радуйся избранная Богомъ прежде рожденія; радуйся орудіе примиренія Бога съ человѣками; радуйся сокровище никогда неувядающей жизни; радуйся небо, пренебесное жилище Солнца славы, радуйся пространнѣйшее селеніе Бога ни гдѣ не вмѣстимаго, въ тебѣ единой вмѣстившагося; радуйся святая дѣвственная земля, изъ которой неизреченно образовался новый Адамъ, дабы спасти Адама древняго; радуйся священный, достойный Бога квасъ, который вскваситъ весь родъ человѣческій, такъ что составилось одно удивительное смѣшеніе, на подобіе хлѣба, изъ единаго тѣла Христова происшедшее. *Радуйся, благодатная! Господь съ тобою*, Тотъ, который сказалъ: да будетъ твердь, (Быт. 1, 6.) и всѣ прочія дѣла творческаго величія Его; радуйся родительница невмѣстимой для сердца радости; радуйся новый ковчегъ славы, въ которомъ почилъ сошедшій Духъ Божій, ковчегъ, въ которомъ хранится святыня новой славы." Святый по естеству своему, чрезъ вопло-

щеніе чуднымъ образомъ заключился въ девической утробѣ, не преставъ быть тѣмъ, чемъ былъ (ибо Онъ непремѣненъ), но сдѣлавшись тѣмъ, чемъ не былъ (ибо Онъ человѣколюбивъ). „Радуйся сосудъ златый, носящій Того, который усладилъ манну, и медъ изъ камня источилъ Израилю неблагодарному; радуйся клеща таинственнаго угля; радуйся умное зеркало созерцательнаго познанія, сквозь которое Пророки, славные Духомъ Святымъ, таинственно видѣли безконечное къ намъ снисхожденіе Божіе; радуйся труба зрительная, сквозь которую, сѣдящіе въ унылой тьмѣ грѣха, увидѣвъ восхожденіе грядущаго свыше Солнца правды, чуднымъ озарены были свѣтомъ. Радуйся украшеніе всѣхъ Пророковъ и Патріарховъ, и истиннѣйшее проповѣданіе непостижимыхъ предопредѣленій Божіихъ."

Благословенна ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего. (Лук. 1, 28.) „И поистинѣ благословенна, потому что Богъ избралъ тебя въ жилище Себѣ, потому что ты непостижимо носила во утробѣ своей исполненнаго славы Отчія человѣка — Іисуса Христа, и вмѣстѣ Бога пресовершен-

наго по своему естеству и по своимъ свойствамъ. *Благословенна ты въ женахъ*, свободно вмѣстившая въ священномъ хранилищѣ дѣвства своего то небесное Сокровище, *въ которомъ сокрыты всѣ сокровища премудрости и вѣдѣнія.* (Кол. 2, 3.) Ты истинно *благословенна*: ибо твое чрево есть какъ стогъ на гумнѣ; ты безъ сѣмени, безъ воздѣланія произрастила плодъ благословенія и класъ нетлѣнія—Христа, и принесла Содѣтелю спасенія нашего обильнѣйшую жатву—безчисленныя тысячи преспѣвающихъ въ благочестіи. Ты истинно *благословенна*: ибо одна изъ всѣхъ матерей удостоилась быть матерію Создателя своего, но такъ, что не испытала матерямъ свойственнаго; матерній плодъ твой не повредилъ твоего дѣвства; плодъ твой дѣйствительный не сокрушилъ печати твоей непорочности. Ты истинно *благословенна*: ты одна, не познавъ мужа, носила во чревѣ своемъ Того, который распростеръ небеса, и чуднымъ образомъ землю дѣвства твоего содѣлалъ небомъ. *Благословенна ты въ женахъ*, ты, которая одна наслѣдовала то благословеніе, которое Богъ чрезъ Авраама обѣщалъ народамъ. Ты

истинно *благословенна*, ты, которая одна наименовалась матерію благословеннаго Сына, Іисуса Христа и Спасителя нашего, чрезъ которую народы взываютъ: *Благословенъ Грядый во имя Господне*, (Матѳ. 21, 9.) *и благословенно имя славы Его во вѣкъ, исполнится славы Его вся земля: буди, буди*! (Псал. 71, 19.) *Благословенна ты въ женахъ*, которую ублажаютъ поколѣнія и прославляютъ цари, которой покланяются владыки, и предъ которою повергаютъ дары свои богатѣйшіе изъ людей, — ты, которую дѣвы среди сонма своего вводятъ во храмъ Царя. *Благословенна ты въ женахъ*, которую Исаія увидя прозорливыми очами, наименовалъ Пророчицею, Дѣвою, плинѳою, мѣстомъ селенія, видѣніемъ, славою, книгою, и главою запечатлѣнною. Ты истинно *благословенна*, которую Іезекіиль назвалъ востокомъ, вратами заключенными, отверзаемыми для одного Бога, и опять заключаемыми. Ты одна истинно *благословенна*, которая Даніилу, мужу желаній, казалась горою великою, а чудному Аввакуму горою пріосѣненною, (Авв. 3, 3.) которую Царь, твой праотецъ, въ пророческой пѣсни своей наименовалъ горою

тучною, горою пріусыренною, горою, на которой благоволилъ обитать Богъ. *Благословенна ты въ женахъ,* которую Захарія, одинъ изъ Богопросвѣщеннѣйшихъ мужей, провидѣлъ въ златомъ свѣтильникѣ, украшенномъ семью свѣщами, то есть, сіяющемъ семью дарами Духа Святаго. Ты истинно *благословенна;* ты умный рай, въ которомъ живоносное древо спасенія, и въ которомъ самъ насадитель Эдема—Христосъ, Тотъ, который въ тебѣ таинственно зрится, и который неизреченною силою исходя изъ чистой утробы твоей, подобно живоносному источнику, и посредствомъ своего Евангелія какъ бы раздѣляясь на четыре потока, напаяетъ всю вселенную. *Благословенна ты въ женахъ и благословенъ плодъ чрева твоего,*—плодъ, котораго вкусивъ Адамъ первосозданный, извергъ изъ себя тотъ древній ядъ, коимъ онъ былъ обольщенъ,—плодъ, который услаждаетъ горькій вкусъ плода древа смертоноснаго, очищая естество человѣческое, который странствующему въ пустынѣ Израилю источалъ рѣки воды, услаждалъ горькія воды Мерры, и дождилъ хлѣбъ чудный, безъ посѣва произрастшій. *Благословенъ плодъ,* который воду

горькую и дѣлавшую людей неплодными, посредствомъ всыпанной въ нее Елисеемъ соли, содѣлалъ пріятною и плодотворною. *Благословенъ плодъ*, который изъ неповрежденной отрасли дѣвическаго чрева прозябъ, подобно грозду, полному и совершенно зрѣлому. *Благословенъ плодъ*, изъ котораго истекаютъ источники воды, текущей въ жизнь вѣчную, плодъ, въ которомъ заключается хлѣбъ животный—тѣло Христово, и спасительное питіе—чаша безсмертія. *Благословенъ плодъ*, который славитъ всякій языкъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, въ Троицѣ святаго Божества, исповѣдуя Его тождественнымъ въ существѣ, но различая въ Немъ личныя начальныя свойства.

Благословенна ты въ женахъ, и благословенъ плодъ чрева твоего: она же, Дѣва, какъ говоритъ Св. Повѣствованіе, *смутилась отъ слова сего, и размышляла сама съ собою, говоря, что бы это было за привѣтствіе?* (Лук. 1, 29.)

Смутилась, сказано. Не невѣріе ли уже какое нибудь поколебало ея душу?—Нѣтъ—душа ея была восторжена благоговѣніемъ къ необычайному вѣщанію Ангела; она, безъ со-

мнѣнія; признала явленіе Безплотнаго за Божественное пророчественное посольство, и не была подобна Захаріи, который обнаружилъ свое невѣріе во святилищѣ, и который, хотя и пріобрѣлъ способность къ дѣторожденію, но въ наказаніе за свое невѣріе, лишился орудій слова, и переставъ быть безчаднымъ, сдѣлался нѣмымъ. Она почувствовала въ душѣ своей смущеніе отъ Ангельскаго привѣтствія, какъ дѣва совершенно непорочная, не имѣвшая не только совокупленія, но и обращенія съ мужемъ, напротивъ того обыкшая непрестанно устремлять умъ свой къ созерцанію вещей небесныхъ. Ибо бывъ, какъ и естественно, стыдливою, она должна была сначала притти въ недоумѣніе, потомъ, предавшись размышленію о сказанномъ ей, слушать говорящаго не безъ вниманія, какъ можетъ кто нибудь сказать, и разсужденія, но съ напряженіемъ силъ душевныхъ. Почему Евангелистъ весьма ясно замѣтилъ, что она размышляла (какъ бы повѣряя свои разсужденія судомъ чистаго разума, дабы сказаннаго ей не понять превратно), говоря: *Что бы это было за привѣтствіе?* Ибо вѣроятно, что она, происхо-

дивши отъ благороднаго племени, и бывши дщеріею Давида, знала Божественныя повѣствованія, преданныя въ Писаніяхъ, и потому при Ангельскомъ привѣтствіи, тотъ часъ обратила умъ свой къ паденію Праматери, представляя себѣ гибельное ея прельщеніе, и другія событія сего рода, преданныя намъ древними. И такъ не безъ причины Евангелистъ написалъ, что она размышляла. Это служитъ вѣрнымъ признакомъ ея ума и того, что она любила имѣть познаніе о предметахъ не поверхностное а твердое и основательное. Въ самомъ дѣлѣ, ей не надлежало принимать привѣтствія вдругъ, не повѣривъ мыслей своихъ о возвѣщаемомъ ей благѣ созерцаніемъ разума. Стараясь успокоить смущенный духъ свой, она не произносила словъ, но только однимъ взоромъ показывая нѣкоторое недоумѣніе, вмѣсто голоса обнаруживала состояніе своей души выраженіемъ внѣшняго своего вида. „*Что это за привѣтствіе?* говоритъ наконецъ. Неужели *я* одна изъ женщинъ дамъ природѣ новые законы? Неужели я одна могу понести во чревѣ плодъ, не имѣвъ сообщенія съ мужемъ? *Что*

бы это было за привѣтствіе? Кто принесъ мнѣ такую вѣсть, и откуда онъ пришелъ? Почитать ли вѣщающаго мнѣ за человѣка? — Но онъ, какъ вижу, не имѣетъ тѣла. Ангеломъ ли его назвать? — Но онъ вѣщаетъ какъ человѣкъ. Я не понимаю того, что вижу, недоумѣваю о томъ, что слышу."

Что же дѣлаетъ тогда Гавріилъ? Примѣтивъ смущеніе духа Отроковицы, и не размышляя болѣе ни о чемъ, тотчасъ взываетъ къ ней своимъ голосомъ, говоря: *Не бойся, Марія! ибо ты обрѣла благодать у Бога.* (ст. 30.) И такъ онъ прежде изгналъ изъ нея страхъ, потомъ внушилъ ей бодрость, сказавъ: *не бойся; ибо ты обрѣла благодать у Бога,* которую потеряла Евва. Словомъ, *благодать,* онъ ясно опредѣлилъ свою мысль, и разсѣялъ сомнѣнія, какія въ ней могли родиться; а присовокупивъ: *обрѣла благодать у Бога,* уже совершенно отгналъ страхъ отъ Дѣвы. *Не бойся, Марія!* Это не обманчивый оборотъ рѣчи; не обольстить тебя пришелъ я; не змій лукавый паки говоритъ съ тобою; не земный вѣстникъ предстоитъ тебѣ: съ неба несу тебѣ благовѣстіе, и притомъ не простое, но благовѣ-

стіе радости. *Не бойся, Марія!* Не наемѣшка сіе привѣтствіе; не печаль предвозвѣщаетъ оно тебѣ: Господь съ тобою, податель всякія радости, Спаситель всего міра, съ тобою Тотъ, который, не отлучаясь Отческихъ нѣдръ, вмѣстился въ твоей утробѣ. Я назвалъ тебя благодатною, дабы выразить радость сокрываемаго въ тебѣ таинства. Я назвалъ тебя благодатною, потому что всю сію радость ты вмѣщаешь во чревѣ твоемъ; потому что ты одежда благолѣпная по красотѣ Божественныхъ даровъ. *Господь съ тобою,* воззвалъ я, дабы выразить могущество въ тебя Вселившагося. Ибо Онъ Господь и Богъ, Властитель, Начальникъ мира, Отецъ будущаго вѣка, твой сынъ и Спаситель всѣхъ. (Иса. 3, 6.) *Господь съ тобою*: съ тобою благодать и истина, Господь закона, но Отецъ благодати, и источникъ истины. *Не бойся, Марія! Господь съ тобою,* Властитель всякаго начальства, Сынъ Отца свѣтовъ, который въ вѣчности родился отъ Него, но во времени воплотился отъ тебя, который на небѣ весь въ нѣдрахъ Отца, а на землѣ весь съ тобою—во чревѣ. Онъ съ тобою и въ тебѣ.

Ибо Невмѣстимый по естеству, уже нисшелъ въ тебя, въ тебѣ вмѣстился, вселившись въ твою утробу. *Не бойся, Марія! ибо ты обрѣла благодать у Бога,* благодать, которой не получила Сарра, которой не испытала Ревекка, которой не познала Рахиль; ты обрѣла благодать, которой не удостоилась ни славная Анна, ни Фенанна, ея соперница. Ибо хотя онѣ изъ безчадныхъ сдѣлались матерями, но за то вмѣстѣ съ безчадіемъ потеряли дѣвство; а ты, ставъ матерію, сохранила и дѣвство свое невредимымъ. И такъ *не бойся; ты обрѣла благодать у Бога,* благодать, какой никто, кромѣ тебя, не обрѣталъ отъ самой вѣчности."

Въ чемъ же состоитъ преимущество сей возвеличиваемой благодати? *Ты обрѣла благодать у Бога,* сказалъ Дѣвѣ Ангелъ; *и се, зачнешь во чревѣ, и родишь Сына, и наречешь имя Ему Іисусъ.* (Лук. 1, 30. 31.) О чудо! Сперва онъ разрѣшаетъ ея сомнѣніе, а послѣ уже объясняетъ самое дѣло. И смотри, что производитъ его краткая рѣчь: — прогоняетъ страхъ, увѣряетъ въ благодати, объясняетъ зачатіе, предсказываетъ рожденіе, и назначаетъ имя Новорожденному. Но здѣсь

еще не конецъ словамъ его. Чтобы показать великое могущество Младенца, онъ тотчасъ присовокупилъ: *Онъ будетъ великъ, и наречется Сыномъ Всевышняго, и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида отца Его; и воцарится надъ домомъ Іаковлевымъ во вѣки, и царству Его не будетъ конца.* (ст. 32. 33.) Видишь, какъ онъ изгналъ изъ Дѣвы страхъ? какъ ободрилъ духъ ея? Ибо назвавъ Отроча Сыномъ Всевышняго, и Давида наименовавъ Его отцемъ, онъ вдругъ возвысилъ умъ ея, какъ видно изъ послѣдующаго.

Смотри, какой разумъ имѣетъ Дѣва! Она, услышавъ сіе, и зная непреложность высочайшей власти воли Божіей, сказала Ангелу: *Какъ будетъ сіе, когда я не знаю мужа?* „Ты обѣщаешь мнѣ, говоритъ она, что-то странное; ты возвѣщаешь мнѣ то, что превосходитъ естество: я браку непричастна; я обручилась жениху, но бракомъ съ нимъ не сочеталась; я знаю въ Іосифѣ только обручника, но не мужа; со мною живетъ женихъ, но неразделяетъ брачнаго ложа. *Какъ будетъ сіе, когда я не знаю мужа?* Неужели природа одну меня сдѣлаетъ

матперію безъ брака? Неужели я одна, вопреки природѣ, покажу новый для нея образъ рожденія? Бракосочетанія еще не было; сообщенія съ мужемъ я не имѣла: ибо я не познала Іосифа; я признавала въ немъ своего защитника, но не мужа. И такъ какимъ образомъ будетъ сіе со мною?"

Гавріилъ тотчасъ отвѣтствуетъ, и высокимъ отвѣтомъ своимъ утончаетъ простый ея вопросъ, говоря: „Почему ты, всеблаженная, вѣщаешь сіе? Почему произносишь сіи слова? Я съ неба пришелъ возвѣстить тебѣ о новомъ образѣ зачатія: не земнородный въ лицѣ меня говоритъ съ тобою. Я сказалъ: Господь съ тобою; а ты съ сомнѣніемъ говоришь: *какъ будетъ сіе со мною*? Я благовѣствую тебѣ о Томъ, который былъ прежде моего пришествія, и который вошелъ во чрево твое; а ты говоришь мнѣ о мужѣ, о земномъ рожденіи, спрашивая: *какъ это будетъ со мною*? Какъ будетъ это съ тобою?—Размысли,—какъ процвѣлъ жезлъ? (Числ. 17, 8.) какъ камень источилъ воду, и откуда онъ исполнился ею? (Исх. 17, 6.) какъ огонь купины обнялъ сей кустарникъ, не сожигая его? (Исх. 3, 2.) Если ты вѣ-

ришь симъ событіямъ; то вѣрь и мнѣ. Ибо виновникъ чудесъ, какъ тѣхъ, о коихъ повѣствуетъ Моисей, такъ и тѣхъ, о коихъ я благовѣствую тебѣ, одинъ и тотъ же, то есть Тотъ, котораго во чревѣ носишь. Ты, по нѣкоторому особенному и сверхъ-естественному союзу будешь питать зачатаго во чревѣ твоемъ Младенца, и совсѣмъ не такъ, какъ Елисавета, или Анна, мать твоя: ты родишь Сына, безъ мужа и безъ сѣмени въ тебѣ зачатаго. Если ты хочешь знать самый образъ событія; то я объясню тебѣ и его."

„*Духъ Святый найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя.* (Лук. 1, 31.) Ибо Имѣющій родиться произойдетъ *не отъ хотѣнія мужа, ни отъ хотѣнія плоти.* (Іоан. 1, 12.). Хотѣніе плоти не будетъ имѣть мѣста при разрѣшеніи отъ бремени Богоматери. Ибо Плодъ ея выше предѣловъ естества. И если Онъ вовсе не имѣетъ ничего естественнаго; то и образъ Его рожденія выше и превосходнѣе естественнаго. И такъ никакая страсть не примѣшалась къ земному зачатію Его, такъ какъ и къ небесному Его рожденію." *Духъ*

Святый найдетъ на тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ тебя. Смотри, какъ открывается здѣсь таинство св. Троицы. Ибо говоря о Святомъ Духѣ, Архангелъ не иного кого-либо разумѣлъ, какъ Утѣшителя. Силою Всевышняго онъ явно назвалъ Сына. А словомъ, *Всевышній*, означилъ лице Отца. Выраженіемъ же, *осѣнитъ тебя*, онъ говоритъ, кажется, то же, что сказалъ Аввакумъ, когда взирая, по моему мнѣнію, прозорливыми очами, назвалъ Дѣву *горою пріосѣненною*; (Авв. 3, 3.) какъ бы изображая силу Святаго Духа, ее осѣняющую, и неизреченную скинію, въ ней самодѣйствующую способомъ воплощенія, по коему въ утробѣ Дѣвы, свободной отъ страстей и чистой отъ всякой вещественной привязанности, возникъ нерукотворенный храмъ Спасителя, какъ видно изъ послѣдующихъ словъ Ангела.

Почему и раждаемое будетъ свято, и наречется Сынъ Божій: ибо тотъ предвѣчный Младенецъ, который отъ Святаго Духа, чрезъ святаго Отца, непостижимо образовался, поистинѣ будетъ святымъ, и назовется Сыномъ Всевышняго, какъ Слово, отъ вѣчности

Всевышнимъ изглаголанное. Такимъ образомъ ясно показано Дѣвѣ, кто, отъ кого, и какимъ образомъ зачался въ ея чревѣ, показано и то, что имѣющій родиться отъ нея будетъ Сынъ Божій.

Но чтобы яснѣе и точнѣе показать силу своихъ словъ, Ангелъ указываетъ на зачатіе Елисаветы, какъ бы такъ говоря: „Кто могъ разрѣшить неплодную утробу, въ старости, сверхъ чаянія; Тотъ, безъ сомнѣнія, можетъ содѣлать и дѣву чрево-носящею, сверхъ всякаго ожиданія." Для сего онъ присоединяетъ: *Ибо нѣтъ ничего невозможнаго для Бога.* (ст. 37.) Дѣва, услышавъ сіе, а паче будучи озарена въ умѣ свѣтомъ Святаго Духа, въ ней обитающаго, и проникнута въ душѣ радостію о благовѣстіи, пріятно успокоилась, и, какъ Св. Писаніе говоритъ о Давидѣ, явилась радостною въ душѣ съ красотою очей; ибо увеселялась чудомъ, и приняла сіе привѣтствіе съ самодовольствіемъ. Да и сказанное ей Ангеломъ исполнено было неизреченныя радости. Гавріилъ весьма удобно и весьма ясно убѣдилъ Дѣву, безпрекословно повѣрить сему чуду,

сказавъ: *Нѣтъ ничего невозможнаго для Бога.*

Но что говоритъ Евангеліе?—*Марія же сказала: се раба Господня; да будетъ мнѣ по слову твоему.* (ст. 38.) Видишь ли разумъ ея, видишь ли превосходство скромности, ее покрывающей? Ибо, узнавъ изъ словъ Ангела о зачатіи и рожденіи отъ нея, также о томъ, кто родится и чьимъ будетъ сыномъ, какъ Онъ назовется и чей займетъ престолъ, надъ кѣмъ будетъ царствовать, наконецъ узнавъ и то, что Имѣющій отъ нея родиться, никогда не будетъ безъ царства, она тотчасъ испустила сей радостный гласъ: *Се раба Господня; да будетъ мнѣ по слову твоему.* Очевидно, что она выразила сими словами слѣдующее: ,,Вотъ я въ готовности, и препятствія не будетъ никакого; душа моя желаетъ, чрево мое достойно, ибо оно еще неприкосновенно, и сберегается для одного Создателя. *Се раба Господня,* безпрекословная къ повиновенію, способная къ служенію, и готовая къ принятію; *да будетъ мнѣ по слову твоему.* Послѣ того, какъ ты, все Божественное смотрѣніе, и его свойство и образъ возвѣс-

шилъ мнѣ, какъ должно; всѣ предсказанія твои о имѣющемъ совершиться, ознаменовались радостію и славою высшею. *Се раба Господня; да будетъ мнѣ по слову твоему.*" Какое неизреченное смотрѣніе! Какая благодать! Какая, тѣмъ болѣе, вѣчная воля и предвѣдѣніе! Поистинѣ, Духъ Святый вселился въ Дѣву, и сила Всевышняго осѣнила ее, по предопредѣленному совѣту и предвѣдѣнію Божію.

И отшелъ отъ нея Ангелъ, сказано, (ст. 38.) то есть, по исполненіи препорученнаго ему дѣла. Отшелъ отъ нея Ангелъ; но Господь не отступилъ отъ нея. Ибо тотъ ограниченъ, хотя и безтѣлесенъ; а Сей неограниченъ, хотя въ тѣлѣ и во чревѣ Дѣвы: тотъ возвѣстилъ Грядущаго, раждаемаго отъ Дѣвы, для спасенія людей; а Сей, пріявъ существо наше, преобразилъ его въ Себя, возвративъ природѣ нашей образъ Божій и первое достоинство, непослушаніемъ Прародителей потерянное, и послѣ сего возсѣлъ *на небесахъ, превыше всякаго начальства, и власти, и силы, и всякаго имени, какимъ именуются* въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. (Еф. 1, 21. 22.) Ему слава, дер-

жава, честь и поклоненіе, съ безначальнымъ Отцемъ, и съ Пресвятымъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

XIII.

НРАВЫ ХРИСТІАНЪ СО ВРЕМЕНЪ КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

Евхаристія.

По окончаніи поученія, Діаконы повелѣвали выходить вонъ всѣмъ, кои не имѣли еще права присутствовать при совершеніи Евхаристіи, и вопервыхъ невѣрнымъ *). Потомъ молились объ оглашенныхъ, и имъ повелѣвали выйти; далѣе молились о бѣснуемыхъ, и ихъ высылали вонъ; наконецъ поступали также съ требующими крещенія и кающимися. Оставались одни вѣрные, и молились за всю Церковь, за весь клиръ и народъ, за страждущихъ всякаго рода, за своихъ враговъ и гонителей. Діаконъ, исполняя должность народнаго глашатая, объявлялъ, за кого надлежало молиться, а Священникъ произносилъ молитву. За симъ Епископъ снова привѣтствовалъ народъ, и Діаконъ восклицалъ громогласно: „Не имѣетъ ли кто чего на своего ближняго? не таитъ ли кто чего въ

*) Пост. Апост. кн. 8. гл. 6.

своемъ сердцѣ? лобзайте другъ друга."—И всѣ давали другъ другу лобзанія.

Послѣ сихъ приготовленій начиналось тайнодѣйствіе. Діаконы, съ помощію Иподіаконовъ, накрывали престолъ пеленою, и на другомъ столѣ, который у насъ называется жертвенникомъ, готовили св. сосуды, между прочимъ блюда и чаши; Епископъ сходилъ съ своего сѣдалища, и, лицемъ обращенный къ народу, подходилъ къ престолу, въ одеждѣ яркаго цвѣта, равно какъ Священники и прочіе служители церкви *).

Епископъ, стоя у престола, принималъ изъ рукъ Діаконовъ дары, которые приносилъ народъ. Въ нѣкоторыхъ же церквахъ онъ самъ выходилъ принимать приношенія отъ знатнѣйшихъ особъ, какъ то въ Римѣ отъ Сенаторовъ и ихъ женъ. На престолъ возлагались изъ приносимаго только хлѣбъ и вино, назначенныя быть матеріею св. жертвы; прочія вещи, какъ то свѣчи, сребро и все нужное для церкви, поручалось Діаконамъ, для храненія онаго въ особливомъ мѣстѣ *). Въ извѣстное время возлагались на престолъ

*) Тамъ же гл. 12.

**) Прав. Апост. 2.

еще начатки плодовъ, для благословенія ихъ по принесеніи Жертвы.

Въ Евхаристіи употреблялся только тотъ хлѣбъ, который былъ приносимъ вѣрными. Для сего требовалось, чтобы каждый изъ вѣрующихъ, по крайней мѣрѣ желающій пріобщаться, принесъ что—нибудь въ церковь; самъ Епископъ дѣлалъ отъ себя приношеніе. Такимъ образомъ хлѣбовъ было такъ много, что весь престолъ ими покрывался; должность Архидіакона въ семъ случаѣ была уложить всѣ сіи хлѣбы на престолѣ въ пристойномъ порядкѣ. Онъ ставилъ сюда также чашу съ виномъ, назначеннымъ къ освященію. Вино сіе, для большей чистоты, процѣживалось въ чашу сквозь серебряное ситечко.

По принесеніи хлѣба и вина, совершающій Жертву приносилъ также ладанъ, который изображаетъ молитвы вѣрныхъ; какъ то объяснено въ Апокалипсисѣ, гдѣ представляется Ангелъ, возносящій къ Богу сіи духовныя благовонія. (Апок. 8, 3. 4. 5.) Симъ ладаномъ кадили, какъ и теперь дѣлается, на престолъ, на дары, на клиръ и народъ. Для сего употреблялись самыя лучшія благовонія, росной ладанъ и другіе драгоцѣн-

нѣйшіе въ то время ароматы, и притомъ съ такимъ обиліемъ, что Римская Церковь имѣла, въ Сиріи и другихъ восточныхъ областяхъ, земли, опредѣленныя исключительно на то, чтобы доставлять ей растенія сего рода. Въ продолженіе приношеній пѣтъ былъ Псаломъ.

Въ самомъ началѣ приношеній двери затворялись, и тщательно хранились Діаконами и дверниками, кои при нихъ стояли, и никого не пропускали, даже изъ вѣрныхъ, прежде причащенія. Другіе Діаконы осторожно ходили по церкви, наблюдая за тишиною и благочиніемъ *). Одинъ изъ нихъ присматривалъ исключительно за отроками, коихъ мѣсто находилось близъ Епископскаго сѣдалища; что же касается до малолѣтныхъ дѣтей, то матери обыкновенно держали ихъ на рукахъ. Такимъ образомъ всѣ, съ глубокимъ вниманіемъ и въ благоговѣйномъ молчаніи, слушали молитвы, входящія въ составъ Евхаристіи. Служащій произносилъ оныя громко, и народъ отвѣтствовалъ: Аминь, подобно какъ на прочіе возгласы. Сіи молитвы были гораздо продолжительнѣе употребляемыхъ те-

---

*) Пост. Апост. кн. 8. гл. 11.

перь во время Литургіи *). Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ — творцы употребляемыхъ нынѣ Литургій, извлекли изъ оныхъ только существенное. Прежде же онѣ были сокращеніемъ всей исторіи вѣры; именно, въ нихъ приносилось благодареніе Богу вопервыхъ за сотвореніе, потомъ за обновленіе міра послѣ потопа, далѣе за призваніе Авраама, за милости, оказанныя народу Израильскому, и наконецъ за воплощеніе Сына Божія, и искупленіе Имъ рода человѣческаго.

По освященіи даровъ Епископъ сначала причащался самъ; потомъ раздавалъ причастіе Священникамъ, послѣ нихъ Аскетамъ или пустынножителямъ, Діакониссамъ, дѣвственницамъ и другимъ благочестивымъ женамъ, дѣтямъ, и наконецъ всему народу **). Для ускоренія сего дѣйствія, которое всегда производилось медленно, многіе Священники вмѣстѣ раздавали тѣло Господа, и многіе Діаконы разносили чашу; а чтобы въ семъ случаѣ не встрѣтилось замѣшательства, Священники и Діаконы ходили съ причастіемъ по ряду, подобно какъ при отбира-

*) Пост. Апос. гл. 12.

**) Тамъ же кн. 8. гл. 13. Прав. Ник. 17.

нія приношеній, такъ что всякой оставался на своемъ мѣстѣ. Мущины брали тѣло Христово въ руки, женщины въ полотенца, нарочно для сего изготовленныя *); дѣтямъ давались крупицы, оставшіяся отъ Евхаристіи, а неготовымъ къ причащенію—остатки хлѣба *вынутаго*, но не освященнаго, или, по нашему, Антидоръ. Въ продолженіе причащенія Св. Таинъ, пѣтъ былъ Псаломъ, изъ коего теперь поется одинъ стихъ. Съ четвертаго вѣка Христіане стали причащаться уже не такъ часто, какъ прежде, и св. Златоустъ жалуется, что многіе въ его время стояли при Божественной службѣ не причащаясь; что многіе сіе дѣлали только въ праздничные дни; и что были даже такіе, которые приступали къ Св. Тайнамъ не болѣе одного или двухъ разъ въ годъ **). Изъ всего сказаннаго доселѣ видно, что древняя Литургія была очень длинна. Посему-то Христіане въ день воскресный не находили для себя инаго дѣла, кромѣ служенія Богу. Св.

---

*) Евагр. Ист. кн. 4. гл. 36. Никиф. кн. 17. Ист. гл. 25.

**) Бес. 3. на Посл. къ Ефес. Бес. 17. на Посл. къ Евр.

Григорій *), желая показать, до какой степени доходятъ человѣческія слабости, говоритъ о себѣ, что онъ нерѣдко съ трудомъ могъ выстаивать на ногахъ три часа въ церкви за обѣднею.

Каждая служба сопровождалась пѣніемъ. Употребленіе онаго извѣстно и въ первыхъ вѣкахъ, но, по всей вѣроятности, усилилось еще болѣе съ свободою Церкви. Блаж. Августинъ **) приписываетъ св. Амвросію введеніе на западѣ псалмопѣнія, по примѣру Церквей восточныхъ. Василій Великій свидѣтельствуетъ, что въ его время пѣли въ церквахъ всѣ, мужи, жены, дѣти, и сравниваетъ ***) ихъ голоса съ шумомъ морскимъ. Онъ же говоритъ, что Псалмы пѣты были и въ частныхъ домахъ, и въ публичныхъ мѣстахъ, и что сіе пѣніе, по причинѣ особливой пріятности, способствовало къ сообщенію слушающимъ Божественныхъ чувствованій, въ Псалмахъ заключающихся, что составляетъ истинную цѣль пѣнія. Въ сіе время из-

---

*) Кн. 8. Пис. 35.

**) Август. Испов. кн. 9. 7.

***) Толк. на Псал. 1.

вѣстины были три напѣва, коихъ употребленіе опредѣлялось воспѣваемыми предметами: тихой или громкой, веселой или печальной, спокойной или страстной. Надобно думать, что духовные пѣвцы употребляли напѣвъ, сообразный съ величіемъ и святостію Вѣры, и что почитали за грѣхъ, воспѣвать священныя тайны и хвалы Богу гласомъ изнѣженнымъ, могущимъ разслабить душу и возжечь страсти.

Такимъ-то образомъ св. Епископы первенствующихъ вѣковъ старались употреблять все чувственно-пріятное, чтобы чрезъ то вдохнуть благочестивыя чувствованія въ самыя грубыя души. Вообразимъ себѣ Италійскихъ Христіанъ, на канунѣ Пасхи собравшихся, при Папѣ св. Львѣ, въ Латеранскую церковь. По благословеніи огня, когда отъ множества свѣтильниковъ сія священная ночь сдѣлалась свѣтлою, какъ день; безъ сомнѣнія, восхитительное было зрѣлище—видѣть сіе обширное мѣсто, наполненное несмѣтнымъ числомъ людей, при всемъ томъ безъ шума, безъ смятенія—каждаго, стоявшаго на томъ мѣстѣ, которое назначалъ возрастъ, полъ и санъ церковный. Тутъ между прочи-

ми являлись тѣ, кои въ эту же ночь долженствовали принять крещеніе, и тѣ, кои за два дня предъ симъ примирились съ Церковію, исполнивъ возложенное на нихъ покаяніе.

Зрѣніе повсюду встрѣчало мраморъ, картины, серебро, золото и драгоцѣнные камни, сіявшіе на священныхъ сосудахъ, особливо у престола. Молчаніе ночи прерывалось только чтеніемъ пророчествъ внятнымъ и разборчивымъ, и пѣніемъ стиховъ, которыя смѣняли одно другое, дабы чрезъ то быть тѣмъ пріятнѣе. При сей перемѣнѣ душа, поражаемая въ то же время множествомъ великихъ и прекрасныхъ предметовъ, съ большею, конечно, готовностію принимала Божественныя чтенія, бывъ къ тому приготовлена непрерывнымъ и постепеннымъ возвышеніемъ своихъ чувствъ.

Какъ смиренными казались Діаконы и прочіе служители Церкви, избранные и воспитанные симъ Пастыремъ, и служившіе въ его присутствіи, какъ въ присутствіи самого Бога, которое всегда ощущалось по ихъ благочестію! Но съ другой стороны сколь великимъ представлялся самъ Первосвященникъ,

толико уважаемый за свою мудрость, за свое краснорѣчіе, за свою ревность, за свое мужество, и за всѣ прочія его добродѣтели! Съ какимъ благоговѣніемъ, и съ какимъ чувствомъ благочестія, произносилъ онъ молитвы надъ святою купѣлію—молитвы имъ самимъ сочиненныя, и которыя преемники его находили столь святыми, что сохранили оныя донынѣ въ теченіе 14 столѣтій! Не удивительно послѣ сего, что Христіане въ сихъ случаяхъ забывали попеченіе о тѣлѣ своемъ, и что послѣ пощенія чрезъ цѣлой день, проводили еще цѣлую ночь на Свѣтлое Воскресеніе во бдѣніи и молитвахъ, не принимая пищи прежде утра.

Праздники, путешествія къ святымъ мѣстамъ.

Но по наступленіи сего великаго дня, полагавшаго конецъ посту, святые мужи не только позволяли, но даже повелѣвали подкрѣплять тѣло пищею. Сколь ни полезенъ былъ постъ для возвышенія души къ Богу, и для одушевленія молитвы, составлявшей цѣль праздничныхъ дней; не позволялось однакожъ поститься ни въ воскре-

сенье, ни въ праздничные дни, ни въ продолженіе всей Пятьдесятницы. Симъ именемъ назывались тогда, какъ у насъ теперь, пятьдесятъ дней, проходившихъ отъ св. Пасхи до Пятьдесятницы. Египетскіе пустынники брали всѣ предосторожности, дабы сіе кратковременное послабленіе не похитило у нихъ плода соблюденныхъ постовъ; но и они на извѣстные дни полагали отмѣну. Св. Пахомій, по повелѣнію св. Палемона, своего наставника, приготовилъ въ день Пасхи зелень съ масломъ, вмѣсто сухаго хлѣба, которой они обыкновенно употребляли. Что позволялись и другія невинныя для чувствъ удовольствія, сему служитъ примѣромъ св Антоній, который въ Пасху и Пятьдесятницу надѣвалъ подрясникъ изъ пальмовыхъ листьевъ, доставшійся ему послѣ св. Павла, перваго пустынножителя; и св. Аѳанасій, который наряжался въ мантію, отказанную ему св. Антоніемъ.

Память Мучениковъ сопровождалась празднованіемъ и привлекала великое стеченіе народа. Воскресенье и дванадесятые праздники каждый обязанъ былъ праздновать со своимъ Епископомъ; но коль скоро гдѣ совершалась

память Святаго, туда стекались Христіане со всѣхъ сторонъ, и нерѣдко сходились многіе Епископы. По одному примѣру можно судить о прочемъ. Святый Павлинъ насчитываетъ болѣе двадцати именъ, какъ городовъ, такъ и областей въ Италіи, изъ коихъ жители ежегодно приходили толпами съ своими женами и дѣтьми на праздникъ св. Феликса, несмотря на суровость времени (14 Генваря); и это для одного Исповѣдника, въ одинъ городъ Нолу. Сколько же собиралось по всему Христіанству? Сколько собиралось въ Римъ на праздникъ св. Ипполита, св. Лаврентія, Апостоловъ Петра и Павла? Сюда приходили даже изъ отдальнѣйшихъ мѣстъ и во всякое время: и сіе было началомъ путешествій ко святымъ мѣстамъ. Извѣстно о св. Александрѣ, что онъ, въ началѣ 3 вѣка, былъ избранъ Епископомъ Іерусалимскимъ по тому случаю, что пришелъ изъ Каппадокіи для поклоненія святымъ мѣстамъ *).

Дѣйствительно это было одно изъ лучшихъ средствъ, питать благочестіе чрезъ чувства. Воззрѣніе на мощи Святаго, на

*) Евсев. Ист. кн. 6. гл. 10.

его гробъ, на его темницу, на его узы, на орудіе его мученической смерти, производило совершенно другое дѣйствіе, нежели слышаніе о томъ издалека. Къ тому же здѣсь происходили многія чудеса, которыя самыхъ невѣрныхъ привлекали побужденіемъ живонтолюбія. Всякому извѣстно, что первый случай, въ которомъ открылась свобода Христіанства, было путешествіе, предпринятое св. Еленою для посѣщенія св. мѣстъ Іерусалима и всей святой земли *); потому-то съ сего времени путешествія туда содѣлались еще чаще, нежели прежде. Когда крестъ изъ свѣта явился въ Іерусалимѣ, въ самой полдень, при Имп. Констанціѣ; въ сіе время находилось тамъ множество путешественниковъ изъ всѣхъ странъ свѣта, которые были свидѣтелями сего чуда **). Блаж. Іеронимъ, самъ бывшій въ Іерусалимѣ, сказываетъ, что во всякое время можно видѣть тамъ великое стеченіе разноплеменныхъ людей, даже Учителей и Епископовъ ***). Сіи путешествія не были слишкомъ затруднитель-

*) Евс. жизн. Конст. кн. 3. гл. 42. и пр.

**) Кирил. Пис. къ Конст. Созом. Ист. кн. 4. гл. 25.

***) Іерон. къ Маркелл.

ны, по причинѣ обширности Римскаго государства, по выгодности его положенія около Средиземнаго моря, по множеству большихъ дорогъ, которыя всюду надѣланы были для проѣзда почты. Тогда съѣздить изъ Испаніи или Галліи въ Египетъ, Палестину или Азію; не почиталось великимъ дѣломъ.

Впрочемъ для празднованія Мученикамъ нужно было ходить на мѣста ихъ страдальческой кончины только дотолѣ, пока не вошло въ обыкновеніе раздроблять или переносить мощи, что дѣлаемо было особенно на востокѣ; ибо въ Римѣ, какъ свидѣтельствуетъ Папа Григорій *) вразсужденіи мощей Апостольскихъ, даже до его времени ходили по рукамъ только полотенца (brandea), висѣвшія при ихъ гробахъ, или золотые сосудцы съ опилками отъ узъ Петровыхъ. Каждый народъ за счастіе почиталъ хранить сіи мощи, какъ залоги покровительства Святыхъ, и особливаго благословенія Божія на городъ и область; къ сему присоединились въ послѣдствіи и временныя выгоды. Стеченіе Богомольцевъ обогащало города; а почтеніе ко Святымъ, въ нихъ почивавшимъ, побуждало

*) Григ. кн. 3. Пис. 30.

Государей усвоять имъ права прибѣжища и свободы отъ податей, какъ то сдѣлалъ Константинъ въ пользу Еленополя въ Виѳиніи *). Извѣстно, какъ лестно было во Франціи увольненіе отъ податей, данное Сен-Мартину, и то уваженіе, которое Готѳы оказали церкви св. Петра по взятіи Рима **).

Соборы.

Соборы съ свободою Церкви сдѣлались свободнѣе, и слѣдовательно чаще. Сіе не означаетъ того, чтобы ихъ не бывало въ первыхъ вѣкахъ. Ибо въ концѣ втораго вѣка мы находимъ многіе соборы въ разныхъ областяхъ, состоявшіеся по причинѣ спора о времени празднованія Пасхи ***). Тертулліанъ *), жившій около сего времени, говоритъ о соборахъ, бывшихъ въ Греціи, и начинавшихся общимъ постомъ. Св. Кипріанъ упоминаетъ о многихъ Африканскихъ соборахъ, гораздо древ-

*) Сокр. кн. 1. гл. 18.

**) Ороз. кн. 7. Ист. гл. 39.

***) Евс. кн. 5. Ист. гл. 23.

*) Терт. о постѣ гл. 13.

нѣйшихъ его времени; самъ онъ созывалъ многіе соборы, и часто говоритъ, что надобно выжидать удобнаго случая, дабы привесть въ порядокъ важныя дѣла Церкви, какъ на прим. примиреніе съ Церковію падшихъ во время гоненія. Но онъ въ то же время замѣчаетъ, что гоненія препятствовали соборамъ; потому что Епископы и Священники расходились и укрывались отъ гонителей, которые ихъ наиболѣе искали *).

По сей причинѣ, когда гоненія совершенно прекратились, областные соборы стали быть чаще и опредѣленнѣе, то есть, два раза въ годъ, какъ положено на соборѣ Никейскомъ, и начали составляться соборы вселенскіе, то есть, изъ всѣхъ Церквей существовавшихъ на землѣ, по дѣламъ особенно важнымъ и существеннымъ въ Религіи. Бытіе областныхъ соборовъ почиталось столь нужнымъ, что Евсевій полагаетъ **) между главными признаками Лициніева гоненія стараніе его препятствовать соборамъ. Они составляли обыкновенное судилище, гдѣ рѣшались всѣ дѣла Церкви, коихъ важность

*) Евс. Истор. кн. 7. гл. 30.

**) Евс. Жизн. кн. 1. гл. 51.

превышала мѣру власти одного Епископа; ибо всѣ вѣрили, что сила церковныхъ рѣшеній и правилъ состоитъ существенно въ согласіи Пастырей, которое нигдѣ лучше не можетъ быть засвидѣтельствовано, какъ среди священныхъ собраній. Здѣсь судили самыхъ Епископовъ; здѣсь ихъ рукополагали; обращалось, между прочимъ, вниманіе на освященія церквей, часто бывавшія при Константинѣ *), на возобновленіе храмовъ, разрушенныхъ гоненіемъ. Подробнѣе образъ производства древнихъ соборовъ можно видѣть на четвертомъ Толедскомъ соборѣ.

Обряды покаянія.

Къ симъ же временамъ Христіанской свободы должно относить обряды, кои всенародно соблюдались въ продолженіе церковныхъ постовъ, особливо въ великій постъ. Въ сіе время всякой обязанъ былъ поститься; ни состояніе, ни возрастъ не могли служить отговорками **). Всѣ дѣла прекращались; въ

*) Евс. Ист. кн. 10. гл. 3.

**) Васил. 2. о постѣ. Іерон. Пис. 7. къ Летам. 22. къ Евстах. Злат. Бес. 1. на кн. Бытія.

многолюдныхъ городахъ становилось тихо, какъ въ пустынѣ; вѣрные большую часть дня проводили въ церкви, на молитвѣ, слушая чтеніе и поученія, отъ чего произошло, что служба въ сіи дни и у насъ бываетъ продолжительнѣе; не позволялось совершать браковъ, забавляться охотою, хотябы то было безъ нарушенія поста; кромѣ того было обыкновеніе не заниматься судопроизводствомъ въ продолженіе великаго поста, не ходить съ оружіемъ, ни даже путешествовать, безъ крайней нужды.

Всѣ сіи обряды были знаками покаянія, для коего назначался преимущественно постъ; и посему-то откладывалось до великаго поста пріуготовленіе готовившихся къ крещенію, и возстановленіе падшихъ послѣ крещенія. Въ слѣдъ за веселіемъ праздниковъ Рождества Христова и Богоявленія, начиналось моленіе объ отпущеніи грѣховъ, и побужденіе грѣшниковъ къ покаянію, какъ это дѣлается и теперь въ великую четыредесятницу; ибо сію именно цѣль имѣетъ вся служба, отправляемая въ сіе время. Такъ чтеніе Бытія внушаетъ могущество Создателя, Его правосудіе, Его строгость: здѣсь пред-

ставляется Адамъ, изгнанный изъ рая земнаго; преступный міръ, наказанный потопомъ; четыре нечестивые града, попаленные небеснымъ огнемъ. Никто не освобождался отъ покаянія, сколько бы великъ онъ ни былъ на землѣ; Государи подвергались оному также, какъ частные люди. Покаяніе Θеодосія Великаго служитъ разительнѣйшимъ сего примѣромъ; Императоръ Филиппъ также несъ покаяніе въ половинѣ третьяго вѣка *).

Истребленіе ересей.

Власть Императоровъ способствовала къ истребленію большей части древнихъ ересей, запрещеніемъ собираться послѣдователямъ оныхъ и повелѣніемъ отыскивать ихъ книги **). Когда Императоры были изъ язычниковъ, тогда правовѣрные столь же мало имѣли свободы, какъ и еретики: потому что язычники не дѣлали между ими разбора; они ненавидѣли и преслѣдовали равно всѣхъ,

---

*) Евс. Ист. кн. 6. гл. 34.

**) Созом. Ист. кн. 2. гл. 32.

называвшихся Христіанами. Но по законамъ Константина и его преемниковъ, еретики не смѣли собираться ни явно, ни тайно, бывъ подъ строгимъ надзоромъ Епископовъ. По сей причинѣ многіе изъ нихъ присоединились къ Церкви, иные искренно, другіе притворно, и тѣ, кои пребывали упорными въ своемъ заблужденіи, умирали не оставляя послѣдователей своего ученія. Ибо секты сіи большею частію были малочисленны, по причинѣ странности своего ученія, и безпорядочной жизни многихъ ересеначальниковъ. Такимъ образомъ вскорѣ изчезла самая память о Валентиніанахъ, Гностикахъ, Маркіонитахъ, и другихъ не столь важныхъ сектахъ; Манихеи существовали долѣе прочихъ, не смотря на смертную казнь, имъ объявленную. Аріяне, при жизни Константина, не составляли еще отдѣльнаго общества; а при его преемникахъ поддерживались единственно покровительствомъ. Ибо вообще ересь, какъ человѣческое изобрѣтеніе, не можетъ долго стоять противъ гоненія.

Всегда полагалось правиломъ, чтобы Церковь никого не наказывала смертію. Всѣ Церкви гнушались поступкомъ Епископа Итакскаго, ко-

торый приговорилъ къ смерти ересеначальника Прискилліана; и мы имѣемъ многія письма Бл. Августина *), въ которыхъ онъ испрашиваетъ у судей милости Цирконцилліанамъ (родъ Донатистовъ), обличеннымъ въ ужасныхъ насиліяхъ и даже убійствахъ, причиненныхъ ими правовѣрнымъ. Онъ пишетъ, что судіи обезславятъ ихъ страданія, предавъ смерти тѣхъ, кои доставили имъ славу мученичества, и что, если не согласятся наказать виновныхъ инымъ образомъ, то симъ отнимутъ у Церкви смѣлость требовать себѣ правосудія.

Нравы Духовенства.

Свобода Церкви произвела нѣкоторую перемѣну въ образѣ жизни Епископовъ и прочихъ Духовныхъ. Они начали носить нѣкоторыя внѣшнія отличія ихъ званія; хотя, справедливѣе сказать, различіе одежды сдѣлалось ощутительнымъ уже послѣ владычества варваровъ, подъ коимъ Духовные сохранили одежду древнихъ Грековъ и Римлянъ, вмѣстѣ съ ихъ законами и ихъ языкомъ.

*) Август. Пис. 100. 133. 134. 139.

Многіе изъ Духовныхъ вели общежительство, какъ совершеннѣйшій родъ жизни, по примѣру Церкви Іерусалимской. Таковые жили въ одномъ домѣ, ѣли въ одной комнатѣ или, по крайней мѣрѣ, не имѣли ничего собственнаго и содержались на одномъ иждивеніи Церкви. Это было великое семейство, имѣвшее Епископа своимъ отцемъ. Такъ жили Духовные подъ начальствомъ Евсевія, Мартина, Августина; ихъ называли Каноииками въ отличіе отъ тѣхъ, которые жили особенно, не получая содержанія отъ Церкви.

Тѣ, кои не принадлежали къ общежительству, жили по крайней мѣрѣ по два или по три вмѣстѣ. Священники, приставленные къ сельскимъ Церквамъ, держали у себя молодыхъ Церковниковъ для обученія ихъ, и образованія нравовъ, и вмѣстѣ для того, чтобы они были свидѣтелями ихъ поведенія. Ибо всѣмъ посвященнымъ служителямъ Церкви, какъ то Священникамъ, Діаконамъ и Иподіаконамъ повелѣвалось имѣть взаимный надъ собою надзоръ, дабы жизнь ихъ была неукоризненною.

Духовнымъ оказываемо было великое почтеніе. Хотя Епископы не имѣли участія въ

государственныхъ должностяхъ, и вели себя, какъ простые граждане, безъ пышности и внѣшняго блеска: однакожъ сіе не препятствовало быть имъ въ почтеніи у властей и у самыхъ Государей. Извѣстны почести, которыя Константинъ оказалъ Отцамъ, собраннымъ въ Никеѣ. Императоръ Максимъ пригласилъ къ своему столу св. Мартина, съ однимъ изъ его Священниковъ, и Императрица, его супруга, сама прислуживала гостямъ.

Въ сіе время у Римлянъ былъ обычай приписывать всѣмъ почетнымъ особамъ различные титулы: illustris (знаменитый), gloriosus, clarissimus (сіятельный),—соотвѣтственные ихъ чинамъ. Епископамъ усвоялся титулъ Святѣйшества; къ нему присоединялись названія: благочестивый, набожный, Боголюбезный и другія подобныя. Сіи титулы столь неотъемлемы были отъ Епископовъ, что давались имъ даже при обвиненіи ихъ на судилищѣ, на прим. Несторію на соборѣ Ефесскомъ, и Діоскору на соборѣ Халкидонскомъ. Тѣми же титулами величали и неправославныхъ Епископовъ; такъ, въ засѣданіи Карфагенскомъ, Бл. Августинъ называетъ

Эмерита и Петиліана Святѣйшими, хотя оба они были Донатисты. Не употребить сего титула, значило бы ихъ обидѣть.

Названіе Папы, означающее отца, нѣжно занимающагося своими дѣтьми, весьма долго было общее всѣмъ Епископамъ, и понынѣ еще дается Священникамъ въ Греческой и нашей Греко-Россійской Церкви. Столь же общее Епископамъ было названіе Владыкъ; такъ въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ обыкновенно писали на письмахъ: Святѣйшему, Благочестивѣйшему и Достопочтеннѣйшему Владыкѣ N. Епископу и проч. Кромѣ сего было въ обыкновеніи, какъ выше замѣчено, кланяться имъ до земли, и цѣловать ихъ ноги; каковую почесть удержали за собою донынѣ Римскіе Папы.

Почтеніе, въ какомъ Епископы находились у свѣтскихъ властей, весьма способствовало имъ ходатайствовать за вдовъ, сиротъ, и другихъ несчастныхъ, достойныхъ сострадація, особливо же испрашивать жизнь преступникамъ, приговореннымъ къ смерти *). Сіе не потому, чтобы они мало уважали правосудіе; но потому, что знали многіе

*) Авг. Пис. 54. къ Макед.

примѣры безчеловѣчія, и притомъ пеклись о спасеніи душъ. Это было, безъ сомнѣнія, сильнѣйшимъ побужденіемъ, привлечь помилованныхъ къ покаянію и крещенію; таковые опыты милосердія содѣлывали Церковь достойною любви въ глазахъ самыхъ язычниковъ.

Бѣдность Духовенства.

Не смотря на всѣ сіи почести, бѣдность была какъ бы всегдашнимъ удѣломъ Духовенства. Въ Африкѣ Духовные, сколько бы кто изъ нихъ ни былъ свѣдущъ въ Словѣ Божіемъ, обязывались обработывать землю или заниматься какимъ нибудь ремесломъ, достаточнымъ для содержанія, безъ всякаго разбора ихъ должностей. Вѣроятно, что симъ занимались болѣе низшіе служители Церкви, наипаче женатые, нежели Діаконы и Священники, и безъ того занятые весьма много. Впрочемъ св. Епифаній свидѣтельствуетъ *), что многіе и изъ Епископовъ и Священниковъ съ проповѣдію Евангелія соединяли тѣлесной трудъ, избирая ремесла, сооб-

*) Епиф. Ерес. 80.

разныя ихъ сану и ихъ занятіямъ. И сіе не потому, чтобы они не вѣдали своего права, по коему могли получать содержаніе отъ народа, но опасаясь, чтобы не быть кому нибудь въ тягость, и желая съ избыткомъ подавать милостыню. Св. Василій извиняется предъ Евсевіемъ Самосатскимъ, почему онъ давно къ нему не писалъ, тѣмъ, что Духовные его были заняты домашними работами, отъ которыхъ они получали пропитаніе, и которыя не позволяли имъ отлучиться отъ дома.

Но изъ какого бы источника ни получало содержаніе Духовенство, всегда поставлялось ему въ обязанность, служить примѣромъ умѣренности и скромности Христіанской. Африканскія правила предписываютъ Епископамъ, имѣть столъ умѣренный и вещи въ домѣ дешевыя. Бл. Августинъ весьма строго исполнялъ сіи правила, по свидѣтельству Поссидія. Что касается до одежды, то онъ не хотѣлъ носить платья, котораго бы нельзя было надѣть Иподіакону, или отдать нищему. Св. Павлинъ, въ то же время жившій, употреблялъ въ домѣ деревянныя блюда и глиняные сосуды, послѣ того какъ оста-

вилъ добровольно свое несмѣтное богатство. Св. Мартинъ осматривалъ свою паству, ѣздя на ослѣ, и одѣтый въ бѣдное рубище. Достойны удивленія были, со стороны воздержанія и постничества, Лупъ, Германъ и Иларій. О св. Епифаніѣ, Епископѣ Пиктавійскомъ сказываютъ, что онъ не ходилъ въ баню, не ужиналъ, и питался только зеленью и овощами.

На востокѣ св. Василій ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣба съ солью, пилъ одну воду и ходилъ въ простомъ полукафтаньѣ. Григорій Назіанзенъ велъ подобный образъ жизни. Враги Іоанна Златоустаго, между прочимъ, утверждали свои клеветы тѣмъ, что онъ употреблялъ пищу безъ свидѣтелей, и велъ самую скрытную жизнь. Да и самъ онъ *) порицаетъ Епископа, который бы сталъ носить шелковое платье, ѣздить на лошади, въ сопровожденіи множества слугъ, и заводить строеніе безъ нужды; такъ какъ и былъ сего примѣръ въ Павлѣ Самосатскомъ, жившемъ вѣкомъ ранѣе, и осужденномъ на соборѣ за то, что жилъ роскошно, употреблялъ многія кушанья, щегольски одѣвал-

*) Бес. 9. на Посл. къ Филим.

ся, прогуливался по городу въ сопровожденіи предходящихъ и послѣдующихъ слугъ, уподобляясь болѣе какому нибудь величавому Градоначальнику, нежели смиренному Епископу. Не посмотрѣли на то, что онъ былъ Епископъ Антіохіи, столицы Востока и третьяго города по Римѣ.

Привычка, видѣть Епископовъ смиренными, имѣла такую силу, что малѣйшее невинное отступленіе отъ правилъ самоотверженія подавало случай, издѣваться надъ ними душамъ злобнымъ и продерзкимъ. Тотъ же Златоустый, жалуясь на сіе, говоритъ *): „Есть люди, вмѣняющіе Епископу въ порокъ даже то, что онъ ходитъ въ баню, что употребляетъ пищу и одежду, подобно другимъ, что имѣетъ человѣка для услуги и лошака для ѣзды". Такъ Амміанъ Маркеллинъ, язычникъ и врагъ Христіанства, не оставляетъ безъ вниманія внѣшнее отличіе, какое примѣчалось, подъ конецъ четвертаго вѣка, между Папою и областными Епископами, надѣясь выставить достойнымъ осужденія то, что Епископъ Столицы свѣта имѣлъ колесницу, для разъѣзда по разнымъ частямъ сего

*) Бес. 2. на Посл. къ Титу.

обширнаго города, носилъ великолѣпное платье, и держалъ богатый столъ, за коимъ употреблялось все, что было наилучшаго въ Имперіи. Положимъ, что это правда: ибо Григорій Назіанзенъ, заслуживающій большее вѣроятіе, почти также отзывается о столичныхъ Епископахъ. Но Амміанъ не соглашается въ томъ, что были въ самыхъ столицахъ Епископы, благоугождавшіе предъ Богомъ и людьми воздержностію въ пищѣ, скромностію въ одеждѣ, и кротостію въ поступкахъ. Св. Іеронимъ, приводя на сіе примѣры, называетъ Папу Анастасія богатымъ бѣдностію; и въ послѣдующемъ вѣкѣ Діонисій малый говоритъ, что Папа Геласій былъ бѣденъ самъ, ради обогащенія другихъ.

Домы человѣколюбія.

Сія бѣдность Духовныхъ была тѣмъ похвальнѣе, что въ ихъ распоряженіи находились значительныя сокровища Церкви, которыя если они и употребляли, то не для своей пользы, но для пользы ближнихъ и преимущественно на построеніе домовъ человѣколюбія. Надобно отдать честь зако-

намъ Грековъ и Римлянъ въ изгнаніи праздности и тунеядства; но у нихъ не было общественнаго закона о призрѣніи бѣдныхъ, неспособныхъ ни къ какому дѣлу.

Общее было мнѣніе, что такимъ лучше умереть, нежели жить безъ пользы и страдая; потому-то многіе, у коихъ оставалось нѣсколько духа, въ семъ случаѣ сами себя убивали. Христіане, имѣя главнымъ предметомъ своей дѣятельности спасеніе душъ, ни одной не оставляли въ пренебреженіи; и тѣ, кои покинуты были всѣмъ свѣтомъ, имѣли полное право на ихъ попеченіе. Они принимали на свое содержаніе бѣдныхъ, не только изъ единовѣрцевъ, но изъ самыхъ язычниковъ. Сіе засвидѣтельствовалъ Іуліанъ отступникъ, когда далъ повелѣніе Арзаку, Намѣстнику Галатіи, учредить, по примѣру ихъ, гостинницы и сборы въ пользу бѣдныхъ. Онъ приписывалъ распространеніе Христіанства преимущественно тремъ причинамъ: призрѣнію бѣдныхъ, попеченію о похоронахъ, и степенной жизни.

Христіане помогали бѣднымъ двоякимъ образомъ. Или раздавали имъ только милостыню, оставляя ихъ жить, гдѣ кто мо-

женъ. Для сего въ каждой части Рима находилось мѣсто (называвшееся diaconium), составлявшее какъбы милостынную контору, гдѣ предсѣдательствовалъ Діаконъ, и имѣлъ на своей отвѣтственности то, что было поручаемо ему для раздачи. Или, что еще благодѣтельнѣе было для бѣдныхъ, давали имъ самый пріютъ, и содержали за общимъ столомъ. Вотъ для чего тотчасъ, по освобожденіи Церкви отъ гоненій, стали строиться многіе домы человѣколюбія, которые у насъ извѣстны подъ общимъ названіемъ богадѣлень, но которые у Грековъ отличались различными наименованіями, смотря по разнымъ родамъ бѣдныхъ. Такъ домъ, гдѣ воспитывали малолѣтныхъ дѣтей, на прим. подкидышей и другихъ, назывался *βρεφοτροφιον* (воспитательной домъ); гдѣ содержались сироты,—*ορφανοτροφιον* (сиротскій домъ); гдѣ лежали больные,—*νοσοκομιον* (больница); гдѣ помѣщались чужестранцы и путешественники,—*ξενοδοχιον* (гостинница); гдѣ жили люди престарѣлые,—*γεροντοκομιον* (домъ для старцевъ); гдѣ заключались бѣдные всякаго рода,—*πτωχοτροφιον* (богадѣльня). Сіи домы человѣколюбія находились во всѣхъ

большихъ городахъ. Смотрителемъ оныхъ обыкновенно бывалъ Священникъ, какъ на прим. въ Александріи Исидоръ при Патріархѣ Ѳеофилѣ, въ Константинополѣ Зотикъ и послѣ Сампсонъ. Были люди, которые содержали оные домы на своемъ коштѣ, какъ то извѣстно о Паммахіѣ и Галликанѣ. Сей послѣдній былъ Патрицій и Консулъ, почтенный всѣми знаками отличія и дружбою Императора Константина; множество зрителей собиралось смотрѣть на столь великаго человѣка, какъ на нѣкоторое чудо, когда онъ умывалъ ноги бѣднымъ, прислуживалъ имъ за столомъ, и дѣлалъ больнымъ всякія другія пособія.

Человѣколюбивые Епископы ничего не щадили на упомянутыя издержки. Сверхъ сего они весьма заботились о погребеніи бѣдныхъ, о выкупѣ плѣнныхъ, которые попадались въ руки варваровъ, какъ то часто случалось при упадкѣ Римской Имперіи. Они распродавали иногда священные сосуды, дабы удовлетворить симъ двумъ послѣднимъ нуждамъ. Достопамятнымъ примѣромъ сего служитъ Ексуперъ, Епископъ Тулузскій, который чрезъ сіе доведенъ былъ до такой нищеты, что

носилъ тѣло Господне въ корзинкѣ и кровь въ сткляницѣ. А Павлинъ, Епископъ Нольскій, поелику ничего уже не имѣлъ, продалъ самого себя въ рабство, дабы искупить сына нѣкоторой вдовы. Такимъ образомъ великія церковныя сокровища, состоявшія изъ злата и сребра, были не что иное, какъ залоги, хранившіеся въ церквахъ до времени, въ которое могли быть употреблены съ пользою, какъ на прим. въ случаѣ общественнаго бѣдствія, глада, язвы и т. п. Всѣмъ жертвуемо было на пользу живыхъ храмовъ Духа Святаго. Выкупали на волю даже тѣхъ, кои служили въ Имперіи, особливо если то были Христіане, служившіе у кого нибудь изъ язычниковъ или Іудеевъ.

Монастыри.

Наконецъ въ сіе время, то есть, съ свободою Церкви, начали основываться Монастыри. Еще во времена гоненій многіе изъ Христіанъ удалялись въ пустыни, особливо ближайшія къ Египту; и нѣкоторые изъ нихъ оставались тамъ до конца своей жизни, какъ то св. Павелъ, коего почитаютъ первымъ

пустынножителемъ. Св. Антоній, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подвижничества, проведенныхъ имъ близъ мѣста его рожденія, удалился въ пустыню, дабы подвизаться съ большею свободою и безопасностію, въ удаленіи отъ всѣхъ соблазновъ, встрѣчающихся въ мірѣ. Онъ первый собралъ учениковъ въ пустынѣ, и завелъ общежитіе. Они стали называться уже не просто Аскетами, хотя вели тотъ же самый образъ жизни, но Монахами, то есть, уединенными, или Еремитами, то есть, пустынножителями. Изъ нихъ самихъ одни были Киновиты (общежители), которые жили обществомъ, другіе Анахореты (отшельники), которые удалялись въ совершенное уединеніе, проживъ нѣсколько лѣтъ въ обществѣ, и научившись побѣждать свои страсти. Киновиты, хотя жили обществомъ, не переставали быть весьма уединенными; потому что, живучи вдали отъ всякаго селенія, притомъ въ песчаныхъ степяхъ, гдѣ путешествующій долженъ запасаться самою водою, они никого не видали, кромѣ своихъ собратій. Да и сами другъ съ другомъ видѣлись только вечеромъ и ночью въ часы молитвы, проводя весь день за ра-

бошою въ своихъ кельяхъ, по одиначкѣ или по двое, и всегда сохраняя глубокое молчаніе. Къ шомужъ кельи сіи находились одна отъ другой въ значительномъ разстояніи: ибо, по причинѣ обширности мѣста, онѣ не имѣли недостатка въ просторѣ.

Св. Антоній, св. Иларіонъ, св. Пахомій и другіе, слѣдовавшіе по ихъ стопамъ, не имѣли намѣренія ввести что нибудь новое, или превзойти въ святости своихъ предковъ. Они хотѣли только поддержать правила строгой жизни Евангельской, кои казались упадающими со дня на день. Всегдашними образцами ихъ служили прежде бывшіе Аскеты, какъ то ученики св. Марка, кои, по свидѣтельству Кассіана, жили около Александріи, затворясь въ домахъ, проводя день въ молитвѣ, въ размышленіи объ истинахъ Писанія, въ рукодѣльяхъ, и вкушая хлѣбъ уже ночью. Они ставили себѣ въ примѣръ первенствующихъ Христіанъ Іерусалимской Церкви, Апостоловъ, и Пророковъ; и сіе подражаніе дѣлали не съ тѣмъ, чтобы удивить свѣтъ необыкновеннымъ родомъ жизни, но единственно чтобы содѣлаться истинными Христіанами. Доказательствомъ того служатъ пра-

вила Василія Великаго, которыя суть не что иное, какъ сокращеніе Евангельской нравственности, способное ко всеобщему употребленію. Здѣсь на прим. объ одеждѣ говорится, что Христіанинъ долженъ довольствоваться прикрытіемъ своей наготы, и защищеніемъ себя отъ холода и другихъ воздушныхъ перемѣнъ, и, если возможно, довольствоваться однимъ платьемъ, которое бы служило днемъ и ночью. Въ семъ правилѣ не много можно найти такого, что бы исключительно относилось къ людямъ, отрекшимся отъ міра.

Если что было исключительнымъ правиломъ для однихъ Монаховъ, то развѣ отреченіе отъ супружества, отъ стяжанія временныхъ благъ, отъ частаго сообщенія съ мірскими людьми, хотябы то были вѣрные и даже родные. Все прочее, какъ-то прокормленіе себя своими трудами, храненіе молчанія, упражненіе въ борьбѣ съ своими страстями, имѣющее цѣлію пріобрѣтеніе той чистоты сердца, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ къ созерцанію Бога, (Матѳ. 5, 8.) —все сіе равно относилось и къ добрымъ мірянамъ, и служило началомъ всей ихъ дѣя-

тельности. Св. Златоустый расказываетъ объ одной женщинѣ, которая, желая сдѣлать сына своего истиннымъ Христіаниномъ, упросила нѣкоего добродѣтельнаго Монаха, быть его наставникомъ. И сей святой мужъ не иначе преподавалъ наставленія въ благочестіи, какъ только пріучая своего ученика, тайно исполнять всѣ обязанности монашества, подъ видомъ жизни общественной.

Непрерывный постъ сначала введенъ къ обузданію невоздержанія, потомъ сталъ служить къ предотвращенію искушеній со стороны плоти, и къ содѣланію духа свободнѣйшимъ и способнѣйшимъ заниматься духовными предметами. Но постившіеся были столь благоразумны, что умѣли соблюдать въ себѣ довольно силъ для непрерывнаго труда, для постояннаго бдѣнія, и жили весьма долго, не зная болѣзней. Житія Святыхъ показываютъ намъ, что большая ихъ часть скончавались на 80 или 90 году, многіе проживали до ста лѣтъ, а нѣкоторые еще далѣе. Замѣчательно, что таковые примѣры долголѣтія встрѣчаются особливо между Египтянами, которые почитались мудрѣйшимъ народомъ, и которые послѣ здравыхъ

*

разсужденій, основанныхъ на долговременномъ опытѣ, ввели въ обычай прекращать ежедневный постъ въ девять часовъ (по нашему въ два часа по полудни) съѣденіемъ двухъ небольшихъ хлѣбцовъ, вѣсомъ обоихъ въ 12 унцій, и питіемъ одной воды.

Уединеніе служило защитою отъ искушеній сладострастія и корыстолюбія, истребляя, сколько возможно, даже воспоминаніе предметовъ, оныя возбуждающихъ. Уединенные побѣждали корыстолюбіе свое крайнею нищетою, строгимъ исполненіемъ обѣта, не имѣть ничего собственнаго, и отдавать бѣднымъ то, что оставалось у нихъ послѣ дневнаго пропитанія отъ вырученнаго ими за труды; таковыхъ подаяній скоплялось иногда столь много, что, по свидѣтельству Августина, нагружали оными цѣлые корабли. Гнѣвъ побѣждали они молчаніемъ и содружествомъ, располагавшимъ каждаго, быть снисходительнымъ къ недостаткамъ другаго; лѣность—непрестаннымъ трудомъ; скуку—молитвою и псалмопѣніемъ; тщеславіе и гордость—безотвѣтнымъ послушаніемъ и терпѣніемъ.

Одни изъ Монаховъ работали на полѣ или

на себя, или, вмѣстѣ съ прочими работниками, нанявшись у другихъ жать и собирать виноградъ. Другіе, болѣе совершенные въ духовной жизни, опасаясь развлеченія сопряженнаго съ полевыми трудами, не выходили изъ своихъ келій, и занимались въ нихъ плетеніемъ изъ тростника рогожъ, корзинъ, и другими подобными рукодѣліями, которыя не мѣшали имъ размышлять о Св. Писаніи, и имѣть духъ всегда устремленный къ Богу. Никто не сидѣлъ безъ дѣла; и тѣ, кои думали замѣнить всякой трудъ одною молитвою (Евхиты и Мессаліяне), почитались неправославными *).

Сей образъ жизни судя по наружности, толико суровый и грубый, въ самомъ дѣлѣ представлялъ Монаховъ достойными презрѣнія въ глазахъ плотскихъ людей. Они злобно издѣвались надъ ними; нѣкоторые, болѣе дерзкіе, даже ихъ били, вытаскивали изъ келій и волочили въ судъ, что однакожъ служило только къ большей славѣ ихъ смиренія и терпѣливости. Ибо они были въ любви и почтеніи у всѣхъ разсудительныхъ людей, не только у черни, но и у самыхъ

*) Епиф. Ер. 80.

знатныхъ, не только у мірянъ, но и у Священниковъ и Епископовъ; такъ что нерѣдко лучшимъ и способнѣйшимъ изъ нихъ поручались церковныя должности, и даже Епископство. Тогда они покидали Монастырь, и снова вступали въ обращеніе со свѣтомъ. Кажется, что въ сіи первыя времена не наблюдался еще извѣстный чинъ Монашескаго постриженія. Василій Великій говоритъ *), что Монахи давали обѣтъ дѣвство-храненія, молча; но что, по его мнѣнію, лучше бы изрекать оный вслухъ, дабы, въ случаѣ его нарушенія, виновный подвергся покаянію.

Св. Златоустый говоритъ о возвращеніи Монаха въ свѣтъ, какъ о дѣлѣ произвольномъ, когда совѣтуетъ одному отцу ввесть въ Монашество его сына, коль скоро сей придетъ въ состояніе грѣшить, то есть, на десятомъ году, и держать его тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не укрѣпится въ добродѣтели; то есть, лѣтъ десять или двадцать. Сей Святый самъ на пятнадцатомъ году оставилъ монашескую жизнь, для поправленія своего здоровья. Но можно видѣть изъ упрековъ, которыя онъ дѣлаетъ

*) Въ Пис. къ Амфил.

другу своему Феодору, сколь порицаемы были тѣ, кои вмѣстѣ съ Монашествомъ покидали добродѣтельное житіе по вѣтренности, скукѣ или другой какой неизвинительной причинѣ. Но Бл. Августинъ уже прямо говоритъ *), что уходящіе изъ Монастыря поступаютъ противъ своего обѣта, и оказываются виновными въ нарушеніи онаго. Церковь налагала на нихъ покаяніе; но, въ отношеніи къ свѣту, они наказывались тѣмъ однимъ, что несли позорное имя измѣнниковъ.

Святость монашескаго житія была въ такой славѣ, что въ скоромъ времени появились на востокѣ многія тысячи не только Монаховъ, но и Монастырей. Подъ одними правилами св. Пахомія было до пятидесяти тысячь Монаховъ, кои, живучи по разнымъ мѣстамъ, собирались вмѣстѣ для празднованія Пасхи. Что касается до Монастырей, то основаніе ихъ не стоило почти никакихъ трудовъ. Къ нимъ не принадлежали ни земли, ни другія выгоды, которымъ бы могъ кто нибудь позавидовать. Не нужно было просить ни позволенія, ни вспоможенія чьего

*) Въ Толк. на Псал. 75, 95.

либо, дабы, оставивъ все, удалиться въ необитаемое мѣсто, выстроить тамъ бѣдныя келейки изъ тростника, по близости найденнаго, и жить въ нихъ тихо и за работою, не только никому не въ тягость, но еще съ великою пользою для бѣдныхъ, коимъ отсылались отсюда богатыя милостыни. Сіе должно разумѣть о первенствующихъ вѣкахъ. Ибо съ того времени, какъ Монахи стали выходить изъ пустынь для участвованія въ дѣлахъ гражданскихъ и церковныхъ, Халкидонскій соборъ положилъ запрещеніе строить какой нибудь Монастырь безъ соизволенія Епископскаго. Монастыри столько размножились, что нѣкоторые изъ нихъ находились на обитаемыхъ мѣстахъ и подлѣ городовъ: ибо не было настоятельной причины отнимать сію честь у плодоносныхъ странъ, каковы Италія, Сицилія и Греція; только что и здѣсь Монахи строго наблюдали уединеніе, проводя жизнь затворническую и молчаливую.

Жившіе неподалеку отъ города ходили въ общую церковь, для слушанія поученій и для пріобщенія св. таинамъ; здѣсь было для нихъ особливое мѣсто, гдѣ они могли сто-

ать отдѣльно отъ прочихъ, какъ то дѣвицъ и вдовъ. Сіе однакожъ не мѣшало имѣть имъ въ своихъ домахъ часовни, для приношенія тамъ общихъ молитвъ во всякое время. Тѣ, кои жили вдали, имѣли у себя Священниковъ, отправлявшихъ для нихъ Богослуженіе и прочія церковныя требы; а наконецъ признано полезнымъ, чтобы и каждый Монастырь имѣлъ по крайней мѣрѣ одного Священника съ однимъ или двумя Діаконами. Такимъ образомъ Монашествующіе, не имѣя случая выходить, оставались заключенными въ Монастыряхъ, какъ мертвые въ своихъ гробницахъ. Сею-то безвыходностію отозвался ересеначальникъ Евтихій, чтобы не итти на Константинопольскій соборъ предъ Флавіана.

Если таковый Монастырь основывался въ городѣ, то въ него отдавали дѣвъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу, которыя безъ того живали по разнымъ домамъ. Монахини въ Египтѣ и Сиріи стригли себѣ волосы, ради чистоты; въ другихъ странахъ ихъ растили, и вообще, касательно внѣшности, въ разныхъ мѣстахъ разныя были обыкновенія. Вотъ какъ Златоустый *) изобра-

*) Въ Бес. на 1 Посл. къ Тим. 2, 9.

жаетъ нарядъ дѣвственницъ, употреблявшійся въ его время: платье голубаго цвѣта, стянутое поясомъ, башмаки черные, остроконечные, бѣлое покрывало на головѣ, черная мантія, облекавшая главу и все тѣло.

Епископы, у коихъ Духовенство жило обществомъ, брали для себя въ примѣръ жизнь Монаховъ, и сообразовались съ нею, сколько то позволяли обстоятельства. Отъ чего общежительства сіи часто назывались Монастырями; въ послѣдствіи же не стало между ими вовсе никакого различія. Въ пятомъ вѣкѣ весьма многіе изъ западныхъ Епископовъ и Священниковъ провождали Монашескую жизнь, и носили сообразную съ симъ одежду. Папа Григорій противъ воли вышедшій изъ Монастыря, гдѣ заключался по оставленіи мірскаго величія, не переставалъ жить монашески, и наполнилъ свой дворецъ самыми благочестивыми Монахами, изъ коихъ вышли многіе знаменитые Епископы, на прим. Бл. Августинъ, и просвѣтители Англіи.

Истинная цѣль монашеской жизни состояла въ томъ, чтобы руководствовать къ высшему совершенству людей, соблюдшихъ себя непорочными послѣ крещенія, или

грѣшниковъ, желавшихъ загладить свои грѣхи покаяніемъ. Для сего-то принимались въ Монастыри люди всякаго возраста и всякаго состоянія: отроки, коихъ родители отдавали туда, дабы заблаговременно укрыть ихъ отъ соблазновъ міра; старцы, коимъ хотѣлось окончить жизнь Богоугоднымъ образомъ; женатые, коихъ жены, съ своей стороны, соглашались провождать такой же родъ жизни. Осужденные Церковію нести покаяніе чрезъ многіе годы, находили, безъ сомнѣнія, способнѣйшимъ, провождать оные въ Монастырѣ, гдѣ примѣръ братіи и утѣшеніе старцевъ служили для нихъ подкрѣпленіемъ, нежели вести одинокую жизнь посреди Христіанъ жившихъ въ мірѣ. Въ семъ отношеніи Монастырь часто бывалъ какъбы вмѣсто темницы, куда въ наказаніе посылали знаменитыхъ людей, какъ то было во Франціи, при первыхъ ея Короляхъ, и на востокѣ, начиная съ шестаго вѣка.

Изъ всего доселѣ сказаннаго видно, что учрежденіе Монашества служитъ яснымъ доказательствомъ промысла Божія, и Его попеченія о сохраненіи въ своей Церкви, до скончанія вѣковъ, не только чистоты ученія,

но и святости нравовъ. Ибо если сравнимъ образъ жизни первенствующихъ Христіанъ съ правилами благоустроенныхъ Монастырей, прежде существовавшихъ и нынѣ существующихъ; то найдемъ очень мало различія. Первенствующіе Христіане поставляли благочестіе главною своею цѣлію, подчиняя ей все временное: и Монахи удаляются отъ міра съ тѣмъ, чтобы съ большею свободою заняться единымъ на потребу. Первенствующіе Христіане молились совокупно и порознь, приближаясь, сколько возможно было, къ непрестанной молитвѣ: и въ Монастыряхъ моленіе общее и частное совершается гораздо чаще и правильнѣе, нежели въ другомъ мѣстѣ; потому что нѣтъ ничего, что бы отвлекало монашествующихъ отъ сего занятія. Первенствующіе Христіане весьма часто пріобщались св. Тайнамъ: и Монахи дѣлаютъ то же, если не въ каждой службѣ, какъ было въ древности, то по крайней мѣрѣ гораздо чаще Христіанъ, живущихъ въ мірѣ. Первенствующіе Христіане прилежно упражнялись въ чтеніи Св. Писанія: и въ Монастыряхъ сіе чтеніе поставляется обязанностію на каждой день, особливо же на

великій постъ и день воскресный, въ замѣну тѣлесныхъ работъ, производящихся въ будни. Первенствующіе Христіане любили молчаніе, какъ средство, отводящее отъ злорѣчія: и въ Монастыряхъ, отличныхъ по своей святости, молчаніе соблюдается строжайшимъ образомъ. Названія отцевъ и братьевъ, смотря по лѣтамъ и достоинствамъ, были общія между первенствующими Христіанами. Высшимъ они покарялись; съ равными жили дружно; любили угощать пріѣзжихъ, и подавать милостыню бѣднымъ: все сіе наблюдается и въ хорошихъ Монастыряхъ.

XIV.

СЛОВО

О суетности всѣхъ вещей земныхъ.

Суета суетствій, рече Екклезіастъ, всяческая суета. Еккл. 1, 2.

Есть истины, которыя каждый почитаетъ для себя столько же несомнѣнными, какъ и важными, и которыя однакожъ для большей части людей остаются столь же безплодными и недѣйствительными, какъ бы онѣ были маловажны и сомнительны. Мы не должны, слуш: удивляться сему. Человѣкъ, поврежденный человѣкъ, есть такое существо, которое рѣдко бываетъ въ согласіи съ самимъ собою, котораго познанія и дѣйствія весьма часто взаимно противорѣчатъ себѣ. И отъ чего произходитъ сіе? – отъ того, что онъ останавливается на однѣхъ только понятіяхъ общихъ, которыя потому самому, что общи, мало, или даже со всѣмъ не трогаютъ его, теряется въ необъятномъ множествѣ разнородныхъ вещей; не старается познать особеннаго отношенія, какое каждая истина

имѣетъ къ нему и нравственному его состоянію, въ той увѣренности, что сіе познаніе должно будетъ его смирить, пристыдить и привесть въ смятеніе и безпокойство. Кто на прим. сомнѣвается въ суетности всѣхъ земныхъ вещей? Кто не увѣренъ, что человѣческая жизнь не надежна и кратковременна, что всѣ земныя преимущества, блага и удовольствія тлѣнны и ничтожны, и что наконецъ образъ міра сего преходитъ?— Но увѣренность въ сихъ истинахъ приноситъ ли плоды добродѣтели и благочестія, которые она естественно должна приносить? Дѣлаетъ ли она людей смиренными, и обращаетъ ли къ небу мысленный взоръ ихъ? Умѣряетъ ли привязанность и любовь ихъ къ видимому и преходящему? Научаетъ ли ихъ должному употребленію дарованныхъ имъ отъ Бога преимуществъ и драгоцѣннаго времени, которое онъ предоставляетъ имъ? Возбуждаетъ ли въ сердцахъ ихъ достодолжную ревность, пещись о будущемъ и приуготовлять себя къ вѣчности, которая каждый часъ, каждую минуту приближается къ нимъ? Заставляетъ ли ихъ вести себя такъ, какъ прилично гражданамъ неба и наслѣдникамъ

блаженнаго безсмертія?—Нѣтъ, печальный опытъ доказываетъ противное сему. Вѣрятъ симъ истинамъ; но рѣдко, и не съ должнымъ вниманіемъ размышляютъ объ оныхъ; весьма скоро теряютъ ихъ изъ вида; часто даже съ намѣренія истребляютъ въ душѣ своей самую мысль объ оныхъ; по крайней мѣрѣ, не съ довольнымъ усердіемъ и безпристрастіемъ прилагаютъ ихъ къ себѣ самимъ и своему поведенію, а такимъ образомъ и не ощущаютъ спасительнаго ихъ дѣйствія. По сему, братія, я считаю своею обязанностію, напомнить вамъ, равно и себѣ о сихъ истинахъ, и настоящія минуты посвятить на размышленіе о суетности всѣхъ земныхъ вещей. О, когда бы сіе размышленіе могло произвесть и оставить въ сердцахъ нашихъ глубокое и неизгладимое впечатлѣніе! О, если бы онѣ могли имѣть благотворное вліяніе на всю послѣдующую жизнь нашу и умудрить насъ для вѣчнаго блаженства!

Суета суетствій, рече Екклезіастъ, всяческая суета! Вы знаете, слуш., что это, сколько извѣстное, столько же и справедливое изреченіе, и если приведете себѣ на память важнѣйшія обстоятельства жизни

Соломона; то легко увидите, что его сужденіе о настоящемъ предметѣ чрезвычайно важно; ибо оно основывается на точномъ познаніи земныхъ вещей, и на продолжительномъ испытаніи, съ одной стороны, ихъ пріятностей, съ другой недостаточности и ничтожества. Еслибы какой - нибудь строгій мудрецъ или пустынникъ, лишенный всѣхъ пріятностей жизни, изъ своего печальнаго уединенія, гдѣ окружаютъ его тѣни смерти, воззвалъ къ вамъ: *суета суетствій, всяческая суета:* тогда, можетъ быть, вы не обратили бы на него вниманія; его свидѣтельство не большое произвело бы на васъ впечатлѣніе; тогда вы скорѣе рѣшились бы сожалѣть о немъ, нежели принимать отъ него наставленіе, и вѣрить въ семъ случаѣ однимъ только словамъ его. Вы почли бы его неспособнымъ, опредѣлять достоинство и цѣну такимъ вещамъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда не видалъ, которыми никогда не обладалъ и не наслаждался, и кои, по мнѣнію вашему, онъ потому только презираетъ, что самъ не можетъ имѣть ихъ. Сколь часто таковое, не рѣдко поспѣшное и пристрастное, сужденіе произносите вы о

наставленіяхъ вашихъ учителей, и тѣмъ самымъ ослабляете силу оныхъ? Если мы представляемъ вамъ, что все земное и видимое суетно и ничтожно; если говоримъ вамъ, что почести, блага и удовольствія міра сего суть такія вещи, которыя весьма мало заслуживаютъ уваженія и любви; если утверждаемъ, что обладаніе и наслажденіе сими вещами не можетъ содѣлать истинно счастливымъ существа разумнаго и безсмертнаго; если напоминаемъ вамъ, что мы здѣсь—на землѣ находимся въ состояніи воспитанія и образованія, и что она не есть мѣсто нашего назначенія; если увѣщаваемъ васъ, искать преимущественно небеснаго и вѣчнаго, и пещись о будущемъ: ахъ! сколь для многихъ сіи наставленія и увѣщанія наши теряютъ всю свою важность и силу, единственно по тому неосновательному предположенію, будто мы такъ разсуждаемъ и говоримъ болѣе по обязанности, нежели по внутреннему убѣжденію, и что, можетъ быть, скоро стали бы говорить совсѣмъ иначе, еслибы начали вести другой родъ жизни, или еслибы находились въ другихъ, по мнѣнію большей части людей, счастливѣйшихъ обстоятельствахъ?

Я не буду изслѣдовать теперь, сколь слабы и недостаточны сіи извиненія; не буду говорить о томъ, что истина, добродѣтель и Религія навсегда пребудутъ неизмѣнными, и, будучи таковыми, всегда заслуживаютъ уваженіе, послушаніе и покорность, каковы бы ни были ихъ учители и защитники. Я укажу теперь только на изреченіе свящ. Писателя, котораго никто не можетъ обличить ни въ невѣдѣніи, ни въ пристрастіи, и противъ свидѣтельства коего ничего не можетъ возразить самый развратный міролюбецъ. Это Соломонъ, который, въ качествѣ наставника человѣческаго рода, взываетъ къ обольщеннымъ смертнымъ: *суета суетствій, всяческая суета!* И кто былъ Соломонъ, слуш.? Былъ ли то какой-нибудь несчастный государь, который во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ встрѣчалъ непреодолимыя препятствія, былъ не любимъ своими подданными, ненавидимъ и утѣсняемъ сосѣдами, и который чрезъ продолжительныя непріятности потерялъ расположеніе и вкусъ ко всему, что ни представляетъ намъ сія земля прекраснаго и привлекательнаго, или который не зналъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ

удовольствій сей жизни? Нѣтъ! Онъ, какъ свидѣтельствуетъ намъ Исторія, былъ мудрѣйшій и счастливѣйшій Монархъ своего времени. Любимый своими подданными, страшный для своихъ сосѣдей, уважаемый отдаленными народами, онъ наслаждался цвѣтущимъ и непрерывнымъ благоденствіемъ. Обширныя и рѣдкія свѣдѣнія украшали его душу, и его могущество не позволяло ему имѣть недостатка ни въ какихъ средствахъ къ постоянному расширенію своихъ познаній и удовлетворенію любознательности, если только она можетъ быть удовлетворена. Блескъ и великолѣпіе двора его, безчисленныя его сокровища и мудрость, которую онъ показывалъ во всѣхъ своихъ словахъ и поступкахъ, дѣлали имя его славнымъ въ самыхъ отдаленнѣйшихъ странахъ. Онъ былъ, какъ говоритъ Писаніе, мудрѣе Халдеевъ и Египтянъ, даже премудрѣе всѣхъ человѣковъ. (3 Цар. 4, 30.) Богатствомъ и мудростію онъ превосходилъ всѣхъ царей земныхъ. Всѣ цари желали видѣть его, и каждый приносилъ ему свои дары. (3 Цар. 10, 23. 24.) Сверхъ того онъ съ избыткомъ обладалъ всѣмъ тѣмъ, что удовлетворяетъ чувствамъ,

и что доставляетъ веселіе и радость сердцу человѣческому. Нѣтъ удовольствія, котораго онъ не испыталъ бы, и его жизнь была не что иное, какъ непрерывное наслажденіе благами міра. Послушайте, какъ онъ самъ изъясняется о семъ: *Возвеличихъ твореніе мое,* говоритъ онъ, *создахъ ми домы, насадихъ ми винограды, сотворихъ ми вертограды и сады, притяжахъ рабы и рабыни, и домочадцы быша ми, собрахъ ми злато и сребро, сотворихъ ми поющихъ и поющія, и услажденія сыновъ человѣческихъ. Все, егоже просиста очи мои, не отъяхъ отъ нихъ, и не возбранихъ сердцу моему отъ всякаго веселія моего.* (Еккл. 2, 4. 10.) Но послушайте также, какой приговоръ произноситъ онъ надъ всѣмъ тѣмъ: *Призрѣхъ азъ на вся творенія моя, яже сотвористе руцѣ мои, и на трудъ, имиже трудихся творити, и се! вся суета, и произволеніе духа, и нѣсть изобиліе подъ солнцемъ.* (Еккл. 2, 11.) И сіе-то самое утверждаетъ онъ въ избранномъ нами текстѣ, и даже въ цѣлой книгѣ, изъ которой заимствованъ оный. Смертные,—вы, которые міръ и то, что въ мірѣ, любите болѣе, нежели

Бога, которые обладаніе и наслажденіе земными вещами почитаете высочайшимъ своимъ благомъ, и думаете обрѣсти въ ономъ все свое блаженство, — что можете сказать вы противъ такого свидѣтельства? Чемъ можете ослабить силу онаго? Чемъ можете извинить и оправдать свое неразуміе? Не должно ли сіе сдѣлать на васъ сильнаго впечатлѣнія; не должно ли возбудить васъ отъ вашего плотскаго упоенія, и привести въ самосознаніе, когда изъ устъ столь мудраго, столь могущественнаго и счастливаго государя, имѣющаго обширныя свѣдѣнія, и спокойно наслаждающагося всѣмъ, что только есть на сей землѣ прекраснаго и привлекательнаго, вы слышите приговоръ на всѣ земныя блага и удовольствія: *Суета суетствій, всяческая суета!?* —

Впрочемъ его свидѣтельство, сколь оно ни сильно и непререкаемо, не есть единственное, ни даже сильнѣйшее доказательство, утверждающее истину сего положенія. Самое существо сей вещи, постоянный и одинаковый опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ людей, собственное наше чувство и свидѣтельство нашего сердца — дѣлаютъ его несо-

мнѣннымъ. Богатство и честь, чувственныя удовольствія, знаніе и мудрость, даже самая жизнь,—все суета, то есть, всѣ сіи блага скоротечны и невѣрны; онѣ продолжаются только на краткое время; онѣ не могутъ успокоить человѣческаго сердца, удовлетворить его желаніямъ, и доставить ему истинное и продолжительное счастіе. Разсмотримъ сіе нѣсколько подробнѣе.

Многочисленныя богатства суетны.—Я не буду изслѣдовать теперь, сколь многаго труда и усилій, сколь многихъ ночей, проведенныхъ безъ сна, сколь многихъ низкихъ поступковъ, сколь многихъ пожертвованій невиннымъ удовольствіемъ стоитъ для большей части людей пріобрѣтеніе богатства. Умолчу о томъ, сколь значительная проходитъ часть жизни, прежде нежели выполняются ихъ намѣренія, и сколь часто они иждиваютъ всѣ свои силы, и однакожъ не достигаютъ той цѣли, къ которой стремятся съ мучительнымъ безпокойствомъ. Положимъ, что они преодолѣли всѣ трудности, и уже дѣйствительно обладаютъ великими сокровищами. Что же это за сокровища? Не суть ли онѣ по существу своему

скоропреходящи и невѣрны? Не суть ли это *сокровища, яже червь и тля тлитъ, яже татіе подкопываютъ и крадутъ?* (Матө. 6, 19.) Не суть ли это сокровища, кои, какъ говоритъ премудрый Царь, часто дѣлаютъ себѣ крылья, какъ орелъ, и тотчасъ оставляютъ своего обладателя? (Притч. 23, 5.) Сколько непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ случаевъ, которые могутъ лишить его оныхъ? Не можетъ ли онъ, сверхъ всякаго чаянія своего, отъ великаго богатства притти въ крайнее убожество и бѣдность? И можетъ ли онъ быть хотя когда-либо совершенно увѣренъ въ томъ, что сего не случится съ нимъ? Послѣдуютъ ли за нимъ въ тотъ міръ сіи сокровища? Не долженъ ли онъ въ минуту своей смерти навсегда оставить ихъ? *Якоже изыде изъ чрева матере своея нагъ, возвратится ити, якоже и пріиде, и ничтоже возметъ отъ труда своего, да понесетъ въ руцѣ своей.* (Еккл. 5, 14.) Притомъ, можетъ ли обладаніе сими вещами, сколь бы ни было оно продолжительно, удовлетворить безконечнымъ его желаніямъ, и содѣлать его истинно счастливымъ? Не научаетъ ли насъ посто-

лянный опытъ тому, что алчность къ золоту и серебру непрестанно становится сильнѣе, и никогда не удовлетворяется, что *любяй сребро, не насытится сребра, и любяй богатство, не насытится богатства?* (Еккл. 5, 9.) Или могутъ ли сіи блага смягчить жестокость нашихъ болѣзней; доставить намъ здоровье и крѣпость; уврачевать раны нашего духа, истребить печали и заботы въ нашемъ сердцѣ? Могутъ ли онѣ вознаградить намъ потерю нѣжной супруги, единственнаго сына, вѣрнаго друга? Могутъ ли вооружить насъ противу всѣхъ ужасовъ смерти? Не гораздо ли еще болѣе онѣ увеличиваютъ естественный страхъ нашъ при видѣ гроба?— Во всѣхъ сихъ отношеніяхъ сколь справедливо то, что *жизнь человѣка не зависитъ отъ его имѣнія,* и что обиліе благъ земныхъ не дѣлаетъ его счастливымъ! (Лук. 12, 15.)

Но, можетъ быть, слава сего міра менѣе суетна, нежели его богатство? Можетъ быть, она лучше можетъ доставить намъ существенное и продолжительное счастіе? Какъ много обманулись бы мы, слуш., когда бы хотя нѣсколько увлеклись сею мечтою! Въ чемъ состоитъ слава міра сего? Въ вы-

годномъ мнѣніи другихъ о нашихъ преимуществахъ, о нашихъ дарованіяхъ и способностяхъ, о нашихъ добродѣтеляхъ и заслугахъ. И на чемъ основывается сіе мнѣніе? Весьма рѣдко бываетъ оно плодомъ основательнаго и безпристрастнаго сужденія, достовѣрнаго свѣдѣнія о нашихъ нравахъ и нашемъ поведеніи, и безпритворнаго уваженія къ нашимъ добродѣтелямъ и преимуществамъ. Вообще оно основывается или на наружномъ блескѣ, который тотчасъ изчезаетъ, когда смотрятъ на насъ вблизи, или на какомъ-либо счастливомъ случаѣ, или на низкомъ корыстолюбіи, или наконецъ на лжи и обманѣ. Уважаютъ насъ, дабы самимъ быть уважаемыми; прославляютъ наши заслуги, дабы пріобрѣсть славу цѣнителей и покровителей заслугъ. Хвалятъ въ другихъ добродѣтель, дабы въ самихъ себѣ скрыть недостатокъ оной, и быть причтенными къ числу друзей ея. Часто ласкаютъ намъ для того, дабы чрезъ то или пріобрѣсть нашу благосклонность, покровительство и помощь, или имѣть возможность, тѣмъ вѣрнѣе вредить намъ. И кто же суть сіи люди, коихъ одобреніе и похвала состав-

ляютъ то, что обыкновенно называютъ славою міра сего? Это большею частію такіе люди, которые сами не имѣютъ никакихъ, достойныхъ уваженія и любви качествъ, которые во всемъ водятся только чувственностію и страстями; страхомъ и надеждою,—люди, для коихъ предразсудокъ и своенравіе суть главныя основанія, кои вѣрятъ всякой сомнительной молвѣ, безъ всякаго изслѣдованія оной, и кои весьма часто совсѣмъ не знаютъ, что такое истинно—великое, истинно—благородное и славное, и нерѣдко, по выраженію Пророка, называютъ свѣтъ тьмою и тьму—свѣтомъ. (Иса. 5; 20.) Это люди, кои о многихъ дѣяніяхъ судятъ только по одному ихъ явленію, не обращая вниманія на ихъ источники и цѣли, кои на все необыкновенное, обращающее на себя всѣхъ взоры, смотрятъ съ удивленіемъ и уваженіемъ; а безмолвную добродѣтель, а истинно—великія дѣянія, которыя мудрый Христіанинъ совершаетъ втайнѣ, они не удостоиваютъ никакого вниманія. Притомъ что можетъ быть перемѣнчивѣе и непостояннѣе мнѣнія людей? Какъ легко потерять ихъ благосклонность? Не часто ли

случается, что они порицаютъ и презираютъ нынѣ то, что вчера одобряли и превозносили великими похвалами? Не наполнена ли исторія человѣческаго рода примѣрами такихъ людей, кои нынѣ были любимцами народа, а чрезъ нѣсколько минутъ дѣлались предметами злобной его ненависти? И такъ можетъ ли слава міра сего, которая стоитъ на толь слабомъ основаніи, раздается столь пристрастными судіями, которую столь легко можно потерять, которая не доставляетъ намъ никакихъ существенныхъ выгодъ, а напротивъ отравляетъ ядомъ наше сердце, дѣлаетъ насъ нечувствительными къ безконечно—драгоцѣннѣйшему для насъ одобренію собственной нашей совѣсти и самого Бога, поселяетъ въ сердцѣ нашемъ достойную посмѣянія и наказанія гордость,— и которая, наконецъ, вмѣстѣ съ нашимъ тѣломъ истлѣваетъ во гробѣ,—можетъ ли, говорю, слава сія успокоить насъ и доставить намъ истинное и продолжительное счастіе? Не есть ли она одна только мечта, невѣжество и суетность?

И не тоже ли самое должны мы сказать и объ удовольствіяхъ чувственныхъ, кото-

рыя обольщенные смертные часто считають за высочайшее свое благо? Не также ли суетны, скоротечны, мгновенны и онѣ? Онѣ изчезають въ то самое время, когда мы только еще начинаемъ наслаждаться ими; онѣ умирають, такъ сказать, въ самую минуту ихъ рожденія, и никогда не соотвѣтствують нашимъ чаяніямъ. Мы ожидаемъ ихъ съ великимъ нетерпѣніемъ, ищемъ съ мучительнымъ безпокойствомъ, обѣщаемъ себѣ восхитительныя радости отъ наслажденія оными, уже напередъ называемъ себя счастливыми;—но едва исполнилось наше желаніе,—и мы находимъ себя обманутыми. Пробуждаемся,—и призракъ, очаровавшій насъ во снѣ, изчезаетъ, и мѣсто восхищенія заступаетъ несносная скука, отвращеніе, безпокойство, а часто стыдъ, горестное раскаяніе и мучительныя угрызенія совѣсти. Самыя вожделѣнныя изъ удовольствій чувствъ, чрезъ частое наслажденіе оными, теряютъ для насъ свою привлекательность; а кругъ мірскихъ радостей весьма ограниченъ. Наши чувства мало помалу слабѣютъ, наши силы истощаются, наши страсти дѣлаются менѣе живы, и то, что прежде возбуждало въ

насъ сладостнѣйшія чувствованія, спустя короткое время, не обращаетъ на себя никакого вниманія, или даже становится для насъ въ тягость. Рано или поздо, но непремѣнно всѣ мы принуждены будемъ сказать *смѣху: безуміе, и веселію, что сіе твориши?* (Еккл. 2, 2.) Могутъ ли же такого рода удовольствія насытить нашу душу? Могутъ ли онѣ удовлетворить безконечнымъ желаніямъ нашего сердца? Можемъ ли мы, не обманывая самихъ себя, искать въ нихъ истиннаго, постояннаго и соотвѣтственнаго нашей природѣ блаженства? Смертные,—вы, которые работаете похотямъ плоти, и провождаете жизнь совершенно чувственную, я ссылаюсь на вашъ собственный опытъ. Не правда ли, что удовольствіе, за коимъ вы гоняетесь, весьма часто обманываетъ васъ, что оно весьма близко къ неудовольствію, и что сіе обыкновенно слѣдуетъ за онымъ непосредственно? Не правда ли, что вы очень часто, среди самыхъ веселостей и забавъ вашихъ, ощущаете въ себѣ нѣкое тайное безпокойство, которое отравляетъ горестію всѣ ваши удовольствія, и что обиліе радостей земныхъ не наполняетъ пустоты въ вашемъ сердцѣ,

не удовлетворяетъ его желаній? Если же такъ; то вы должны сознаться, что всѣ чувственныя удовольствія суетны, и что онѣ не могутъ содѣлать человѣка истинно счастливымъ.

Но не чужды ли сихъ недостатковъ удовольствія духа, которыя человѣческая мудрость и вѣдѣніе обѣщаютъ своимъ любителямъ; и не способны ли онѣ доставить намъ то, чего не могутъ доставить богатство, почести и чувственныя удовольствія? Нѣтъ! братія; и онѣ также суетны; ибо *во множествѣ мудрости*, говоритъ Екклезіастъ, *множество разума, и приложивый разумъ, приложитъ болѣзнь.* (Еккл. 1, 18.) То есть, гдѣ много мудрости, тамъ много заботъ, и кто умножаетъ свои познанія, тотъ умножаетъ печали. И въ самомъ дѣлѣ, если мы разсудимъ, сколь много времени и трудовъ, сколь много размышленій и даже скучныхъ изслѣдованій потребно къ тому, чтобы пріобрѣсть знаніе и мудрость, и сколь немногимъ, при неусыпномъ прилежаніи и напряженіи всѣхъ силъ своихъ, удается въ нѣкоторой мѣрѣ достигнуть своихъ цѣлей, или, посредствомъ важныхъ и полезныхъ для че-

ловѣчества открытій отличить себя отъ великаго множества такъ называемыхъ мудрыхъ и ученыхъ;—если размыслимъ, сколь много трудныхъ и даже непреодолимыхъ препятствій, сколь много враговъ и опасностей встрѣчается намъ на пути къ истинѣ; сколь часто обманываютъ насъ наши чувства, помрачаютъ предразсудки, ослѣпляютъ страсти; какъ много склонны мы принимать явленіе вещи за самое существо оной, какъ часто одинъ лучь свѣта показываетъ намъ суетность многолѣтнихъ усилій, и самыя основательнѣйшія, по нашему мнѣнію, творенія разума представляетъ такими вещами, кои основаны на одномъ только воображеніи; —если представимъ себѣ, сколь слабъ нашъ разсудокъ, сколь тѣсенъ кругъ нашего зрѣнія, сколь ограниченны всѣ наши способности, сколь несовершенны и ничтожны самыя обширныя человѣческія знанія въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы не знаемъ и знать не можемъ, и сколь темны, неопредѣленны, сомнительны и несовершенны большая часть нашихъ понятій;—если, наконецъ, возмемъ во вниманіе и то, что и мудрѣйшіе изъ людей весьма живо чувствуютъ слабость и недо-

стапочность всѣхъ познаній, что предъ ними всегда разверзаются новыя глубины, которыхъ они никакъ изслѣдовать не могутъ, и что никакія обширныя свѣдѣнія не могутъ удовлетворить ихъ любознательности; если, говорю, представимъ себѣ все сіе: то должны будемъ сказать, что и мудрость человѣческая есть суета, и что *утаися премудрость отъ всякаго человѣка*, (Іов. 28, 21.) *и помышленія смертныхъ боязлива, и поерѣшительна умышленія ихъ*. (Прему. 9, 14.) И сколь много уменьшается достоинство сей мудрости отъ того, что и она, подобно всему земному, непостоянна и кратковременна. Пусть человѣкъ пріобрѣтетъ на сей землѣ великія и рѣдкія познанія; пусть изучитъ всѣ языки, узнаетъ всѣ произведенія и памятники древности; пусть всю древнюю и новую Исторію, всѣ опыты, дѣланные для объясненія сокровенныхъ дѣйствій природы, всѣ мнѣнія, объ оныхъ произнесенныя, пусть всѣ искусства и науки будетъ знать совершеннѣйшимъ, возможнымъ для существа ограниченнаго, образомъ;—мы признаемъ его заслуги, и не откажемъ ему въ должномъ уваженіи: но будетъ ли онъ обладать сими позна-

ніями во гробѣ? возметъ ли ихъ съ собою въ другой міръ? будутъ ли онѣ казаться ему тамъ столько же великими и важными, каковыми онъ считалъ ихъ здѣсь? Нѣтъ. Большую часть изъ нихъ онъ навсегда забудетъ; а если и вспомнитъ объ нихъ, то устыдится дѣтскихъ своихъ погрѣшностей, поспѣшныхъ сужденій, опрометчивыхъ и дерзскихъ рѣшеній. О весьма многихъ предметахъ онъ совсѣмъ иное будетъ имѣть понятіе; и тогда-то еще въ первый разъ изъ области тьмы онъ вступитъ въ область свѣта. Въ семъ отношеніи справедливо говоритъ Екклезіастъ: *Въ могилѣ, аможе идеши, нѣсть сотвореніе и помышленіе и разумъ и мудрость.* (Еккл. 9, 10.)

И какъ недалеко отстоитъ отъ насъ перемѣна сія? Ахъ! самая жизнь наша совершенно суетна. Она продолжается на короткое время, и большая часть оной проходитъ непримѣтно, безъ всякаго ея употребленія, безъ наслажденія ею.

Мы непрестанно приближаемся къ тихой могилѣ и вѣчности;—и совсѣмъ неожиданно усматриваемъ себя на краю земнаго нашего поприща. Нѣтъ дня, часа, нѣтъ даже минуты,

въ которую мы были бы совершенно безопасны отъ смерти. Ни юность, ни здоровье, ни крѣпость, ни богатство, ни честь, не сильны защитить насъ отъ сей грозной повелительницы. Нѣмотствующее дитя, цвѣтущій юноша, крѣпкій мужъ, столько же, какъ и согбенный и дрожащій старецъ, должны быть покорны ея гласу. Весьма немногіе достигаютъ самаго крайняго предѣла человѣческой жизни; большая часть людей принуждены бываютъ разстаться съ нею прежде, нежели успѣютъ вкусить блага и пріятности оной,—прежде, нежели начнутъ собственно жить. И на сколько же отдаленъ отъ насъ предѣлъ сей? Ужели на тысячу лѣтъ, или даже на цѣлые вѣки, кои, по отношенію къ вѣчности, составляютъ однѣ непримѣтныя минуты? Нѣтъ, *дніе лѣтъ нашихъ, въ нихъ же седмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь; они протекаютъ быстро и мы какъ бы улетаемъ.* (Псал. 89, 10.) И такъ можно ли послѣ сего сомнѣваться въ истинѣ, утверждаемой въ изреченіи Премудраго: *Сuета суетствій, всяческая суета!?*—

Но, слуш., должны ли мы довольствоваться однимъ только знаніемъ сихъ истинъ, одною увѣренностію въ нихъ? Плачевная увѣренность, если она не доставляетъ намъ болѣе никакой пользы! Увѣренность, которая въ семъ случаѣ должна отравлять горестію всѣ дни нашей жизни, и всѣ удовольствія оной дѣлать непріятными, которая при малѣйшемъ неблагопріятномъ случаѣ должна приводить насъ въ страхъ и трепетъ, представлять намъ смерть въ самомъ ужасномъ образѣ, и при ея приближеніи повергать насъ въ совершенное уныніе. Нѣтъ. Сіи истины должны быть всегда присущи нашему духу, и имѣть постоянное и сильное вліяніе на наше поведеніе; должны умѣрять нашу привязанность и любовь къ благамъ и выгодамъ житейскимъ, и вдыхать въ насъ благородное презрѣніе оныхъ; должны, наконецъ, побуждать насъ, искать счастія и радостей тамъ, гдѣ дѣйствительно можно найти ихъ, и со всею ревностію стремиться къ обладанію и наслажденію такими предметами, кои вѣчны и непремѣняемы. А какіе это предметы? Богъ, слуш., Богъ! Онъ есть вѣченъ. Онъ всегда былъ и будетъ. Его благость непремѣняема.

Она есть неисчерпаемый источникъ всякаго свѣта, всякой жизни и всякаго блаженства. Кто находится въ Его обществѣ, и принадлежитъ къ числу вѣрныхъ рабовъ Его, тотъ смѣло можетъ надѣяться вѣчнаго, никогда нескончаемаго блаженства. Духъ нашъ вѣченъ. Хотя онъ получилъ начало, но онъ не будетъ имѣть конца,—онъ никогда не перестанетъ мыслить и желать, никогда не перестанетъ быть счастливымъ или несчастнымъ. Онъ будетъ жить, хотя наше тѣло истлѣетъ во гробѣ, и обратится въ прахъ и пепелъ. Истина и добродѣтель вѣчны; никакая перемѣна времени не измѣнитъ и не уничтожитъ ихъ. Онѣ будутъ существовать и по разрушеніи сего міра, и на томъ новомъ небѣ и новой землѣ не перестанутъ быть тѣмъ, чемъ теперь сутъ. Онѣ и тамъ также будутъ составлять совершенство и блаженство всѣхъ разумныхъ тварей. Вотъ предметы, заслуживающіе все наше вниманіе и тщаніе! Они-то должны быть предметами всѣхъ нашихъ мыслей, желаній, намѣреній и трудовъ. Если мы на пути покаянія, вѣры и освященія удостовѣряемся въ благости и благоволеніи Существа Всевышняго;

если избавленіе и спасеніе безсмертнаго на-
шего духа составляетъ преимущественнѣй-
шее наше занятіе; если мы съ истинною
ревностію стремимся къ царству Божію и
правдѣ его; если мы въ познаніи откровен-
ной истины и упражненіи въ Христіанских
добродѣтеляхъ стараемся болѣе и болѣе успѣ-
вать, и обогащаться добрыми дѣлами: тогда
счастіе наше стоитъ на твердомъ основа-
ніи; тогда мы идемъ путемъ, который ве-
детъ къ истинному довольству, къ постоян-
ному и вѣчному блаженству; тогда мы мо-
жемъ быть спокойны при всемъ непостоян-
ствѣ и перемѣнчивости всѣхъ вещей зем-
ныхъ, и равнодушно смотрѣть на ихъ сует-
ность и ничтожность; тогда пусть прей-
дутъ небо и земля; пусть *растаютъ ихъ
стихіи и сгорятъ всѣ* человѣческія *дѣла*,—
мы все еще непрестанемъ существовать,
вознесемся надъ развалинами въ пепелъ обра-
щеннаго міра, и наша надежда никогда не
обратится намъ въ стыдъ. Аминь.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Напечатано:			Читать должно:
Страк.	Строк.		
15	8	что,	что
40	25	волхванія	волхвованія
51	6	πϱοιον	πϱοΐον
189	18	въ разсужденія	вразсужденія
199	9	желаніямъ	желаніяхъ
231	21	врачества,	врачевства
232	13	и по врачество	врачевство
234	15	наши	наши
249	15	разсплѣнное.	расплѣнное
340	6	веселію,	веселію:
342	6	истинне	истинѣ

Widener Library
3 2044 105 195 481